

МАРИЯ КАСПАРОВНА РЕЙХЕЛЬ

ПИСЬМА М.К. РЕЙХЕЛЬ Е.С. НЕКРАСОВОЙ

Статья Н.Я. Эйдельмана, публикация и комментарии Э.А. Павлюченко

Письма М.К. Рейхель к ее московской корреспондентке Е.С. Некрасовой написаны через много лет после смерти Герцена, но все душевные силы этой уже старой женщины, сохранившей прекрасную память, были сосредоточены на годах дружбы с ним. “Она теперь уже старушка, ей много лет, – отметила в своей записной книжке Некрасова, встретившись с Рейхель в 1901 г., – но она поражает своей бодростью и силой”¹. Летом 1912 г. Р.В. Иванов-Разумник писал М.К. Лемке: “Говорил со старухой Рейхель – все помнит, как вчера было”².

Цепкая “мемуарная” память Марии Каспаровны подкреплялась герценовскими документальными материалами, находившимися в ее руках. При сопоставлении воспоминаний Рейхель, напечатанных отдельной книжкой, и тех, что рассыпаны по ее многочисленным письмам, во многих случаях следует отдать предпочтение последним: в них Рейхель более органична, раскованна.

Юность М.К. Эрн-Рейхель довольно подробно описана в ее опубликованных воспоминаниях, и письма добавляют лишь некоторые частности, порою, однако, существенные для понимания общих мотивов.

Мария Каспаровна родилась в Тобольске. Хотя мать увезла ее с Иртыша в 1834 или 1835 г.³, она до конца дней называла себя “сибирским медведем” и оставалась горячей патриоткой Сибири, тем более, что родственники продолжали жить в том краю, а брат Н.К. Эрн, дослужившись до должности иркутского вице-губернатора⁴. Письма Марии Каспаровны к земляку-сибиряку В.И. Семидалову, близкому знакомому Некрасовой, полны интереса к родным местам. Вполне вероятно, что Сибирь была и темой ее бесед с Герценом, неоднократно писавшем о будущем развитии азиатской России.

Неплохое домашнее образование Маша Эрн получила в основном благодаря учителям-ссыльным. Семья жила небогато, а после кончины отца – стесненно, хотя и относилась к привилегированной касте. Перебравшись в Вятку (где брат Гаврила Каспарович служил чиновником особых поручений при известном по “Былому и думам” губернаторе-самодуре К.Я. Тюфяеве), семья Эрн познакомилась и сблизилась со ссыльным Герценом. Именно Герцен дает совет взять способную девочку в Москву для обучения в пансионе, а в декабре 1835 г. с рекомендательными письмами не только к отцу, но и к матери Герцена семья Эрн отправляется во вторую столицу.

Отгнанные сильнейшие впечатления и привязанности, сохранившиеся до конца дней, соединят Марию Эрн с Москвой: “Она же мне второе отечество, я в ней выросла, и в ней живут дорогие мне воспоминания”⁵. Посетив Москву спустя более полувека, Мария Каспаровна легко восстановила по памяти план домов, где жили отец Герцена, сам Александр Иванович и его дети⁶.

Вообще дети Герцена многократно фигурируют в письмах Рейхель. В первом письме к Семидалову Мария Каспаровна соглашается с мнением М.К. Лемке о том, что смерть маленьких детей Герцена являлась следствием грубых обычаев деспотизма: “Во время отсутствия Герцена из квартиры явился жандарм требовать его в тайную полицию. Жена Герцена была перед разрешением и была испугана. Ребенок родился и прожил только несколько дней. Герцен был выслан в Новгород, где родилась девочка, которая после нескольких дней умерла. Следующий мальчик родился в Москве и также скоро умер. Пятый мальчик остался в живых, но остался глухонемым и, по словам профессора Фогта, отца теперешнего, к которому обратились за советом, и у этого ребенка была вода в голове, вследствие чего нерв слуха был разрушен. Вы, надеюсь, поймете и лучше объясните мой неумелый рассказ и как доктор увидите, какое влияние имело рождение (это был второй ребенок, Александр Александрович уже существовал) ребенка в Петербурге, умершего скоро вследствие испуга матери, на следующих детей”⁷.

Живые портреты отца Герцена И.А. Яковлева и его окружения, нарисованные в опубликованных записках Рейхель, можно дополнить по ее письмам. В частности, там несколько раз повторяется мотив раскаяния в том, что прежде о “старом господине” она “думала хуже, нежели теперь”. Из писем к Некрасовой мы узнаем, что у Яковлева “всей прислуги было чело- век до 20-ти”, что известный по “Былому и думам” и опубликованным запискам Рейхель по-

вар Спиридон в день своих именин в декабре (“Спиридон – солнца поворот”) “всегда приносил вкусное печенье из черного хлеба. В то время слуги приносили господам что-нибудь вроде и получали денежный подарок”⁸. В одном из писем Рейхель припомнила, как она в присутствии Яковлева вступилась за молодую крепостную горничную, обиженную домашним доктором, и Иван Александрович не сделал ей за это замечания.

Скромность Рейхель не позволяла ей, конечно, прямо сказать, что в кругу родных и друзей Герцена ее очень любили: “Моя мать говаривала, что первое счастье, когда любят людей, этим счастьем я пользовалась, и это мое первое неоцененное богатство”⁹.

Старик Яковлев пробовал “устроить счастье” Маши Эрн, предлагая ей выйти замуж за его поверенного Г.И. Ключарева. Мария Каспаровна отказалась – она уже находилась под сильным влиянием возвратившегося из ссылки Герцена и его друзей. Тата Герцен, переписывая “папашины мысли” вскоре после его смерти, признавалась: “Как он тебя любил и уважал, милая Маша!”¹⁰

Рейхель понимала, что не могла быть равной в кругу Герцена по недостаточности образования; что особенной близости между ею (“незаметная, робкая”) и женой Герцена (“окруженная, можно сказать, поклонением, любовью”) не было¹¹. Но Наталья Александровна пишет ей из Парижа 5 июля 1847 г.: “Так часто вспоминаю тебя, Маша, да вспоминаю еще, когда хочется бежать подальше или в незнакомую улицу, а духу одной и не хватает”¹².

Впрочем, при известной склонности к идеализации былого, Рейхель не скрывает, что ее особая близость к семье Герцена основывалась на ее “страстной привязанности” к маленькому Коле, глухонемому ребенку¹³. Н.А. Герцен, в связи с рождением дочери Ольги, рекомендует “новую ниццарку” и сообщает Рейхель из Ниццы: “Тата спрашивает, русская она или итальянка, и собирается учиться у нее по-итальянски; одна-то она, бедняжка, не будет тобою холена и балована”¹⁴. Семнадцатилетняя Тата в письме к Рейхель от 10 декабря 1861 г. признается, что часто, особенно когда ее что-нибудь огорчало, ей сильно хотелось писать к Рейхель “и все рассказать”¹⁵.

Особенно близка была Рейхель, кроме Герценов, с Грановскими, Щепкиным, Коршами, хорошо помнила Белинского, меньше успела узнать Огарева. До конца дней ей трудно было перечитывать Гоголя, помня о том, как прекрасно его читал вслух Герцен; за дружбу и сочувствие Рейхель особенно ценит и любит московских женщин¹⁶. Что Грановский в конце 1846 – начале 1847 гг. специально читал лекции для Н.А. Герцен, М.Ф. Корш и М.К. Эрн уже было известно; оказывается, при этом Мария Каспаровна “каждый раз вечером записывала на память и, уезжая, оставила Т.А. Астраковой” свои записки¹⁷. Если бы эти конспекты обнаружили, они стали бы, конечно, важным документом по истории женского образования в России.

В письме к дочери Е.Ф. Корша – Марии Евгеньевне – от 27 января 1910 г. Рейхель как бы подводит итог своим отношениям с московским кругом Герцена: “Я инстинктивно поняла, что это были за люди; в моей горячей к нему привязанности и их оценке я не поступлюсь ни перед кем, и теперь память о них и сочувствие к Герцену, к которому я ближе стояла, живет в сердце и оживляет меня тем, что я от них наследовала мою старость”¹⁸.

Как в своих печатных воспоминаниях, так и в письмах Рейхель много места уделяет совместному путешествию с Герценами в Европу в 1847 г. и последующим событиям, определившим судьбы тех, кто покидал Москву. Каждый год Мария Каспаровна вспоминает 19 января – день их отъезда из Москвы, уточняя, кстати сказать, данные Герцена, который ошибочно “ставит его на 21-го”¹⁹. Так же хорошо Рейхель помнит имена провожавших, уточняя или обогащая тот краткий перечень, что печатался в ее записках²⁰. Наиболее полный список тех, кто провожал Герцена, и тех, кто отправлялся с ним до Черной грязи, включает семнадцать имен²¹. Рейхель, забывая К.Д. Кавелина, Астраковых и В.П. Боткина, прибавляет (предположительно) Софью Карловну Корш, Н.М. Сатина, а также свою мать, П.А. Эрн.

Вслед за Герценом Рейхель считает причинами его отъезда плохое здоровье жены и известные “недоразумения во взаимных отношениях кружка”²². Зная множество подробностей, старинный друг Герцена не желает опускаться до разбора личных мотивов, нехотя отвечает на вопросы своих корреспондентов об этих материях и постоянно стремится представить главные, “высокие черты” герценовского круга.

Так, она решительно возражает против мнения Е.С. Некрасовой об “иезуитстве” М.Ф. Корш, будто бы весьма критически относившейся к жене Герцена. Признавая, что “отчуждение было и на это были основания”, Рейхель замечает своей корреспондентке: “Я не желаю ни критиковать, ни осуждать, особенно в мои лета после долгой жизни, ее опытов, когда взгляд делается яснее, чище, человечнее, когда все мелкое отпадает и только ценное, духовное стоит на часах”²³.

Среди рассказов Рейхель о путешествии 1847 г. выделяются по своему значению строки, посвященные матери Герцена, Луизе Ивановне Гааг. Ее энергия, жизнелюбие, интерес к новым местам, стремление помочь нуждающимся – все это достаточно полно представлено в биографической заметке Н.Д. Эфрос²⁴. Рейхель оставила нам живые детали, основанные на непосредственном общении с матерью Герцена, на анализе ее писем: “Во все продолжение нашей разлуки Луиза Ивановна часто писала ко мне истинно с материнским чувством; по-видимому, она скучала обо мне и торопилась сообщать мне, как близкому человеку, все, что происходило у нее и что занимало ее”²⁵. Сообщая, что у потомков Герцена находится портрет Луизы Ивановны, “писанный масляными красками”, Рейхель замечает: “Она была очень красива”²⁶. Незадолго до того Мария Каспаровна послала в Россию “двойной” фотопортрет – ее с Л.И. Гааг, сделанный в Женеве в 1847 г.²⁷

Рейхель дополняет известные прежде сведения о заграничном путешествии подробностями о его маршруте и участниках²⁸. К начальному периоду путешествия относятся самые радостные, непринужденные строки писем жены Герцена. “Ах, Марья Каспаровна, хорошо здесь, и жаль, что тебя нет; пахнет живым духом, ну да еще это будет, – пишет она 20 марта 1847 г. из Брюсселя. – А кабы ты тут была, побегали бы мы; когда я хожу с Александром, так это как дитя с няней. А помнишь, как мы бегали на воле?”²⁹

Положительное влияние Рейхель на развитие Коли Герцена было столь велико, что М.Ф. Корш, сопровождавшая Герценов в путешествии, восклицает: “Ну, Марья Каспаровна, советую вам, моя сударыня, как приедете в Москву, искать место директрисы воспитательного дома. Вы на Коле доказали ваше уменье”³⁰.

Приближение и начало революционных бурь 1848 г., совместное с Герценом путешествие в Италию и Францию представлены в письмах Рейхель несколькими живыми черточками, которых недостает в соответствующих главах ее воспоминаний: “В Италию Луиза Ив(ановна) и я с Колей съехались с Герцеными в Ницце, мы из Швейцарии, они из Парижа, и поехали вместе в Рим. Т(учко)вых, насколько помню, встретили в Риме. Кто были женщины, которые шли с народной толпой? Да мы, грешные...”³¹

Известия о событиях 9 января 1905 г. в России вызвали по ассоциации следующее воспоминание Рейхель (в письме к М.Е. Корш от 27 января 1905 г.): “Я в Париже была в 1848 в июньские дни, на горе были баррикады и лилась кровь. Пушечные выстрелы тоже слышались... Все это было в очень отдаленных от нас кварталах, но от ужасных впечатлений, от боли – отдаление нас не спасло. Это было, когда я еще не была замужем. От всего этого остается на душе осадок, которого никакими рассуждениями не выкуришь”³².

В 1850 г. Мария Каспаровна выходит замуж за А. Рейхеля, немецкого музыканта, друга М.А. Бакунина. В письме к Т.А. Астраковой от 13 ноября того же года она живо, остроумно рассказывает о своем венчании и о внимании к ней двух Александров – Герцена-отца и Герцена-сына: “Венчанье наше происходило при звуках карабинерской музыки и при съедении страсбургского пирога, все это, политое шампанс(ким) и моими слезами, потому что это перед самым моим отъездом. Оба Саши, и старший и малый, показали мне столько любви (...) Большой, – как отец, нет, лучше как друг в полном значении этого слова, – сердце так полным этим воспоминанием, истиной, что я имею дружбу этого человека – за что, ей-богу, не знаю, я знаю только, что я его бесконечно люблю и верю, что он меня очень любит. Ну вот все это и захотелось мне вам сказать, как человеку, которому все, что до меня касается, не есть все равно”³³.

Замужество вызывает у Марии Каспаровны противоречивые мысли о столь любимом Коле Герцене и о предстоящей разлуке с ним. “Вы спрашиваете, – пишет она незадолго перед тем Астраковой, – какие у меня данные на любовь к Коле, да ровно никаких, я люблю его без дна и покрышки, потому что моя любовь к нему так и разрослась в настоящем, что оно одно принадлежит ей. Полюбила я его потому, что любить хотелось, потому что когда он на свет пришел, для меня света не было. Вы знаете мою жизнь и знаете, что не удалась она, сердечная, ведь уж надо перед собой в этом признаться и уж годочков-то прошло-таки”³⁴.

Марии Каспаровне трудно расстаться с Колей. Впрочем, она надеется, что Коля ее не забудет, а письма Натальи Александровны укрепляют эту надежду: “Колька сильно утешает себя надеждой твоего скорого возвращения или тем, что сам поедет за тобой”³⁵.

И после свадьбы интерес Рейхель к семье Герцена не слабеет. 14 июня 1851 г. она пишет Астраковой из Парижа о Герцене: “Покамест Италия для здоровья всем на пользу послужила, исключая Александра, который от головы там очень страдает; теперь он на время здесь, а мне то и на руку”³⁶.

Герцен в этом и ряде следующих писем именуется уже без фамилии и отчества – очевидно, вследствие возможности перлюстрации писем.

В этот период разворачивается личная и духовная драма Герцена: крушение европейских революций и торжество реакции, переход на положение изгнанника-эмигранта, гибель мате-

М.К. ЭРН (В ЗАМУЖЕСТВЕ РЕЙХЕЛЬ)

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). 7 августа 1845 г.

Слева подпись художника: "К.Г. 1845. Полдень 7-го Августа"

Российский государственный архив литературы и искусства, Москва

ри и сына Коли во время кораблекрушения в Средиземном море, мучительная любовь Натальи Александровны к Гервегу, ее смерть 2 мая 1852 г. "Деспотизм государства, деспотизм случая", – так определяет Рейхель в письме к Семидалову роковые обстоятельства, преследовавшие семью Герцена³⁷.

В "Отрывках из воспоминаний" Рейхель толкует о семейной драме Герцена с предельной сдержанностью; на соответствующие вопросы Некрасовой и других корреспондентов отвечает нехотя, опасаясь оскорбить память дорогих людей. Она решительно оспаривает предположение, будто Ольга не дочь Герцена³⁸, Гервега же аттестует как "исчадие ада"³⁹. Узнав, что один из биографов Герцена, Чехихин-Ветринский, полагает, будто Н.А. Герцен "покинула мужа и детей ради Гервега", Рейхель энергично протестует: "Как можно так поверхностно говорить о таком важном эпизоде в жизни Гер(це)ных... Развязка этого узла стоила Наталии Александровне жизни"⁴⁰. Даже на дистанции полувека Мария Каспаровна переживает прошедшее, как сегодняшнее, и не имеет простых, однозначных ответов.

Именно в самые темные для Герцена месяцы 1851 и 1852 гг. Рейхель и ее муж оказывают ему неоценимую помощь и поддержку, выполняя различные поручения и просьбы. Мария Каспаровна приезжает из Парижа в Ниццу, присутствует при последних минутах Н.А. Герцена, забирает дочерей Герцена к себе, пока его жизнь за границей не устроится. "Во всей Европе (и Австралии), – пишет ей Герцен 2 февраля 1852 г., – у меня нет человека, к которому бы я имел более доверия, как вы (...) Огарев в России, и вы здесь" (XXIV, 230).

Письма Рейхель к Т.А. и С.И. Астраковым дополняют психологическую картину трагических событий в семье Герцена живыми, горестными, дружескими впечатлениями. Ее письма 1852 г. еще и тем интересны, что могут быть сопоставлены с рассказами Рейхель о тех же событиях, записанных полвека спустя. Не сообщая никаких откровенных подробностей драмы, Мария Каспаровна через Астраковых информирует о случившемся не только московских друзей, но и Огарева, с которым Татьяна Алексеевна в переписке; то, что "не поддается письму", она рассказывает Н.П. Боткину⁴¹, уезжавшему в Россию.

В те годы бывали периоды, когда Герцен писал Рейхель ежедневно; из 368 его писем за 1853–1856 гг., вошедших в 30-томное Собрание его сочинений, ровно половина” (184) адресована Рейхелям^{6*}. “После разрыва с Гервегом, – пишет Рейхель Семидалову 18 марта 1907 г., – Н(аталья) А(лександровна) еще переписывалась с ним с согласия А(лекса) И(вановича), чтоб разлучиться пристойно. Но Г(ерве)г не был так благороден и писал под конец так, что его письма не открывались и были брошены в огонь. У меня, к сожалению, из этого времени писем А(лекса) И(вановича) не сохранилось, а они были бы так ценны. Из времени его лондонского пребывания, особенно в начале, когда дети, Тата и Ольга у меня были почти с год, у меня много писем А(лекса) И(вановича) и все время потом до моего отъезда в Дрезден; немногие из этих писем я поместила в моих записках, остальные я все отдала Нат(алье) Ал(ександровне). В них много интересного, – да что может от Герцена быть неинтересным? Еще есть длинное письмо к Гауку (!), которое А(лекса) И(ванович) дал мне переписать и сохранить, оно также передано мною Алек(сандру) Ал(ександровичу)⁴². Это когда он узнал об отношении к Г(ерве)гу”⁴³.

С первых месяцев объявления Герцена вне закона в России, Рейхель становится посредницей между ним и российскими друзьями и родственниками, с которыми “государственному преступнику” опасно переписываться прямо. В 1852–1853 гг. она получала постоянные московские известия от Е.И. Герцена. Интересным мемуарным документом, дополняющим печатные записки, является описание пребывания в Париже на квартире Рейхель московского друга и великого актера М.С. Щепкина⁴⁴.

В своих воспоминаниях Рейхель слегка коснулась лишь первых лет вольного герценовского книгопечатания. Ее повествование останавливается на 1855 г. – накануне переезда Рейхель из Парижа в Дрезден. Пройдет несколько десятилетий, пока исследователям на станут ясны обширные контуры полезной деятельности Рейхель для Вольной русской типографии – той деятельности, которая позволила Герцену назвать ее “начальником штаба вольного русского слова” и воскликнуть: “Ах, боже мой, если б у меня в России вместо всех друзей была одна Марья Каспар(овна) – все было бы сделано” (XXV, 77).

Через посредство Рейхель (в Париже) и Астраковых (в Москве) шла замаскированная переписка Герцена с Огаревым. Призывая своего верного друга Марию Каспаровну быть особенно осторожной, Герцен с годами все больше пользовался ее адресом как основной опорой для связи с Россией, прежде всего с Москвой. Без преувеличения можно сказать, что основные сведения о Москве, попадавшие в “Колокол”, шли в первые годы вольного книгопечатания из старого московского круга – через Рейхель. С ее помощью постоянно “конспирировали” П.В. Анненков, Н.А. Мельгунов, К.Д. Кавелин, М.Ф. Корш и многие другие важные корреспонденты вольной печати. Сообщения Герцена в письмах к Рейхель часто имеют полуконспиративный или конспиративный смысл. Количество потаенной информации, шедшей через Дрезден в Лондон, было столь велико, что Герцен даже попросил Марию Каспаровну сделать каталог приходящих к ней бумаг⁴⁵.

“Портрет и письмо ваше, – пишет Рейхель Астраковой 27 мая 1853 г., – равно и другое, недавно полученное, препроводила тотчас по назначению и прилагаю ответ, – что ваши комиссии тотчас исполняются, в этом не имейте сомнения, только если сама не тотчас напишу, в этом простите”. Возможно эти строки, как и некоторые другие, относятся к связям Герцена с Огаревым через Рейхель и Астракову. 22 мая 1853 г. Рейхель просит, между прочим, передать Огареву, что она согласна насчет того, о чем Герцен ее просил, т.е. “насчет совершения путешествия по его плану”, – очевидно, она готова была съехаться с Огаревым в какой-либо точке Европы и передать письмо или поручение Герцена, или же организовать встречу обоих друзей. Начавшаяся Крымская война пресекла этот план.

Рейхель выполняла ряд герценовских комиссий в Париже, Дрездене и в других местах, где имя Герцена считалось опасным. Кроме того, как видно, она регулярно сообщала Герцену о своих многолетних встречах и беседах с приезжавшими в Дрезден русскими, и многое из этой информации было использовано вольной прессой. Перечитывая много лет спустя письма Герцена из Лондона, она замечает, что там “начинается работа и заводится типография – друкарня, как он называет. Он пишет обо всем, серьезно и всedневном, и между проглядывает шутовское. Я могу назвать этот период древней историей, когда у него никого не было, чтоб высказываться без принуждения. После приезда Огаревых⁴⁶ это должно было перемениться, имея вблизи такого близкого человека, потом расширялась и его деятельность, но забыта я не была”⁴⁷.

^{6*} В книге 1-й наст. тома напечатано еще десять писем Герцена к М.К. Рейхель – *Ред.*

Сохранилось 337 писем Герцена к Рейхелям, относящихся ко времени действия Вольной русской типографии, – и не дошло до нас ни одного ответного послания Рейхель, хотя их содержание часто можно определить по сохранившемуся тексту Герцена. По-видимому, исчезновение множества писем близкого человека не случайно: Герцен, скорее всего, после использования уничтожал послания Рейхелей, чтобы не подвергать друзей лишнему риску.

Значительные эпистолярные материалы из архива Рейхель – автографы писем к ней М.Ф. Корш, Л.И. Гаг, Е.И. Герцена, детей Герцена, А.В. и Е.К. Станкевичей, Е.С. Некрасовой, А. Фогта и др. – все это после кончины Марии Каспаровны соединилось с “герценианой” “пражской коллекции”⁴⁸. Письма Рейхель к Герцену, если бы они сохранились, должны были бы находиться у детей Герцена (ведь Мария Каспаровна отдала Тате Герцен и все имевшиеся у нее письма Александра Ивановича). В этом случае они неминуемо попали бы в научный оборот. Однако писем Рейхель к Герцену нет, и это – один из косвенных показателей особого их характера.

С другой стороны, “секретный архив” Рейхель состоял не только из герценовских писем, и тем важнее, интереснее заметить в сохранившейся переписке Марии Каспаровны отдельные подробности о ее участии в великом предприятии Герцена и Огарева.

По письмам Рейхель видно, какими реликвиями она располагала и что передавала Некрасовой для “комнаты людей 40-х годов”: кроме изображений Герцена и его детей, маска и рука Н.А. Герцен, гипсовые⁴⁹; портреты Щепкина, Бакунина, Карла Фогта, ее портрет, рисованный К.А. Горбуновым; кроме того, по ее сообщению, Тата Герцен делала “со всех снимки для себя”⁵⁰.

Чрезвычайно интересны сведения о корректурных листах “Полярной звезды” с посвящением Рейхель: Герцен еще до выпуска очередного тома альманаха регулярно посылал Марии Каспаровне (иногда и другим лицам – например, Н.А. Мельгунову) корректурные листы уже набранных статей. Благодаря пересылке листов, важные материалы “Полярной звезды” начинали движение к читателю порою на несколько месяцев раньше выхода тома в целом. Рейхель не указала Некрасовой, какое количество листов у нее имелось, но, очевидно, их было немало⁵¹.

Любопытен и сообщаемый Рейхель факт о посвящении ей, сделанном Герценом на корректурных листах. Такого текста в герценовском собрании сочинений нет. Наиболее естественной представляется гипотеза, что Герцен надписал Рейхель корректуру “Былого и дум” – произведения, украшавшего каждый том “Полярной звезды”. В одном из писем Рейхель к О.И. Лион находятся следующие строки: “В каком году напечатаны последние “Былое и думы”, не умею вам сказать; те, которые у меня, я все имею еще от самого А(лександра) И(вановича) его лондонского издания, у меня есть даже корректурные листы, которые он мне присылал перед напечатанием”⁵².

Очень вероятно, что Герцен посылал также Марии Каспаровне листы, к появлению которых она имела отношение. Не к этим ли материалам относится любопытное признание Рейхель о том, что у нее хранится записка П.Л. Пикулина, который тоже снабжал типографию через нее. Как известно, старый московский приятель Герцена и Рейхель, доктор Пикулин летом 1855 г. совершил рискованное путешествие в Лондон и доставил Герцену ценнейшие материалы, с которых начиналась вторая книга “Полярной звезды”: запрещенные стихотворения Пушкина, Лермонтова, Рыльева и других поэтов⁵³. Поскольку он ехал через Вену, Герцен и Рейхель маскировали его в письмах псевдонимом *Венский*. Герцен постоянно советовался с Рейхель по поводу обеспечения безопасности корреспондента, они оба сильно волновались.

Радостная весть о благополучном возвращении Венского прибыла от Рейхель вместе с какими-то новыми нужными Герцену материалами. 25 сентября 1855 г. Герцен отвечал Рейхель: “Само собою разумеется, что ваше письмо с приложением произвело в Вентноре, т.е. в моей норе, радость несказанную. – Итак, сошло с рук. Вот вам и алгвазилы. Очень, очень благодарю за скорую присылку. Теперь вы, должно быть, получите через некоторое время адрес купца, к которому я могу относиться по книжным делам” (XXV, 301). А еще через пять дней Рейхель исполняет очередное герценовское задание – просит у Пикулина новые материалы (см. XXV, 304). Через неделю, 6 октября 1855 г.: “Не забудьте моих комиссий в Россию. Как всегда, все, что оттуда, немедленно сообщайте” (XXV, 305).

Первые корректурные листы второй книги “Полярной звезды” с давно знаменитыми, но запрещенными в России и впервые публикуемыми стихами Пушкина, Рыльева, Лермонтова были особо знаменательным подарком Герцена, напоминающим и о помощи Рейхель и об успехе Вольной типографии. Позже Пикулин еще не раз передавал через Рейхель материалы для Герцена.

Кроме не отысканных до сего дня листов “Полярной звезды”, Рейхель, естественно, обладала и другими изданиями вольной печати. 1 мая 1907 г. в письме к М.Е. Корш сообщается:

«У меня Радищев еще лондонского издания, и в той же книге – записки князя Щербатова, яркого поклонника старины, который возмущен до глубины души “вольными” нравами века Екатерины. Перед обоими предисловие написано Герценом великолепно»⁵⁴. В другом письме, к Семидалову от 3 мая 1907 г.: “У меня два экземпляра кн. Щербатова и Радищева, оба лондонского издания с предисловием Искандера (...) Один экземпляр я еще имею от Г(ерце)на, а другой от кого-то остался. Это бы хорошо для музея, но не знаю, можно ли послать. Н(аталя) А(лександровна) пишет, чтоб я ей переслала, что она с другими вещами уложит. Как вы думаете? Есть у меня также два экземпляра стихотворений Огарева, тоже лондонского издания”⁵⁵. Нынешнее местонахождение обоих этих изданий из библиотеки Рейхель неизвестно.

Рейхель помнит, что она всегда была в курсе российских и герценовских дел, “получая регулярно *Колокол*”⁵⁶. Мария Каспаровна постоянно интересуется общественными вопросами и признается, что разделяет многие идеи Герцена, в том числе его взгляд на общину; следуя не “букве”, а духу герценовского учения восьмидесятилетняя соратница Герцена справедливо находит, что “насколько Г(ерцен) мог ошибаться в форме, вера его в будущность, в развитие спасла его, лишь бы не останавливалось”⁵⁷.

В то же время важные оттенки идеологической борьбы 1860-х годов и связанные с этим изменения в отношениях между Герценом и его друзьями – все это не всегда доступно или понятно Марии Каспаровне. Она искренне удивляется сообщениям Некрасовой, что их общий старинный московский друг Е.Ф. Корш “так ожесточен был” против Герцена⁵⁸. Между тем, разрыв с московским кругом произошел в 1861–1863 гг. в связи с тем, что Корш, Кетчер и другие из прежних приятелей сочувствовали репрессиям властей, усилившимся после студенческих волнений 1861 г., петербургских пожаров 1862 г. и польского восстания 1863 г.

Не понимая всего, Рейхель сочувствует Герцену во всем, сохраняет как в своих записках, так и в письмах живые черты Герцена и его круга. Она напоминает, между прочим, характерные герценовские словечки; не скрывает, что Герцен “не был музыкален”; о знаменитом портрете работы Н.И. Ге пишет, что, когда она в первый раз увидела этот портрет, он не сделал на нее “настоящего впечатления: сходство удивительное, но колорит уж слишком энергичный”. “В последнее мое пребывание в Лозанне, осенью прошлого года, – добавляет она, – я с портретом этим более примирилась”⁵⁹.

Последние годы жизни Герцена менее знакомы Марии Каспаровне, многого она не знала, но ее суждения о конфликте Герцена с “молодой эмиграцией”, о сложной домашней ситуации, которую не утаил от нее ее великий друг, – по-герценовски широки и непредвзяты⁶⁰. Она разделяет герценовскую настороженность к анархизму, но в то же время не соглашается с упрощенным взглядом Н.А. Тучковой-Огаревой на М.А. Бакунина⁶¹.

За первые десятилетия после смерти Герцена сохранилось сравнительно немного писем и мемуарных документов Рейхель. Однако в последние годы XIX–начале XX в. она очень много пишет о нем. Этому способствовал, конечно, общественный подъем в России, постепенное снятие запрета на имя и сочинения Герцена. В 1890–1900-е годы в России издаются первые тома герценовских сочинений, публикуются мемуары и материалы Тучковой-Огаревой, Н.А. Белоголового и некоторые другие. Особое внимание, не всегда добровольное, вызывают у Рейхель воспоминания хорошей знакомой – Т.П. Пассек. В письме к А.А. Герцену от 24 января 1887 г. Рейхель писала, очевидно, о просьбе Пассек предоставить ей материалы дляготавливаемых записок: “Препровождаю сейчас полученное мною письмо от Татьяны Петровны и предоставляю тебе судить о ее выводах и особенно о выписке из какого-то журнала, которая уже никак не отзывается чистотой. Так как я не знаю, где Тата в настоящее время, то прошу тебя переслать ей письма Пассек”⁶².

Выходят биографические очерки Чехихина-Ветринского, Батуринского и др., активно принимаются за исследование жизни и творчества Герцена Е.С. Некрасова, М.К. Лемке. Все это стимулировало родственников и немногих его друзей, доживших до посмертного “возвращения” Герцена на родину, к новым рассказам и публикациям.

В 1898 г. Рейхель, жившая постоянно в Берне, посетив Москву, “отыскала дом Ивана Алексеевича, отца Герцена, и погуляла в саду, который с небольшими переменами остался тот же”. “Можете себе представить, – пишет она О.И. Лион 16 сентября 1898 г., – с каким трогательным чувством видела я места, где провела молодость, после пятидесяти одного года отсутствия – целая жизнь прошла между”⁶³.

Она узнала и “старый дом”, где подолгу жила в гостях у И.А. Яковлева, и соседний, тоже яковлевский “Тучков дом”, вспоминала давние прогулки по Арбату и Поварской. Со своей невесткой, урожденной Шумахер (“Юшей”), Рейхель ездила к ее родным в Рязанскую губернию; мать Шумахер, Юлия Богдановна, родная сестра жены Грановского – ее старинная приятельница; она с мужем были “единственные в живых того времени”, которых Рейхель видела теперь⁶⁴.

Н.А. ГЕРЦЕН (ТАТА) И М.К. РЕЙХЕЛЬ

Фотография. Лозанна, 1900-е годы

Музей Герцена, Москва

Еще до поездки в Москву и особенно после нее личность Марии Каспаровны и ее рассказы все больше притягивали исследователей и почитателей Герцена. Она становится как бы представительницей Герцена среди новых поколений. Престарелая женщина (у нее четверо детей, девять внуков) восхищает собеседников и корреспондентов своей памятью, языком. По свидетельству Л.Э. Бухгейма, «первое, что поражает в ней, – это прекрасная московская речь, речь Сивцева Вражка, Плющихи, глухих переулков Арбата или Поварской, где еще доживают дворянские гнезда, но не Таганки, не Ильинки, где московский говор окрасился типичной купеческой складкой»⁶⁵.

В письмах Рейхель встречаются такие старинные, иногда прелестно неправильные обороты и галлицизмы, как «переходя сегодня через улицу, ветер понукал меня»; «а на дворе бунит то солнце à la весна, то буря со снежным ураганом»; «исхудала до скелетства»; «вы, милая, так много утепляете меня вашими сообщениями»; «поехать, не зная местности и к чужим людям, неловко и рискованно». Мария Каспаровна удивляется новому обороту – «перебои сердца», радуется сибирскому словечку «вышка» (чердак), решительно настаивает на том, что надо писать не «семья Герценов», а «семья Герценовых».

В письмах к О.И. Лион от 3 марта 1897 г. Рейхель говорит: «Вы пишете о Некрасовой, которая года три-четыре и ко мне письменно обращалась, а последним летом я познакомилась с одной русской барышней, которая была у меня спрашивать об А(лексandre) И(вановиче), потому что и она хочет заняться его биографией. А(лександр) И(ванович) сам говорит и свидетельствует о своей необыкновенной личности в «Былое и думы» и разных других сочинениях – сколько глубины, ясной правды везде, и если есть оттенок, который иногда грусть наводит, то это не могло быть иначе ради обстоятельств и жизни тяжелого опыта. Конечно, такой человек – общее достояние, и я не удивлюсь, что за него многие берутся – но трудно, очень трудно»⁶⁶.

Позже Рейхель заметит: «Я очень счастлива и благодарна судьбе, что, потеряв старых друзей в России, мне удалось встретиться с сочувствующими в более молодом поколении, и кому я обязана этим? Екатерине Степановне (Некрасовой) большею частью, потом А.И. Г(ерцену). Из-за него мы начали переписываться с нею, и в ней я нашла драгоценную для меня симпатию»⁶⁷.

Последним толчком, возможно, побудившим Рейхель начать записки, были «Материалы к биографии Герцена», которые ей прислала О.И. Лион^{7*}. Благодаря своей корреспондентке за это совершенно неизвестное ей издание, Рейхель писала: «Вы можете себе представить, с каким интересом я читала их. Такие материалы очень ценны, ваше семейство и вы сами очевидец и современница и принимали такое горячее участие в тогдашних событиях его жизни. Как далеко отодвинулось это время... Многие, насколько знаю, собирались писать биографию Г(ерцена), и недавно читала ответ Огаревой Смирнову, напечатанный ею в «Неделе» № 47;

^{7*} См. ниже прим. 1 к п. 6. – Ред.

по-видимому, он тоже писал о Г(ерцене) и вызвал неудовольствие этой дамы за неправильную оценку двух друзей⁶⁸. Меня тоже раз спрашивали, не возьмусь ли я за биографию, но такая задача мне не по силам. Впрочем, сам Г(ерцен) в своих “Былое и думы” остается живым памятником самого себя. Конечно, это не исключает, что на него и со стороны посмотреть можно. Если б печать у вас не так была ограничена, то, вероятно, гораздо больше было бы и сказано⁶⁹.

Размышлениям Рейхель о Герцене постоянно способствовала и Некрасова. Работа над записками Рейхель идет параллельно революционному подъему в России, за жизнью которой Мария Каспаровна внимательно следит. Ей интересны и премьеры Художественного театра, и “чудесный голос Шалыпина”. Непривычная к “новому искусству” (куда попадают и Чайковский, и Леонид Андреев, и футуристы), она высоко ценит Чехова⁷⁰. Интерес Рейхель к Л.Н. Толстому постоянен. В письме А.А. Герцену от 24 января 1887 г. она хвалит статью П.Л. Лаврова об авторе “Войны и мира”. Смерть этого “великого бойца за все человеческое” она воспринимает как “общий траур”. “Какая великая скорбь идет по нашей земле, какой подъем всех сердец и какой свет во мраке...”, – взволнованно пишет она М. Корш⁷².

Высказывания Рейхель о России свидетельствуют о широком, прогрессивном, нравственном взгляде, о сильном влиянии “герценовской выучки”, о том, что “духовная сторона не состарилась”. Рейхель горячо переживает голод в России. Узнав о самоуправстве российской администрации, восклицает: “Колокол бы на них!”⁷³ Тем не менее, она верит в прогресс, пусть и нелегкий: “Как ни тянут назад темные силы, тяготение к свету сильнее. Для жизни нет дороги вспять”⁷⁴.

И постоянно – в семейном и общественном быту – спутником и советником Рейхель является Герцен.

Она все время общается с его потомками. Старший сын Герцена пишет ей из далекого путешествия, обсуждает семейные дела. В 1870-х годах малолетний внук Герцена “Александр III” (Тутс) живет в семье Рейхелей. Н.А. Герцен (Тата) пишет Марии Каспаровне 15 октября 1874 г.: “Живя у тебя, он не у чужих, а у одного из самых близких членов нашего семейства – можно бы даже сказать у самого близкого. Ближе тебя у нас никого нет”⁷⁵. Постоянно интересуется Марию Каспаровну Петр Александрович, внук Герцена, ставший знаменитым врачом, и его переезд в Россию. “Дети Герцена, – замечает Рейхель в письме к О.И. Лион, – мне дороги и близки, как мои собственные”⁷⁶. Позднее она сообщает той же корреспондентке: “Наталье Александровне, т.е. Тате Герценой, я вчера писала и передала ваш поклон. Я ее летом видела, она такая же обаятельная и очень хорошо сохранилась, несмотря на свои за пятьдесят лет, и всегда от нее веет теплом и чувством. Она настоящая дочь Александра Ивановича. Сестра ее Ольга уже бабушка и все еще хорошенькая – старший сын женат”⁷⁷. В.И. Семидалову: “Нат(алья) Ал(ександровна) еще свежа и жива, несмотря на свои 67 лет, она, как большое солнце, везде греет и любит и светит. Какое она бесконечно прекрасное существо!”⁷⁸

Наступает последний этап работы Марии Каспаровны над мемуарами: московский издатель Л.Э. Бухгейм печатает их в 1909 г. Несколько ее писем, сохранившихся в архиве издателя, любопытны для истории записок.

Бухгейм не всегда удачно редактирует текст Рейхель. Мария Каспаровна далеко не со всеми его замечаниями и переделками согласна. Так, она противится, но без успеха, заглавию “Отрывки из воспоминаний М.К. Рейхель и письма к ней А.И. Герцена”: «Насчет заглавия думаю вместо “письма к ней” поставить “из писем к ней”. Если сказать письма, то это предполагает, что нет других, так как они далеко не все. Остальные сохраняются у Натальи Александровны и могут только *со временем* по ее усмотрению выйти в свет»⁷⁹. К письму Бухгейму Рейхель прилагает целый список возражений. Весьма любопытно и следующее письмо к издателю от 22 февраля 1909 г.: “Многоуважаемый Лев Эдуардович! Получив присланные вами листки, я тотчас принялась за работу сличать напечатанное с моею рукописью. Вы, как видно, большой стилист и стараетесь меня выправить, но я должна сказать вам, как вам это ни трудно, что несогласна с этим, и ваши поправки меня неприятно затрагивают, особенно когда вы иногда вместо моих Sätze^{8*} ставите другие, что меняет тот смысл, который я думала выразить, и даже мои строки о Коле вы не оставили нетронутыми. Говорю вам это потому, что желаю ясности в отношениях. Не забывайте, что между теперешним временем и тем, когда я сказанное переживала, прошли два поколения, мы тогда и иначе выражались и, наверное, иначе чувствовали, теплее, и потому оставьте меня, старуху, такую, какая я есть, не придавая ей нового лоску. С истинным уважением М. Р е й х е л ь⁸⁰”.

Семидалову Мария Каспаровна тогда жалуется: “Бухгеймом я недовольна, он печатает отрывки из моих воспоминаний и ужасно поправляет мой текст, даже вставляет другое вместо моего. Он просит позволить печатать, не присылая мне корректур, так как это берет мно-

^{8*} выражений (нем.).

го времени, и это могло бы быть так сделано, если б он печатал, не поправляя, и ничего не меняя, а в последней уже ими поправленной корректуре, сличая с моим текстом, я нашла множество поправок и переделок и протестовала в письме к нему. Наталья Александровна, с которой я во всем совещаюсь, берет мою сторону, она уже сама писала ему, что не надобно ничего менять”⁸¹.

Однако, узнав (от Семидалова), что ее поправки поставили издателя в “неловкое положение”, Мария Каспаровна просит Бухгейма: “Ради бога, не перепечатывайте ничего и продолжайте”. Несколько позже все-таки добавляет: “В местах, где я упоминаю о сердечном отношении, я желаю выражать его моим языком. Надеюсь, что вы поймете меня. Прошу вас, будем же просто относиться”⁸². В результате издатель учел почти все просьбы Рейхель (кое-что уже внес в список опечаток).

Книга была снабжена портретами Рейхель, Коли Герцена, Бакунина. Между тем из писем к Бухгейму видно, что предполагался и портрет Герцена, но в книжке его не оказалось – вероятно, последовали цензурные запреты. Однако Бухгейм вложил портрет Герцена в несколько посланных Рейхель экземпляров – и это ее очень обрадовало: “Я себя точно дома чувствовала”⁸³.

В конце концов Рейхель осталась довольна своей книжкой. Через несколько месяцев издатель прислал Марии Каспаровне благоприятные рецензии из “Русских ведомостей” и, очевидно, предлагал продолжить издание герценовских писем. Рейхель отвечала, что письма нужно было бы просмотреть с Натальей Александровной. «Насчет вашего вопроса я думаю вообще с этим лучше подождать, – продолжала она, – и время года неподходящее, не соответствует и настроение общества. Так как я сама получаю “Р(усские) в(едомости)”, то могу следить за трудным ходом обстоятельства”⁸⁴. А Тата Герцен писала Рейхель: “Как бы мне хотелось папашины письма перечитать с тобой, особенно письма к тебе, вместе легче вспоминать и ставить числа”⁸⁵. 8 апреля 1912 г. Н.А. Герцен сообщает Марии Каспаровне о своем желании вместе с нею “написать все имена на старинных портретах 40-х годов, разобрать письма некоторые и т.д.”⁸⁶

После выхода своих записок почти девяностолетняя Рейхель продолжала работать и размышлять о Герцене. В письмах к М.Е. Корш она откликается на его столетний юбилей: “Теперь собираются и в России чествовать день рождения Александра Ивановича (...) Я счастлива, что доживаю до этого дня” (26 марта 1912 г.). “Не могу тебе сказать, сколько я вижу здесь внимания, теплого отношения ко мне, и даже издали, из России, оказали мне честь быть выбранной почетным членом кружка имени Герцена в Петербурге. Я получила от него письмо с извещением моего выбора, подписанное президентом кружка Максимом Ковалевским. Оно писано по-французски. Вероятно, не предполагали, что я еще знаю по-русски. Я отвечала и благодарила по-русски! Нет, не забыла и люблю мой язык страстно” (15 апреля 1912 г.)⁸⁷.

В мае 1912 г. Рейхель пишет Семидалову: “Много мы здесь слышали и читали о 25-том русского марта, о праздновании в России, в Ницце и Париже, и вы можете себе представить, как это все было близко и интересно. Я получила книгу об юбиларе из Москвы, и теперь мы ее читаем, я вслух Наталье Ал(ександровне), у нее самой глаза болят. Это книга, вышедшая в Петербурге в день юбилея”⁸⁸.

В это время потомки Герцена и Рейхель ожидают приезда из России М.К. Лемке, подготавливающего первое полное собрание сочинений и писем Герцена. Возможно, в связи с этим и гостила у Н.А. Герцен в Лозанне Мария Каспаровна.

“Взяла на себя переписать все письма Александра Ивановича ко мне, – пишет Рейхель М.Е. Корш 10 августа 1912 г. – Если они когда-нибудь будут напечатаны, ты увидишь, как я, такая маленькая букашка, близко стояла к нему и пользовалась его доверием”⁸⁹.

Осенью 1912 г. в связи с приездом Лемке Рейхель неоднократно наезжала в Лозанну, как “единственная свидетельница прошлой русской жизни” Герцена. Сохранилось любопытное письмо Н.А. Герцен к Лемке после его отъезда в Россию: «С Марьей Каспаровной вот какая была история: она поскользнулась и упала – ушиблась, конечно. Это ее сильно потрясло. Когда я узнала об этом, я побежала к ней с вашим письмом и показала ей то, что вы об ней пишете. Это вернуло ей хорошее настроение. Но она все-таки проворчала, улыбаясь: “Он меня обижает... Мне еще нет 90-а лет! Лишь в апреле минет 90...”»⁹⁰

Переписывание Марией Каспаровной писем Герцена, вероятно, позволяет ответить на вопрос о происхождении тетрадей с копиями герценовских писем из “Пражской коллекции”⁹¹.

И в 1913 г. Рейхель встречает свое девяностолетие читающей, мыслящей. 6 мая она пишет “дорогому земляку” Семидалову: «Наталью Александровну вижу не так часто, как бы хотелось, она так многим нужна. А в тот вечер, когда вы были, она просидела целый вечер, и я

наслаждалась. Вчера она принесла мне очень интересную вещь, с которой, по всем вероятностям, вы уже знакомы, а именно январский номер “Вестника Европы”, в котором воспоминания Вырубова. Я так и впилась, но еще не все кончила. Мне редко приходится читать что-нибудь из русских изданий, а тут какое содержание и встреча с давно пережитым и так явно и живо, как будто было недавно»⁹².

Почти в каждом из писем Рейхель видны благородные идеи, сложившиеся много десятилетий прежде: идеи демократизма, антимилитаризма, исторического оптимизма.

“Если русские не любят никаких чужих, кого же они любят? Значит, только самих себя. Это очень узко, и недальновидно, и жалко, вследствие этого и приходится переживать такое трудное время. Но, к счастью, и не все чувствующие себя русскими идут по этой дороге, не так ли?”⁹³

“Теперь, – писала Рейхель М.Е. Корш 5 августа 1909 г., – автомобиль можно иметь, как извозчика, а вот в недавнем времени и летать можно будет. Очень мне страшным кажется, что все эти приобретения подвижности мечтают употреблять для военных целей, как будто для человеческого духа только и работы, чтобы достигать как можно лучшим способом делать нападения. Мне кажется, что это извращение духовного направления”⁹⁴. “Да, война теперь всех заполонит. Меч обнажен и занесен, и все говорят об ужасной, жестокой войне. Озвереют люди!”⁹⁵

Вскоре мировая война прерывает переписку Рейхель с родиной.

Мария Каспаровна умерла 20 августа 1916 г., за полгода до второй русской революции, на девяносто четвертом году жизни. Она, писавшая о себе: “Я, как сухой лист, забывший упасть осенью”, – пожелала своим друзьям и землякам “дожить до самого для нас дорогого, Воскресения отчества”⁹⁶.

Пройдя в юности великую школу Герцена, она до конца повторяла: “Состарилась я, но еще остаюсь довольно тепла, чтоб удивляться, любить и учиться”⁹⁷.

Письма Рейхель к Некрасовой печатаются по автографам, хранящимся в РГБ, ф. 196. 19. 37–40. – Выдержки из многих писем опубликованы Л.Р. Ланским в его обзоре “Письма М.К. Рейхель к Е.С. Некрасовой” (ежегодник “Памятники культуры. Новые открытия”. М., 1977, с. 73–79).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГБ, ф. 196.7.22, л. 23об. – 24.

² М.Г. Вандальковская. М.К. Лемке – историк русского революционного движения. М., 1972, с. 74.

³ Рейхель, 12.

⁴ Там же. 10.

⁵ См. п. 4.

⁶ См. п. 7.

⁷ ТГОМ, ф. Г. Н. Потанина, ед. хр. 19. (12 писем к В. И. Семидалову).

⁸ См. п. 1, 7 и др.

⁹ Прометей I, 176.

¹⁰ Автограф. РГБ, ф. 69.24.11.

¹¹ См. п. 13.

¹² РГБ, ф. 69.22.34.

¹³ См. п. 13.

¹⁴ РГБ, ф. 69.20.10.

¹⁵ Там же, ф. 69.24.11.

¹⁶ См. п. 28.

¹⁷ См. п. 24.

¹⁸ Прометей I, 197.

¹⁹ См. п. 24.

²⁰ См. п. 21.

²¹ “Лит. наследство”, т. 63, с. 559.

²² Рейхель, 41.

²³ См. п. 12, 15.

²⁴ “Лит. наследство”, т. 63, с. 410–415.

²⁵ Рейхель, 72.

²⁶ См. п. 4.

²⁷ См. п. 3.

²⁸ См. п. 26 и 31.

²⁹ РГБ, ф. 69.22.29.

³⁰ Там же, ф. 69.22.34 (письмо к Рейхель Н.А. Герцен и М.Ф. Корш от 26 июня 1847 г.).

³¹ Ср. Рейхель, 54, 60.

³² Прометей I, 176.

- 33 И.А. Желвакова. Дом в Свищевом Вражке. М., 1982, с. 161.
- 34 ГЛМ, ф. 248.
- 35 РГБ, ф. 69.20.10.
- 36 ГЛМ, ф. 248
- 37 ТГОМ, п. 4, б.д.
- 38 См. п. 26.
- 39 См. п. 27.
- 40 ТГОМ, ед. хр. 19.
- 41 Брат Василия Петровича Боткина.
- 42 См. XXIV, 242–259 (перевод с французского Л.Р. Ланского).
- 43 ТГОМ. Письмо б.д.
- 44 См. п. 11.
- 45 См. об этом в работах Л.Р. Ланского: “Век нынешний и век минувший” (Прометей 1, 188–194); «Начало издания “Колокола” и его первые корреспонденты» (сб. “Революционная ситуация в России”. М., 1970, с. 186–187, 193); “Колокол” и его корреспонденты (сб. “Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.”. М., 1974, с. 180–181, 183); “Колокол” и его корреспонденты (июль–октябрь 1858 г.)” – Сб. “Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978, с. 39, 48, 56.
- 46 Приезд в Лондон (в 1856 г.).
- 47 См. п. 27.
- 48 См. “Лит. наследство”, т. 63, с. 863.
- 49 См. п. 17.
- 50 См. п. 33.
- 51 См. п. 3.
- 52 ИРЛИ, 9931. Письмо от 19 декабря 1899 г.
- 53 См. Н. Э й д е л ь м а н. Тайные корреспонденты “Полярной звезды”. М., 1966, с. 25–30.
- 54 Прометей I, 186.
- 55 ТГОМ, п. 2.
- 56 См. п. 23.
- 57 См. п. 30.
- 58 См. п. 12.
- 59 ИРЛИ, ф. 9931. Письмо к О.И. Лион от 3 марта 1897 г.
- 60 См. п. 19, 23, 30 и др.
- 61 См. п. 30.
- 62 РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 611.
- 63 ИРЛИ, 9931.
- 64 Там же.
- 65 Прометей I, 198–199.
- 66 ИРЛИ, 9931.
- 67 ТГОМ, п. 4, б. д.
- 68 Имеется в виду В. Д. Смирнов (псевд. Е. А. Соловьева), автор книги “Жизнь и литературная деятельность Герцена”. СПб., 1897; 2-е изд. 1905; вышла в серии “Жизнь Замечательных людей” Ф. Ф. Павленкова.
- 69 ИРЛИ, 9931. Письмо к О.И. Лион от 19 декабря 1899 г.
- 70 См. п. 23.
- 71 РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 611.
- 72 Прометей I, 197.
- 73 См. п. 29.
- 74 См. п. 24.
- 75 РГБ, ф. 69.24.20.
- 76 ИРЛИ, ф. 9931. Письмо от 4 января 1898 г.
- 77 Там же, письмо от 8 января 1899 г.
- 78 ТГОМ. Письмо от 14 марта 1912 г.
- 79 ИРЛИ, ф. 611, ед. хр. 25. Письмо к Бухгейму от 8 февраля 1909 г.
- 80 Там же.
- 81 ТГОМ. Письмо 4 к Семидалову, б.д.
- 82 ИРЛИ, ф. 611, ед. хр. 25. Письма от 10 и 21 марта 1909 г.
- 83 Там же. Письмо от 14 апреля 1909 г.
- 84 Там же. Письмо от 16 июля 1909 г.
- 85 РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, ед. хр. 777. Письмо от 5 января 1907 г.
- 86 Там же.
- 87 Прометей I, 195.
- 88 ТГОМ. Письмо 11 к Семидалову – Вероятно, книга В.Я. Богучарского “А.И. Герцен”.
- 89 Прометей I, 200.
- 90 ИРЛИ, ф. 661, ед. хр. 297, л. 15–15об. Письмо от 20 ноября 1912 г.
- 91 Ср. “Лит. наследство”, т. 61, с. 300.
- 92 ТГОМ. Письмо 12-е к Семидалову от 6 мая 1913 г.
- 93 Там же, п. 9 к Семидалову от 3–4 апреля 1909 г.
- 94 Прометей I, 195.
- 95 Там же, 201–202.
- 96 ТГОМ. Письмо к Семидалову от 18 марта 1907 г.; письмо 1, б.д.
- 97 Прометей I, 179.

14/2 ноября 1892.
Königstrasse, 8. Bern

Милостивая государыня Екатерина Степановна!

Мне очень жаль, что я не могу отвечать на все вопросы ваши, а именно:

1) Об Машеньке Корицко я решительно ничего не знаю; должно быть, она до моего времени бывала у Яковлевых¹.

2) Дом Ивана Алексеевича Яковлева стоял во Власьевском переулке, это тот "старый дом", который воспет Огаревым² и в котором провел свою молодость Ал.Ив. Герц(ен). Когда меня привезли в Москву, в то время, когда Ал(ександр) Ив(анович) после Перми был переведен в Вятку, Иван Алекс(еевич) уже жил в Сивцевом Вражке (Старая Конюшенная) на углу Голицынского переулкa, большой дом с террасой во всю его длину. Старый дом стоял тогда пустой, впоследствии жила там моя покойная мать.

3) Дом Алексея Алекс(андровича) (Химика) стоял на Тверской, насколько помню³.

4) Об Петре Алекс(андровиче) Захарьине я уже много лет ничего не слыхала – может быть, знает о нем Сергей Львович Львицкий (сын Льва Алексеевича, сенатора). Они когда-то вместе фотографировали.

5) Об Емилии Мих(айловне) Аксберг я тоже не знаю; вероятно, она была еще до моего времени гувернанткой Нат(альи) Ал(ександровны). Наталья Алекс(андровна) была семью годами старше меня, в молодости это делает большую разницу.

6) Наверное не могу вам сказать, воспитывалась ли я совсем на счет Ивана Алексеевича, я только знаю, что он прибавлял к фортепианным урокам после выхода моего из пансиона, где я только с небольшим два года училась. Благо же несколько раз выговорено, что я воспитана на средства Ив(ана) Ал(ексеевича), то пускай так и останется. Это ничего не переменит в моей благодарной памяти, которую я храню о нем. Тогда, во время оно, я не так понимала, но после, вспоминая о нем, я вполне оценила его доброе расположение ко мне. Вы, вероятно, знаете кое-что о недоступности старика, который умел пилить людей словами, я же никогда ни грубого, ни сердитого слова от него не слыхала, хотя иногда и противоречила, чего он вовсе не любил. Пока Ал(ександр) Ив(анович) был в Вятке, он всегда говорил, что он и моя мать поменялись, его сын у нее в Вятке, а я у него. Я помню как не раз, взяв меня за плечи, он представлял меня знакомым и даже грозной княгине Марье Алексеевне⁴ как свою воспитанницу. Хоть несвесело жилось тогда у старика молодой девушке, все-таки доброе воспоминание всплывает наверх, потому что он был истинно добр ко мне и доверял мне разные дела, как, например, держание в порядке его бумаг, за что он называл меня своим архивариусом. Простите, что заболталась, но мне так хотелось почтить память старика.

Очень вам благодарна за присылку писем Нат(альи) Ал(ександровны). Странно, что я ничего не помню об Александре Григорьевне – вероятно, когда Герц(е)-ны переехали в Москву, сношения между подругами молодых лет были уже прекращены⁵.

Катинька (Екатерина Александровна Захарьина, потом жена профессора Селина) была, точно, сестра Нат(альи) Ал(ександровны) от другой матери⁶. Когда я уезжала из Москвы с матерью в Тамбов на свадьбу брата Гавр(илы) Касп(аровича), Иван Алексеевич взял Катиньку к себе на мое место. Позже мы были обе вместе у него в доме.

С уважением и преданностью готовая к вашим услугам

Мария Рейхель

¹ М. Корицко упоминается в письме невесты Герцена Н.А. Захарьиной к Герцену из Москвы от 23–28 апреля 1836 г. (Павленков VII, 84–87).

МОСКВА. ДОМ А.А. ЯКОВЛЕВА НА ТВЕРСКОМ БУЛЬВАРЕ (НЫНЕ ДОМ 25)

Гравюра И.Н. Павлова, 1919

"Творчество", 1920, № 1

В этом доме 25 марта 1812 г. родился Герцен, а 22 октября 1817 г. его будущая жена Н. А. Захарьина

² Стихотворение Огарева "Старый дом", написанное в конце 1839 – начале 1840 г. (см. *Огарев* 1856, 97–98). 88–89).

³ В этом доме родился Герцен и пятью годами позднее его жена (Тверской бульвар, теперь д. № 25).

⁴ М.А. Хованская, тетка Герцена и его жены.

⁵ Е.С. Некрасова прислала Рейхель свою публикацию "Наталья Александровна Герцен в переписке с Александрой Григорьевной Клиентовою. 1834–1840". (РС, 1892, № 3, с. 771–792).

⁶ Матерью Н.А. Герцен и Е.А. Селиной была А.И. Захарьина (Фролова).

2

25 июня 1901 г. Bern.
Marzilizstrasse, 22-b

Многоуважаемая madame Некрасова!

Прежде всего прошу извинить меня, что не называю вас по имени; я запомнила ваше отчество. Я очень рада была получить от вас прямое известие, вчера я воротилась из Лозанны, из дорогого мне семейства Герценов и была там, когда Александр Александрович получил ваше письмо.

Как я вам благодарна за подробности о Румянцевском музее, т.е. его особенности, комнате для людей 40-х годов¹. У меня есть несколько портретов Герцена, но все они, вероятно, уже находятся в музее, мои только тем отличаются, что они подписаны его рукою, иногда с шуткой или посвящением. Есть у меня его бюст, сделанный, кажется мне, в Лондоне. Есть корректурные листы "Полярной звезды" с посвящением мне, которые я хочу передать Наталье Александровне, потому что их содержание, вероятно, пока еще запрещено в России. Что до портретов Бакунина (Михайла)² касается, у меня их несколько, и я с удовольствием передам вам некоторые; мне 78 лет, и я должна думать о своем конце.

Сию минуту приходил ко мне какой-то молодой человек и просил меня дать ему позволение обновить могилу Бакунина, т.е. вновь позолотить надпись на мраморной доске. Так как я каждый год плачу безделицу, чтоб содержали в порядке, то обрати-

лись ко мне за позволением. Молодой человек назвал себя почитателем Бакунина. У меня есть также портреты его брата Павла, свободомыслящего человека, который недавно умер, но для позволения дать их, если вы этого желаете, я должна обратиться к его жене, которая живет в Крыму и с которой я переписываюсь.

Завтра я уезжаю на несколько дней из Берна, но 1 июля возвращусь и тогда могу переслать вам портреты Бакунина. Вот еще что: я знала от Станкевича Александра Владимировича, который живет в Москве в Чернышевском переулке, что у него сохранялись письма Герцена к его друзьям из-за границы. Он говорил мне, что хочет отдать их в Румянцевский музей. Вспомнил ли он это, я не знаю³.

Каких книжек Герцена, печатавшихся в Лондоне, вам недостает? Но разве можно поместить их в музей? Теперь хоть и позволено издавать Герцена в России, но, как говорил мне Алекс(андр) Александрович, наряжена целая комиссия, чтоб их просматривать и *просеивать*, — много ли останется!

От 1-го до 18-го июля я остаюсь в Берне, после, может быть, уеду, но это еще не решено.

Сердечно желаю вам пользы от вашего пребывания в Швейцарии и прошу вас никак не думать, что вы меня беспокоите, я очень рада помогать вам, если б была на то возможность с моей стороны. Преданная вам Мария Рейхель.

¹ В 1897 г., при самом активном участии Е.С. Некрасовой, в Московском Румянцевском музее открылась “Комната людей 40-х годов”, ставшая, по существу, первым в России музеем освободительного движения. См. о нем подробно в “Лит. наследстве”, т. 96, с. 574–586.

² М.А. Бакунин был другом покойного мужа Марии Рейхель, А. Рейхеля, в доме которого сохранились некоторые бакунинские вещи и материалы.

³ А.В. Станкевич своего обещания не выполнил. Находившиеся у него материалы поступили в “Комнату людей 40-х годов” через много лет после смерти владельца — в 1920-е годы.

3

3 июля 1901 г.

Берн.

Marzillistrasse, 22-b

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Вчера получила ваше письмо и начала разыскивать, чем я могу служить вам. Только еще не успела все приготовить для отправки, нужно идти в город и запастись картоном для больших фотографий, их три: Герцен, сидящий облокотившись¹; он же с двумя его дочерьми², эту последнюю я получила из Данцига через сестру моего мужа. В ней только старшая дочь менее удачна. Третья фотография с усопшего³. Из маленьких прилагаю его же вместе с Огаревым⁴. Я нахожу эту очень удачной; есть еще у меня Герц(ен), облокотившийся на балюстраду, но этот, кажется, у вас есть — если же нет, я могу вам прислать и его⁵. Вы думаете, что мне тяжело расставаться с этими дорогими портретами, — конечно, так — но мне 78 лет, и уже недолго ими наслаждаться, а после меня уже трудно вам будет их получить. Есть еще у меня кабинет-формат, Герц(ен) с скрещенными руками, но этот уж оставляю, пока жива, у себя, он подписан: “От неизменного друга М.К.Р.”. Я же знаю, что он у вас есть⁶.

Посылаю вам три портрета Михайла Бакунина, 1 Кавелина, 1 Грановского и еще Марьи Федоровны Корш. Она принадлежала к этому кругу и пользовалась любовью и уважением всех их. Посылаю также, я думаю, единственный портрет Луизы Ивановны, матери Герцена. Я не помню, чтоб она еще снималась. Этот делан в Женеве в 1847 г., и так как я себя стереть не могу, то и должна остаться на портрете⁷. Ребенок — это маленький Коля Герцен, который ездил с бабушкой и мною⁸. Я этого ребенка страстно любила, он был глухонемой, но чрезвычайно интеллигентный и ласковый. Он погиб вместе с бабушкой в Средиземном море, когда они возвращались из Парижа, куда приезжали видаться со мною, в Ниццу. Это было в 1851 г.⁹ Он на этом портрете очень неудачно вышел, он был чрезвычайно красивый ребенок.

⁹ * В автографе ошибочно: 1850. — Ред.

Бакунин похоронен в Берне, куда в 1875 г. он приехал больной (за) две недели перед смертью, ему уже трудно было помочь, организм разлагался. У него здесь никого из родных нет, я же плачу такую безделицу, о которой говорить не стоит. Брат его Павел жил последние годы в Крыму около Ялты, там и скончался. Его портрет, очень хороший, у меня есть, но прежде мне нужно иметь позволение его жены. Пожалуйста, сообщите мне ваш московский адрес, чтобы я могла тогда послать вам его, не называя имени. Жена Павла Бак(унина) живет и теперь в Крыму⁹.

Я остаюсь в Берне до 18-го июля, после еду с моим сыном Александром и его семьей недели на две, на три в Wallis, еще не знаю имени места; но письма лучше всего адресовать в Берн, мне всегда перешлют.

Долго ли вы останетесь за границей? Хотелось бы переслать вам дагерротип Александра Ивановича и Натальи Александровны, сделанные в Ницце, но никак не найду и не вспомню, куда я их упрятала, моя память решительно отказывается служить¹⁰. Впрочем, портрет Нат(альи) Ал(ександровны) был помещен в альбоме пушкинского юбилея¹¹. Я боюсь, что и то, что вам посылаю, у вас уже есть, тогда потрудитесь возвратить; если же желаете хранить сами, то прошу принять от меня. Корректурные листы я передала Наталье Александровне, я уже ей в последнюю мою бытность в Лозанне об них говорила¹². Вам же было бы трудно провезти их через границу, они довольно объемисты.

Мне очень жаль, что и этот раз не пришлось с вами видиться. Вот и Наталья Александровна пишет, что очень желала видеть вас лично, о многом переговорить. Она тоже собирается уехать на летнее время около половины июля.

Кончаю уже 4-го июля и постараюсь попасть на почту, чтоб отправить портреты, а на дворе опять дождь, "размокпогодилось", как говаривал Герцен, лето не обещает постоянной погоды, она и вам много испортила. Теперь позвольте пожать вам руку в знак нашего, хотя и не личного, но симпатичного знакомства и во имя тех интересов, которые нас соединяют.

С искренним приветом вам преданная Мария Р е й х е л ь.

¹ См. воспроизведение этой фотографии 1861 г. в "Лит. наследстве", т. 62, с. 43 и т. 63, с. 167.

² См. там же, т. 96, с. 681.

³ См. там же, т. 63, с. 525.

⁴ См. там же, т. 61, с. 179.

⁵ См. там же, т. 63, с. 317.

⁶ См. XXVIII, 4.

⁷ Дагерротип, на котором сняты мать Герцена и Рейхель с Колей на руках, опубликован в *Звеньях* VIII, 63.

⁸ Из-за слабого здоровья матери, Н.А. Герцен, Коля за границей находился на попечении бабушки и Марии Каспаровны (до ее замужества).

⁹ Наталья Семеновна Бакунина собирала и хранила семейный архив Бакуниных.

¹⁰ Речь может идти о дагерротипах Герцена, воспроизведенных в "Лит. наследстве", т. 61, с. 29 и 113, и его жены (воспроизведен там же, т. 64, с. 35).

¹¹ Портрета Н.А. Герцен в альбомах пушкинских юбилеев нет.

¹² См. предисловие к наст. публикации.

Многоуважаемая Екатерина Степановна! Вчера получила ваши открытки с видами из России и портретом Л.Н. Толстого; я тотчас отгадала, что они присланы вами; благодарю вас сердечно за удовольствие, которое вы мне доставили. Рада очень иметь и портрет Толстого, у меня его не было.

Я обещала послать вам карточку А.И. Герцена, а теперь мне жаль расстаться с нею, и потому прошу вас простить мне, если я не сейчас сдержу слово, позже вы ее все-таки получите.

В Крым мне еще не удалось написать, мы через три дня уезжаем, и нашлось довольно дела и приготовлений. Мы едем в Wallis на довольно высокое место Champrex,

где, говорят, очень красиво вблизи еще более высоких гор. Я очень люблю природу; эту сторону Швейцарии я совсем не знаю и ничуть не против на старости лет с нею познакомиться. Наталья Александровна будет 15–16-го июля вблизи вас и очень рада с вами видиться.

15-го. Вчера не удалось кончить, а теперь уже вечер, и я спешу кончить. Днем никак не удастся, и я особенно посвящаю вечера, если есть что писать, а теперь пока еще длинный день и немного вечера остается. У нас довольно жарко, а я трудно переношу жар. Очень мне жаль слышать, что ваше здоровье так малоудовлетворительно, всем сердцем желаю вам хоть сколько-нибудь поправиться на горном воздухе.

Вы спрашиваете, как я в Москву попала, скажу вам несколько о себе.

Я очень маленькой осталась от отца, умер он в уездном городе Тобольской губернии Тара. Родилась я в Тобольске. После смерти отца мы переехали на житье в Тобольск, где я и оставалась до 12-тилетнего возраста. Школы для девочек тогда там не было, я училась дома, брала частные уроки. Братья мои, один после другого, оставили Сибирь, исключая одного, который уехал дальше в Сибирь, сначала в Красноярск, потом в Иркутск. Брат Гаврило Касп(арович) и пасынок моей матери уехали в Тверь, и последний умер от холеры в ее первое посещение в России.

Мать моя решила оставить Сибирь, и мы поехали к брату Гавриле в Вятку. В Вятке тоже не было школы и не было еще ссыльных, у которых я могла бы брать уроки. В Вятке же был в это время Александр Иванович Герцен, и он советовал свезти меня в Москву и отдать в пансион. И повезли меня мать моя и брат, рабу божию, в Москву. Разумеется, Ал(ександр) Ив(анович) дал письмо к отцу и матери¹. Там нас очень хорошо приняли по рекомендации любимого сына, мы же привезли от последнего живые вести. Мать моя и брат скоро уехали, поместив меня в пансион, из которого каждые две недели Луиза Ивановна за мной присылала, а через другие две недели, т.е. в другое воскресенье, я гостила у родственницы. Вот таким образом я привилась к семье Ал(ександра) Ив(ановича) и скоро перестала быть чужою. Старик Иван Алексеевич был ко мне всегда добр, и я никогда не слыхала от него худого слова. Тогда я еще мало умела ценить, но позже я это вполне осознала и дорого что его память. Луиза Ивановна меня даже баловала и так привыкла ко мне, что не желала расстаться. У меня теперь сохраняются ее письма из Ниццы после моего замужества, которые она писала мне в Париж, в них столько неподдельной привязанности, что, после стольких лет читая их, я всегда тронута². А ведь этому уже полвека!

Знаете ли вы, что я три года тому назад была в Москве, к сожалению, очень короткое время проездом. Я ехала к моей старинной приятельнице Юлии Богдановне Шумахер в ее имение Рязанской губернии. Она сестра Елизаветы Богдановны Грановской, которую я тоже очень любила. Юлия Богдановна и я, мы последние могикане из того времени. В Москве я могла только поклониться праху Грановских и еще других из того времени. Все они собраны вместе³. Еще посетила я тот дом, где столько лет прожила, в Сивцевом Вражке, в Старой Конюшенной. В дом я не могла взойти, хозяев не было дома, но погуляла в саду, который мало переменился. Очень было грустно, но в то же время не без тихой радости⁴.

Из присланных вами видов мне особенно нравится вид Москвы, она же мне второе отечество, я в ней выросла, и в ней живут дорогие мне воспоминания.

Адрес мой все тот же в Берне. Письма мне будут пересылать. Мы только на две с половиной недели едем. 4–5 авг(уста) начинается школа. Сердечно вам преданная Мария Р е й х е л ь.

Насчет снимка могилы Огарева, едва ли есть что⁵. Есть еще портрет Луизы Ив(ановны) у Герц(ены)х, как мне пишет Тата, писанный масляными красками⁶. Она была очень красива. У Таты, вероятно, есть карточка m-lle Meysenbug.

¹ Это письмо Герцена неизвестно.

² См. Н.Д. Э ф р о с. Из писем Л.И. Гага ("Лит. наследство", т. 63, с. 393–415).

³ Похоронены на Пятницком кладбище.

⁴ См. ниже в наст. книге работу "Герцен в Москве".

⁵ Фотографический снимок могилы Огарева в Гринвиче см. в "Лит. наследстве", т. 61, с. 635; о перенесении праха Огарева в Москву см. "Лит. наследство", т. 96, с. 704–714.

⁶ Портрет Л.И. Гага опубликован в "Лит. наследстве", т. 63, с. 395.

5

9 августа (1901 г.).
Берн, Marzistrasse, 22-b

Многоуважаемая Екатерина Степановна!

Надобно торопиться ответить вам, чтоб застать вас еще в Chartres. Завтра жду посещения из Германии одной дорогой мне родственницы, и во время оного писать будет трудно.

Вы пишете мне об Егоре Ивановиче Герцене небывалые истории, я до конца его жизни с ним переписывалась, мы были в очень дружеских отношениях и были кумовьями, крестными отцом и матерью одного из детей Александра Ив(ановича)¹. Егор Иванович очень ценил это духовное родство. Через Татьяну Петровну Пассек я знала о его трудных обстоятельствах, но сама не могла ему материально помочь, потому что во все время моего замужества средства наши были чрезвычайно ограничены^{10*}. У Егора Ив(ановича) не было своих детей, и, я что-то смутно помню, он не мог иметь их. С ним жила и ходила за ним до его смерти вторая дочь Медведевой Софья – может быть, он ее усыновил. Но она не была замужем. Старшая ее сестра Людмила вышла замуж после нашего отъезда, и я об ней ничего не знаю. Какие же дети могли наследовать от побочной дочери Егора Ив(ановича)? Уверяю вас, что это сказки. Точно так же, как несколько времени тому назад писали, что в Париже умер Егор Львицкий, брат Герцена², с разными подробностями на эту тему.

Я вам сейчас не могла ответить, я так устала все эти дни от перемены воздуха, что ни на что не годилась, а нашла письма, которые ждут ответа. Хорошо заноситься за облака, а опустишься – не сразу привыкнешь вниз.

Вы мое геройство очень увеличиваете; правда, что Champex лежит на высоте 1465 метров, из них надобно вынуть более 400 метр(ов), где лежит Martigny-Bourg да еще маленькое пространство до les Vallettes, которое я в экипаже проехала. Так что всего оставалось сойти 800–900 метр(ов).

Я слышала, бывши в Лозанне, что Петр Ал(ександрович) Герцен имеет намерение принять русское подданство; он, не знаю наверное, в какой больнице врачом, а чтоб остаться на этом месте, нужно быть русским. Ему, впрочем, отвечали, что он русский; если дед его принял швейцарское гражданство, то для России это не имеет значения, потому что она не признает перехода в другую национальность, не дав на это позволения, а последнее может быть разрешено только по воле государя. Герцен же этого позволения не спрашивал.

Конечно, очень жаль, что внуки незнакомы с произведениями их знаменитого деда, только один из них знает по-русски³, но еще не настолько, вероятно, чтоб понимать вполне печатаное и особенно сильный, рельефный, полный богатого содержания язык Александра Ивановича. Вот когда-то бывали пророки, а Герцен был ясновидящий, в его словах светилась правда и сила убеждения и какая гуманность!

Мать внучат, хоть и прекрасная, образованная женщина, но итальянка, по-русски не знает⁴, дети все родились в Италии, итальянский язык их Muttersprache^{11*}.

Но дети воспитаны в духе Герцена, все вышли хорошими людьми, хорошо учились и теперь почти все на своих ногах. Я с молодым поколением мало знакома, но время от времени имею об них известия через Наталью Александровну. Вы правы, что все это семейство мне близко и родственно. Нат(алья) Ал(ександровна), вероят-

^{10*} Иногда помогала Нат(алья) Ал(ександровна) Герцен. Ал(ександра) Ив(ановича) уже не было на свете.

^{11*} родной язык (нем.).

но, сама пожалеет, что не попадет к вам, она сама ведет хозяйство, и ей, верно, трудно отлучиться; очень может быть, что она должна была отпустить девушку, на которую могла положиться, ради болезни в семействе последней; по крайней мере, она этого боялась, когда я была в Лозанне.

За карточку Румянц(евского) музея очень вас благодарю, я его, по крайней мере, снаружи видела, бывши в Москве.

Сегодня в "Неделе" опять другие известия о графе Толстом, что он еще лежит, но скоро позволят сидеть в кресле — ходить же еще не будет в состоянии. Буду вас искать с его портретом, сама же буду, вероятно, в черном платье и в круглой шляпе с большими полями. Только не удивитесь дурную собой старуху увидеть. Об гостинице в Люцерне не умею вам ничего сказать.

¹ Е.И. Герцен и Мария Каспаровна в конце 1844 г. крестили Тату Герцен.

² Возможно, речь идет о двоюродном брате Герцена, известном фотографу С.Л. Львицком, умершем в 1898 г.

³ Имеется в виду Николай Александрович Герцен.

⁴ Жена А.А. Герцена, Терезина, урожденная Феличи.

6

10 августа (1901 г.)

Сегодня получила от Нат(альи) Ал(ександровны) карточку, которая прогулялась в Шампреб, где Нат(альи) Ал(ександровна) пишет, что у нее до сих пор ни одной свободной минуты не было, так много было посещений. В сентябре она меня приглашает приехать, но едва ли мне можно будет. В сентябре приедут Курута, которые желают со мной видиться. Курута — это брат m-me Лион. Курута-отец был во Владимире губернатором, когда Герцен был переведен из Вятки во Владимир и где он женился. Все семейство Куруты было как нельзя более радушно к Герценым. Кое-что напечатано из переписки Куруты Юлии Федоровны с Герценым¹. Она была во втором браке Курута — тот, который обещает приехать, — ее сын. С Ольгой Ивановной Лион я была очень хорошо знакома и переписывалась с нею². Она умерла год тому назад.

Вы спрашиваете о третьей Саше — не Боборыкина ли?³ Мне что-то смутно помнится. Портрет Егора Ив(ановича) я вам прилагаю. Медведеву я, конечно, знала.

Портрет Е(гора) Ив(ановича) не могла найти, а сегодня нет времени больше искать, приложу вам в другой раз. А теперь надобно кончить, еще надобно кое-что приготовить. С искренним приветом вам и вашей сестрице

ваша М. Рейхель

¹ Переписка была частично опубликована сыном И.Э. Куруты, Владимиром Ивановичем, в 1889 г. (РМ, № 5—6 — "Из материалов для биографии Александра Ивановича Герцена").

² Письма Рейхель к О.И. Лион за 1888—1899 г. хранятся в ИРЛИ.

³ А.А. Боборыкина, близкая подруга Н.А. Захарьиной, невесты Герцена.

7

(Берн.) 26 августа (1901 г.)

Милая Екатерина Степановна!

Уж очень я замешкалась (сибирское выражение) написать вам ответ на все ваши вопросы и сообщения. А вот что я вспомнила касательно "дочери" Егора Ивановича.

У Натальи Александровны¹ была еще сестра Софья, которая воспитывалась в воспитательном доме с братом Павлом, если не ошибаюсь, оба носили фамилию Захарьиных. Софья по окончании курса поступила в одно семейство гувернанткой и после некоторого времени вышла замуж за сына этого семейства². Ближко я всего

МАТЬ ГЕРЦЕНА Л.И. ГААГ

Дагерротип, 1840-е годы

Исторический музей, Москва

этого не знаю, потому что была уже за границей. Мне что-то помнится, что этот господин застрелился. Софья приехала к Егору Ивановичу с маленькой дочкой и жила у него до своей кончины, она умерла молодою. Вот эту дочку Егор Иванович и воспитывал. Что было дальше, мне неизвестно. Софью Александровну я немножко знала и посещала ее изредка еще в воспитательном доме. Если найду какие известия в старых письмах, из которых некоторые еще сохранились, сообщу вам.

Дом княгини Хованской, Марьи Алексеевны, был на Поварской. Иван Алексеевич прежде, нежели переехал в Сивцев Вражек, жил во Власьевском переулке, в доме, который после назывался *старым* и который воспет был Огаревым. В этом доме, который стоял пустой, жила потом моя мать и я с нею, прежде нежели я переселилась в дом Ив(ана) Ал(ексеевича) в Сивцевом Вражке. Эти оба дома сообщались дворами. Ворота в старом доме никогда не отворялись, и двор зарос травой. В Сивцевом Вражке стоял рядом еще небольшой одноэтажный дом с мезонином, купленный позже Иваном Алексеевичем у генерала Тучкова и который потом всегда назывался Тучков дом. В этом последнем и жил Александр Иванович Герцен, в нем родились: Коля (глухонемой), Тата, т.е. теперь Наталья Александровна, и Лиза. Последняя скончалась нескольких месяцев жизни, еще до отъезда за границу. После смерти Ив(ана) Ал(ексеевича) Герцены перешли жить в большой дом, в котором осталась и я у них. Луиза Ивановна перешла в Тучков дом и пригласила мою мать жить с нею.

Очень, очень благодарю вас за портрет Толстого. Мне не удалось ничего видеть из русских художников, когда я в 1898 г. была в Москве, галерея Третьякова была закрыта. Я знаю нескольких только по именам, и имя Репина мне знакомо. Теперь столько новых влечений и токов, которые делают странное впечатление или — просто сказать — не делают его вовсе.

Вот я вам нацарапала план дома Ив(ана) Ал(ексеевича), не ручаюсь за размеры, но комнаты были так расположены³. Это первый этаж, внизу уже под бывшей геррасой начинались помещения для мужской прислуги, кухня, прачечная etc. Всей прислуги было человек до 20-ти.

Кажется, я ничего не забыла, на что вам желательно иметь ответы, если же забыла, то спрашивайте опять. У меня пока еще маленькие гости, и я все еще не везде поспею. Я думаю, лишнее спрашивать: нравится ли вам пребывание в Лугано, — там должно быть *больно* хорошо, и я могу только желать, чтоб вы еще больше поправились.

У нас было несколько жарких дней, вчера была гроза, а сегодня ее непременно след — дождь, и я с детьми под ливень попала. С сердечным приветом вам и вашей сестрице

ваша М. Рейхель

¹ Наталья Александровна — жена Герцена.

² Софья Александровна Захарьина, в замужестве Семичева. По предположению Л.Р. Ланского, она послужила прототипом матери Бельтова в романе Герцена "Кто виноват?" (см. сб. "Памятники культуры. Новые открытия". М., 1977, с. 74).

³ Приложенный к письму план дома И.А. Яковлева опубликован в "Лит. наследстве", т. 63, с. 582.

8

4-го сентября 1901. Берн.
Marzistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Ну, если и у вас такая погода, как здесь, не придется вам много Лугано насмотреться, буду лучше надеяться, что у вас лучше, что часто так бывает. У нас не только переменно, но постоянно идет дождь. Мне очень жаль, что не могу вам начертить план "Тучкова дома". Герцен жил в нем дольше, нежели в том, которого план я вам послала.

Деревню или местечко, где Г(ерцен) натурализировался, я совсем не знаю¹. Один из сыновей Александра Александровича был там, когда справлял военную повинность, и его там любезно приняли. В Лондоне жил Герцен в различных домах. На его письмах ко мне стояли адреса — письма я отдала все после его смерти Наталье Александровне². Я думаю, с тех пор многое в Лондоне переменялось и вам трудно будет получить желаемое. На все это может вам лучший ответ дать Нат(алья) Ал(ександровна), точно так же и об Огареве. Она видела его перед кончиной в Лондоне.

Биография Бакунина написана и автографизована, но почерк ужасный, я только начало слышала; мне Фогт прочитал. Писал ее Nettlau (Неттлау), который несколько раз бывал у нас, расспрашивал Рейхеля о Бакунине и переписал его письма, которые у нас есть. Эти письма уже не раз переписывали. А тот человек, который приходил ко мне просить позволения обновить могилу Бакун(ина), оказался анархистом³: по приезде моем в Берн я нашла у себя довольно толстый куверт с анархистской газетой, в которой печатается биография Бакунина. Но я оставила без ответа, я не симпатизирую анархистам да и плохо их знаю. Могилу Бак(унина) они не обновили, но положили огромный венок с черными лентами, на которых золотыми буквами было напечатано посвящение от бернских анархистов. Теперь они собирают деньги, чтоб поставить Бак(унину) памятник.

Представьте, какие письма Б(акунина) теперь в моих руках. Они писаны к сестре Рейхеля из крепости Кёнигштейн в Саксонии, где он содержался в 1849 г.; в одном он ждет, чем решится его участь, а в другом извещает, что он приговорен к смертной казни⁴.

Биографию Б(акунина) Неттлау прислал (К.) Фогту, чтоб положить ее в архив. Последние письма, те, об которых я говорю, только недавно в моих руках. Фогт присоединил их к биографии — таким образом они сохранятся для потомства.

У меня все еще гостит внучек, он только спит у меня, днем большею частью в другом доме, но так как у его двоюродного брата теперь школа, то он чаще у меня, и я заставляю его немного работать, чтоб он не забыл пройденное в школе. В том месте Германии, где он будет жить, вакансии продолжаются до половины сентября. У нас тоже не все обстоит благополучно, у моего сына в Лангентале довольно серьезно болен старший мальчик, и беспокойно на сердце.

К сожалению, не могу вам выслать портрет Егора Ивановича. Я несколько раз пересмотрела все мои альбомы, и ума не приложу, куда карточка девалась; должно быть, она выпала, и теперь надо предоставить случаю, когда она найдется. Тогда пришлю вам ее непременно.

Я еще не имею прямого известия о помолвке Нерины Герцен⁵. Она очень любит детей и уже имеет навык как учительница детского сада. Если она чувствует симпатию к своему жениху, то и обязанность, которую она берет на себя, будет ей легче исполнить. У меня есть старинная приятельница, которая была четвертой женою известного художника скульптора Ричеля, творца памятника Лютера в Вормсе. От всех прежних жен остались дети и одна дочь ее самой. Все дети были к ней сильно привязаны, и она до сих пор, уже восьмидесятилетняя, в близких с ними отношениях. К сожалению, мы далеко живем друг от друга, но она и ее сестра сохранили до сих пор и ко мне теплую дружбу. Я никогда не желала богатства, тем не менее я чувствую себя богатой тем, что судьба доставила мне встречи с прекрасными людьми, за что я не могу быть довольно благодарной.

Теперь позвольте пожелать вам покойной ночи, уже половина 12-го. Надеюсь, что ваша сестрица⁶ поправилась, передайте ей и m-me Смирновой⁷ мой сердечный привет. Желаю вам всем побольше голубого неба, нежели такого, покрытого облаками, которые высоко над нами, грешными. Вам преданная М. Р е й х е л ь

¹ Община Шатель округа дю Ляк Фрибургского кантона в Швейцарии (см. "Былое и думы" – XI, 174–184).

² Дочь Герцена. Большая часть этих писем вошла в 30-томное собрание сочинений Герцена. Остальные см. в кн. I наст. тома.

³ Личность неуставленная.

⁴ Письма позднее опубликованы полностью М. Неттлау в дополнении к его известной биографии Бакунина; в отрывках – Ю.М. Стекловым, см.: "Собр. соч. и писем М.А. Бакунина, т. IV. М., 1935, с. 20–21, 98 (из писем к Матильде Рейхель от 16 января, 16 февраля и 11 мая 1850 г.).

⁵ Нерина Герцен (внучка Герцена) вышла замуж за Г. Эрмана в 1901 г.

⁶ Анна Степановна Некрасова.

⁷ Смирнова – московская приятельница Е.С. Некрасовой.

9

17 сентября (1901 г.), вечер. Bern. Marzistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Очень благодарю вас, что еще раз написали перед отъездом, а я было совсем собралась ехать к Наталье Алекс(андровне) и завтра думала ехать, но и на этот раз пришлось отказаться, погода после нескольких часов хорошей опять испортилась, целое послеобеденное сегодня (во) вторник идет дождь. Очень мне хотелось съездить в Plan des Dames¹, как мне редко чего-нибудь хочется, но не судьба.

Знаете ли, что я очень рада, что вы не нашли портрета Орсини, зачем ему в одну раму с Герценом? Вы, может быть, на меня за это покоситесь, но то, на что Орсини пошел², вероятно, не имело сочувствия Г(ерцена). Пожалуй, не жаль бы было Наполеона III, но жаль Орсини как человека, шедшего пролить кровь, для меня это печальное геройство. Последнее доходит до того, что даже убийство невопад, как последнее со стороны анархистов, восхваляется³. Но американцы не шутят, они теперь до того озлоблены, что им придется спастись, а куда? Таким гостям никто не рад. Вот и нашу соотечественницу куда-то спрятали, чтоб народ ее не разорвал, ведь это она своими речами повлияла на убийство Кинлея⁴.

Конечно, все обстоятельства настоящей общественной жизни далеки от осущест-

ствления идеалов, и за последними никто теперь не гоняется, были бы карманы полны; в Америке это доходит до чудовищных размеров, и понятно, что одна крайность порождает другую, как анархизм, только борьба последнего не заслуживает ни сочувствия, ни уважения. Вы правы, что многое забывается, но, я думаю, это только на время; те светлые идеи, за которые боролись и погибали великие люди духа, не пропадут, раз они проложили дорогу, и всегда есть люди, которые берегут священный огонь.

А вот что у нас в России делается, это душу горем наполняет, множество губерний стоят на пороге голода, горят города, деревни – горят леса и торф. Мне говорил один господин, который долго жил в России, любит ее и следит за ней со всеми происшествиями, что и Пенза выгорела и люди спасались в поле. Бедная m-me Огарева, не пришлось ли и ей потерпеть?⁵

Ко всем этим несчастьям наша правительственная среда еще подбавляется, – если и приходит помощь, то обыкновенно оказывается, когда беда свое уже сделала. Даже частную помощь берет правительство в свои руки и тем обессиливает и тормозит ее. Сколько тут слепоты и жалкой опеки, которые мешают индивидуальному развитию. Ну, будет с вас моих разглагольствований.

Вследствие свежей погоды я нажила себе злой ревматизм, по-немецки Hextenschuss^{12*}. Вы теперь несколько климатов здешних попробовали, вот Швейцария маленькая, а сколько различных климатов. Если вам опять придется побывать здесь, вы будете знать, какой из них вам больше помогает. “Неделю” я больше не получаю – в редакции какой-то беспорядок. Я обыкновенно абонировалась на журнал и книжки и посылала деньги за полгода. Из книжек получила только одну генварскую, спрашивала в редакции, никакого ответа не получила; просила знакомую даму в Петербурге справиться, и ей дали какой-то смутный ответ. За вторую половину года я не абонировалась, за неявку книжек они могли бы посылать мне журнал во второй половине.

Теперь кончаю и желаю вам и вашей сестрице еще хороших дней в Лугано и доброго пути на родину.

С сердечным поклоном ваша М. Р е й х е л ь

¹ Горная круча близ Шамони, где груда камней напоминает женщину, погибшую во время урагана.

² Ф. Орсини 14 января 1858 г. произвел в Париже покушение на Наполеона III.

³ Написано под впечатлением от убийства польским анархистом президента США Мак-Кинли (1901).

⁴ В причастности к убийству была заподозрена известная русско-американская анархистка Эмма Гольдман, эмигрировавшая в США из России в 1880-х годах.

⁵ Упоминание об этих событиях см. выше в обзоре Л.Р. Ланского “Письма Н.А. Тучковой-Огаревой к Е.С. Некрасовой”.

Милая, многоуважаемая Екатерина Степановна!

Очень благодарю вас за тетрадь об Огареве¹, я с большим интересом читала о немом, что можно об нем сказать. Я Огарева лично немного знала еще в молодости, личность его была чрезвычайно симпатична. Вы стараетесь спасти, насколько можно, память этого замечательного человека, и благо вам! Вы знаете, какие идеалы он носил в себе и как потом верил в предмет своей избранной, и будь Марья Львовна² другой женщиной... Разочарование было слишком сильно и не могло не пагубно подействовать на эту мягкую натуру. Его судьба трагическая, но, несмотря на его несчастную склонность к алкоголю, он сохранил свои благородные инстинкты. Я и Марью Львовну видала в Париже еще до моего замужества, ух, какое отсутствие всего женственного и какой грубый цинизм. У меня лежит на столе томик стихотво-

^{12*} буквально: ведьмин прострел (нем.).

рений Огарева, какой протест в его стихах и как все поэтично, так идет в душу. Да, он был поэт во всем смысле этого слова. Я берегу его память как близкого по душе человека.

Вы говорите, что Наталья Александровна³ слишком ушла в семью, а разве это-го мало? В этой, теперь уже многочисленной семье она, так сказать, с самого начала поддерживала священный огонь, влияла и имеет до сих пор благотворное влияние. Впрочем, оно не ограничивается семьей, и уже одно ее обаятельное существо, редкое, в высокой степени нравственное, действует благотворно. Она настоящая, достойная дочь Герцена, и отец уже тогда провидел ее и любил ее. Мне сдается, если б у меня была дочь, я не могла бы больше любить ее, нежели мою дорогую Тату, как мы ее называем. Я до сих пор не переслала ей ни "Студентку на войне"⁴, ни тетрадку об Огареве. Жду известий, когда Тата воротится в Лозанну.

Вы более моего au courant^{13*} событий и знаете более моего, напр(имер), о болез-ни m-lle Мейзенбург. Мы с Татой не часто переписываемся, но иногда она дает мне за-глянуть в ее переписку с родными, из которой я узнаю об них всех. Посылаю вам портрет Павла Александровича Бакунина, я получила на это позволение его жены. Перепишу вам его некролог, который я, вероятно, перевела на немецкий из "Неде-ли"⁵. "Недели" я более не получаю, она же и существовать перестала⁶, но буду полу-чать "Новое дело"⁷, которое выходит на ее место. Пишут здесь, что Лев Николаевич сурьезно болен и что он в Крыму⁸. Сын мой давал мне читать несколько номеров цюрихской газеты, где об нем многое сообщают, его свет светит далеко за рубежом русской границы.

Александр Владимирович Станкевич, точно, стар, он, вероятно, не моложе ме-ня, здоровья не припас и избалован покойной жизнью. Жена его чрезвычайно умная женщина и когда-то ко мне очень расположенная, теперь вследствие разрушитель-ных припадков уже не в сознании, насколько знаю. Я теперь редко об них слышу.

Кончивши писать вам и переписав некролог, начала искать портрет Павла Ал- (ександровича) Бак(унина). Оказывается, что он очень велик для письма, т.е. для письма обыкновенной величины. Как теперь быть, я в большом затруднении. Как вы думаете, могу ли послать его в большом конверте, во всякую другую страну я бы не задумалась – но в России не знаешь, как быть. Прилагаю вам пока небольшой, сделанный, вероятно, любителем.

Очень меня заботит, что вы все хвораете, и я удивляюсь, что вы при этом так де-ятельны. Погода и у нас чересчур переменчива. Выпал было снег и думали, ну вот, наконец, зима, а теперь опять тает. А вам надо здоровье для ваших занятий, авось принесет вам весна побольше крепости. С сердечным приветом вам и вашей сестри-це ваша М. Р е й х е л ь

Знаете ли вы, что Огарев половину своих крестьян освободил?⁹

¹ Публикация Некрасовой "Николай Платонович Огарев. Раннее детство" из сб. "Под знаменем на-уки". М., 1902.

² Марья Львовна – первая жена Огарева.

³ Речь идет о Тате Герцен.

⁴ Под таким названием в 1898 г. в "Русской мысли", № 6–7 Некрасова опубликовала письма своей се-стры Варвары Степановны, которая в группе первых женщин-врачей приняла участие в русско-турецкой войне за независимость Болгарии.

⁵ К письму приложен текст некролога на немецком языке.

⁶ "Неделя" издавалась в 1866–1901 гг.

⁷ "Новое дело" – ежемесячный литературный журнал, издававшийся в Петербурге с января по де-кабрь 1902 г.

⁸ У Толстого было воспаление легких; врачи опасались за его жизнь.

⁹ В с. Верхний Белоомут Рязанской губернии в 1840 г. См. об этом подробно: Е.Л. Р у д н и ц к а я. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, с. 77–81.

15/2 марта (1902 г.). Берн.
Marzistrasse, 22-b

Вы не только милая, но *самая* милая Екатерина Степановна! Как вы меня балуете, присылаете мне все, что знаете для меня интересно будет. Я получила "Курьер"¹ и тотчас принялась за него. Большое вам спасибо.

При этом случае расскажу вам, что я кое-что слышала из 2-й части "Мертвых душ", которая уцелела. Во время оно приезжал в Париж Михайло Семенович Щепкин с Погодиным². Он не знал ни слова по-французски. Погодин уезжал, а Щепкину хотелось еще остаться в Париже. У меня в то время была лишняя комната после уезда детей Герцена, обеих девочек, к отцу. После смерти матери и пока Герцен устроился в Лондоне, они жили у меня в Париже. Я предложила Михайлу Семеновичу переехать ко мне, что он и исполнил, жил у меня, носил в поле халата моего тогда капельного сына, приговаривая: "Славный немец!"³. Ну-с, вот он пригласил в одно прекрасное утро русских важных людей⁴ и читал отрывок из второй части "Мертвых душ", чем и я наслаждалась. Муж мой уезжал в то время в Германию видаться со своими.

Да, великий писатель был Гоголь. В России Александр Иванович все читал вслух и, когда намеревался делать это, всегда велел и мне приходиться слушать, что меня всегда влекло. Некоторые вещи у меня и теперь есть Гоголя, но его всегда хочется читать с кем-нибудь вместе, муж по-русски не знал, и из детей никто не знает, да вообще надо быть русским, чтоб им вполне наслаждаться, потому что всю эту прелесть нельзя передать на другой язык.

Портрет, сделанный Ивановым, кажется мне лучше других, а в портрете гимназиста есть что-то египетское из прежних давнишних изображений, что-то горячее, внутреннее. Лицо сестры Гоголя симпатично, особенно глаза⁵.

Стихов Огарева к Тате я не знала⁶. У нее, точно, большой талант был к живописи, она даже одно время с Ге занималась. Почему она бросила, не знаю, это очень жаль. Только не идет к ней то место, где Ог(арев) говорит: "А если займешься ... ты жизнью пустой ежедневной" ... Нет, ее жизнь не пуста и не ежедневна, у Таты человеческий талант. А почему вы думаете, что у великих людей должны непременно быть великие дети; если возьмем знакомые примеры, то это выходит напротив.

Очень, очень благодарю вас за вырезку из "Харьк(овских) губ(ернских) вед(омостей)". Значит, все-таки есть надежда⁷. Я никак не знала, что такое грудная жаба, спрашивала нашего доктора, отличного гигиеника Адольфа Фогта. Насколько он мои объяснения понял, говорит, что это астма в соединении с сердцем. Оно так и выходит по вырезке, но еще присоединился плеврит и воспаление легких; это ужасно трудное состояние, и трудно доверять надежде.

Вы желаете карточку моего мужа; к сожалению, у меня нет маленькой, мы не часто портретировались. Но Рейхель, конечно, в письмах Герцена упоминается, он ведь не русский и не идет потому в собрание русских людей. У меня точно есть сын-музыкант, скрипач, и очень отличный скрипач; он уже несколько лет в Америке, в настоящую минуту в Детройте учитель в тамошней консерватории⁸. Я говорю: в настоящую минуту, а в самом деле не знаю и нахожусь в большой тревоге, потому что долго не имею от него известий, а он мне довольно часто пишет.

А теперь и без того есть чем тревожиться, у нас тут новый sport: беганье на sky, т.е., по-нашему, вероятно, лыжи. Недавно двое молодых людей провалились в трещину ледника и погибли, а вскоре затем молодой доктор, только начавший практику и которого мы лично знаем, тоже погиб. У последнего осталась мать и, по-видимому, без средств, должна сама зарабатывать. Как сына ни жаль, но примешивается чувство горечи за его легкомыслие. Мать его вдова профессора. Сегодня именно восьмой день, что он отправился в горы, его ищут, ищут и до сих пор не находят, много выпало снегу да и погода злая.

Вам хочется иметь Энгельсона⁹, но ведь он последнее время относился к Герцену враждебно.

В Москве живет певица Ал.Мих. Светловская, которая хорошо знает моего сына Макса, она много с ним пела, она настоящая артистка, музыкантша, сын мой очень ценил ее. Я с ней в 1898 г. в Москве познакомилась и слышала ее мощный, прекрасный альт.

Есть ли у вас карточка Щепкина? Вот его надобно поместить вблизи Герцена. Я еще пороюсь в моих фотографиях, может быть могу вам и еще кого доставить. Чем же мне благодарить вас за ваше милое внимание, самая милая Екатерина Степановна? Вот вы и об невестке спрашиваете, ей лучше совсем, только за нее всегда приходится бояться, у нее года три тому назад был плеврит, и каждую зиму он напоминает о себе. Климат в Лангентале не из самых лучших. Всем сердцем кланяюсь вам и сестрице и всего более желаю вам обоим здоровья. У нас уже через две недели Святая, а у вас после нас еще четыре недели позже¹⁰. Вот поди, найдись в таком противоречии. Ваша М. Рейхель

16. Наконец имею известие от сына в Америке, он писал брату сюда. По-видимому, письма ко мне затерялись.

¹ "Курьер" – ежедневная газета "политики, литературы и общественной жизни". Издавалась в Москве в 1897–1904 гг. Речь идет о гоголевских материалах (в связи с пятидесятилетием со дня его смерти).

² М.С. Щепкин приехал в Париж в августе 1853 г. После четырехдневной поездки к Герцену в Лондон он вернулся в столицу Франции и некоторое время жил в доме Рейхелей.

³ Второй сын М.К. Рейхель Карл–Александр, родившийся в 1853 г.

⁴ Имена присутствовавших на этом вечере точно не установлены. Возможно, это были русские аристократы Н.Н. Муравьев–Амурский, гр. В.К. Сиверс, А.М. Дондуков–Корсаков, гр. А.П. Толстой, а также Ланберг (см. Т.С. Гр и ц. М.С. Щепкин. Летопись жизни и творчества. М., 1966, с. 516).

⁵ Рейхель имеет в виду портрет Гоголя, написанный А.А. Ивановым в 1841 г. (воспроизведен в "Лит. наследстве", т. 58, с. 623), а также гравюру 1827 г., изображающую Гоголя–гимназиста (воспроизведена в кн.: И. З о л о т у с к и й. Гоголь. М., 1979). О какой из сестер Гоголя идет речь, неясно.

⁶ "С утра до ночи" (Посвящается Тате)", см.: *Ogarov I*, 404–406.

⁷ Речь идет о болезни Толстого.

⁸ Макс Рейхель.

⁹ Имеется в виду фотография В.А. Энгельсона для "Комнаты людей 40-х годов".

¹⁰ Католическая и православная Пасхи.

Милая Екатерина Степановна!

Письмо ваше получила и за ним портрет Успенского Г. У меня теперь несколько портретов, последний при его последнем романе, только что переведенном на немецкий язык: "Drei Menschen", который подарил мне мой сын Александр к моему рождению. В восьмидесятый (!) десяток вступила, не думала я, что так заживусь.

И начала я мой новый год с больной ногой, теперь несколько лучше, но еще плохо могу ходить. Очень мне жаль слышать, что вы всё хвораете; я хочу надеяться, что весна вас поправит; она и у вас, как слышу из Москвы, настала. У нас переход всегда быстро делается, после двух-трех теплых дождей точно волшебным жезлом махнуло, все зазеленело и начало цвести, особенно груши пышно цветут. Я, по крайней мере, могу через улицу в сад моего сына пройти, теперь же и время тюльпанов, которые роскошно распустились. Вы тоже докуртствуете и пишете о новом средстве, мне оно незнакомо, я только антипирин знаю. Я вообще с лекарствами не на короткой ноге теперь, наш доктор, хотя и отличный диагностикер и врач, но преимущественно гигиеникер и воспитал нас в этом духе. Он тоже старичок, одних лет со мною, приходит теперь мою ногу массировать и бинтовать. Он брат известного профессора Карла Фогта¹.

Из названных вами умерших литераторов мне только один знаком: Глеб Успенский, и его я очень почитаю и очень благодарю вас за портрет. О Л.Н. Т(олстом) и здесь часто известия тоже противоречащие, сегодня читала, что ему лучше; будем надеяться, что на этом остановится.

Теперь хочу горячо заступиться за Марью Федоровну Корш. Откуда у вас такие известия, что она влюблена была в Гер(цена) и потому ненавидела его жену, это не имеет ни капли основания. Я коротко знала М(арию) Ф(едоровну), любила ее и теперь люблю, она была не только умный, но и теплый человек и самый благородный характер. Сам Грановский относился к ней с глубокой дружбой. Милая моя Маволинька, как мы называли ее, не думала я, что мне за нее копые сломать придется².

То, что вы говорите о свидании с Евг(ением) Фед(оровичем) Корш, что он против Гер(цены)х так ожесточен был, это мне ново. О Кетчере я знаю, что он в последнее время жизни ругал Гер(це)на, за что? не имею ни малейшего понятия. А он был друг дома, приходил почти каждый день, и от него я уже бы никогда не ожидала, что он так круто повернет. Правда, он был женат на очень доброй, но и очень ограниченной женщине, которая многого недопонимала³. Что покойная Н(аталя) А(лександровна) была незаурядная женщина, это совершенно справедливо, но таких эпитетов, о которых вы пишете, нельзя приложить к ней. И уж, конечно, они не выходили из уст Марьи Фед(оровны). Отчуждение было, и на это были основания. Вы, конечно, странным найдете, что я только недавно узнала вполне характер Н(атали) Ал(ександровны). Два-три года тому назад было помещено, если не ошибаюсь (Милюковым) в "Русских ведомостях" под заглавием "Die Liebe bei zwei Idealisten von 30-er Jahrens". По-русски, кажется, что-то вроде переписки между А.И. Гер(ценым) и Н.А. Захарьиной. Я все это довольно длинное перевела на немецкий язык для себя. Тут много из писем Н(атали) А(лександровны) и из дневника Гер(цена). Тут так много интимного, что больно читать в печати; явно нумера с этим содержанием присылала мне Тата. Я эти дни опять перечитала и была вновь содержанием этой драмы потрясена. Вам непременно нужно прочесть это, прежде нежели вы что-нибудь напишете. Постарайтесь достать "Русские ведомости", ведь так, кажется, называется журнал^{14*}, который в Москве выходит? Я никак не могу догадаться, кто дал Милюкову письма и из дневника Гер(цена). Я, к сожалению, номеров не записала⁴. Это было напечатано после моей поездки в Россию, она состоялась в 1898 г. Значит, или в 98-м или 99-м было напечатано. Все это было мне знакомо, но не в такой полноте и подробности.

Пересматривая еще раз письма, о которых говорю выше, нашла заметку, что один № газеты от 4-го ноября. Только год не назначен. То, о чем Анненков писал, мне незнакомо, он, кажется, что-то набрешил⁵. Черкните по карте, получили ли вы это письмо. У вас там что-то непокойно⁶.

М.Ф. КОРШ

Рисунок К.А. Горбунова (карандаш). 7 августа 1845 г.
Справа подпись художника: "Утро 7-го Августа К.Г."

Российский государственный архив литературы и искусства,
Москва

"Я коротко знала М(арию) Ф(едоровну), любила ее и теперь люблю, она была не только умный, но и теплый человек и самый благородный характер" (М.К. Рейхель – Е.С. Некрасовой.
25/12 апреля 1902 г.)

^{14*} газета (франц. journal).

Луиза Ив(ановна)⁷ была добрая женщина, и отношение к Н(аталье) А(лександровне) было хорошее. Вы увидите в том, что напечатано, что Н(аталья) А(лександровна) была более нежели незаурядная, и было бы ее воспитание не так ограничено и бессердечно, не так лишено жизненных интересов, как бы вышло всё иначе и сколько бы горького опыта возможно было избежать. А теперь можно только закончить словами Г(ерце)на, которые стоят в конце всей этой истории⁸.

М(арья) Е(вгеньевна) (Корш) ничего этого не знает, слышала, может быть, кое-что, что с обыкновенной точки зрения предосудительно, а потом вы, верно, знаете ту игру, где несколько сидят вместе, первому расскажут историю на ухо, он также на ухо должен рассказать соседу, и так далее, и конец выйдет неизвестно.

Уже поздно поздравить вас с праздником, послезавтра наша Святая (неделя). Я надеюсь в этот день слышать знаменитую H-molle Messe Себастиана Баха.

У нас трехдневный музыкальный праздник ради обновления нашего собора, которому соорудили, наконец, готическую башню, которой ему не доставало. Лидертафель и четырехголосный хор Цецилиенфрейерн соединились, чтоб исполнить этот трудный и колоссальный оркус. Оркестр очень увеличен, и будут исполнять в самом соборе и с органом; у нас нет такой большой концертной залы, и потому оратории исполняются в церквях. Всем сердцем желаю вам и сестрице здоровья. Ваша М. Р е й х е л ь

¹ Профессор Адольф Фогт.

² На отношение Некрасовой к М.Ф. Корш могла повлиять Н.А. Тучкова-Огарева (см. выше ее письма к Некрасовой).

³ Н.Х. Кетчеру и его жене Серафиме Герцен посвятил целую главу в "Былом и думах" (см. IX, 223–255).

⁴ Публикация «Любовь у "идеалистов тридцатых годов". А.И. и Н.А. Герцен» в газете "Русские ведомости", 1896, № 276, 282, 289, 305, 335, 345. Переписка Герцена с невестой была уже известна Некрасовой и даже частично публиковалась ею (см. выше комментарии к обзору писем Тучковой-Огаревой к Некрасовой).

⁵ См. П.В. Анненков. Идеалисты 30-х годов (ВЕ, 1883, № 3–4).

⁶ В России это было время массовых демонстраций и стачек.

⁷ Мать Герцена.

⁸ Слова Герцена о Наталье Александровне: "Бедная страдальца – и сколько я сам, беспрдельно любя ее, участвовал в ее убийстве!" (X, 314).

Я не имею никакого повода не доверять вам, милая Екатерина Степановна, скорее не доверяю бумаге и частию самой себе, ведь очень трудно писать, особенно о таком лице как Н.А. Г(ерцен), жизнь которой включает в себе столько необыденного.

Моя близость к этой семье основывалась на моей страстной привязанности к ее маленькому Коле, глухонемому ребенку, которого я любила не менее моих потом собственных детей и который был долго на моих руках сообщая с бабушкой Л(уизой) И(вановной). Вследствие этого я была своим человеком. Я была лет на семь моложе Н(атальи) А(лександровны). Мы были всегда в хороших отношениях, и был бы грех с моей стороны не признавать этого. Положения наши были различные, она, окруженная, можно сказать, поклонением и любовью, а я (...) незаметная, робкая. Мудрено ли, что между нами не выработалось особенной близости. Но если б не так рано пришла для нее смерть, я уверена, что после много пережитого мы стали бы ближе друг к другу – это мое частное убеждение.

Я неосторожно употребила выражение "не без основания" в отношении М(арья) Ф(едоровны). Я думаю просто, что различный склад характеров произвел некоторое отчуждение, но никак не перерыв отношений, к тому же М(арья) Ф(едоровна) скоро возвратилась в Россию. Мне хотелось послать вам несколько строк Н(атальи) А(лександровны), но у меня их нет; вероятно, были приписки в письмах А(лександровны).

ра) И(вановича) ко мне. Письма эти я все передала Наталье Александровне – Тате, которая теперь возвратилась в Лозанну.

Перебирая старинные письма, я нашла и письма Егора Иван(овича). Я совсем забыла, что они еще сохранились. Потому спрашивайте меня, что вам еще знать хочется, моя память ужасно слабеет. Именно в первом письме Е(гора) И(вановича)¹, которое я развернула, есть целая страница – приписка от сестры Н(атальи) А(лекса́ндровны) Софьи Семичевой, которая пишет, что ждет разрешения от бремени – вот именно эта ее дочка, которую вы принимали за дочь Е(гора) И(вановича). Софья Александровна находилась у Е(гора) И(вановича) в то время и, если хорошо помню, сама она вскоре скончалась. Егор Ив(анович) воспитывал маленькую. Письмо это от 1853 года – вот какая древность, но какое тепло навевают еще эти старые строки. Мы с Е(гором) И(вановичем) были очень дружны и к тому же кумовья – Тата наша общая крестница.

Щепкина карточку пришлю вам погода; я думаю, так лучше.

Не знаю, жива ли еще моя старая знакомая Александра Владимировна Щепкина, жена Николая Щепкина-сына. Я познакомилась с ней здесь за границей. В последний мой приезд в Москву она была в отсутствии.

Однако пора кончить, а то вы устанете читать. У нас ужасная погода – то, было, тепло сделалось, все начало роскошно цвести, и вдруг холод, дождь, снег и злые, злые утренники. Кончится это, вероятно, тем, что плоды пострадают. А какие беды на свете делаются – вулканическое разрушение города на Мартинике, 30 000 человек погибло сожженных и залитых лавою. Страшно вздумать!

Сердечно вам и сестрице кланяюсь. Ваша М. Р е й х е л ь

¹ Письмо Е.И. Герцена до нас не дошло.

19/6 июня 1902. Берн

Милая Екатерина Степановна! Вы, я думаю, уже на меня рукой махнули за мое молчание, а между тем я много о вас думала и молча. Прежде всего, позвольте мне выразить вам мое сочувствие к тому тяжелому ощущению, которое вас поразило; я, хотя и не знаю настоящей причины, но гадаю и печалюсь. Благодарю вас за все присылки, вы меня трогаете вашим вниманием. Особенно интересно о Гоголе и в то же время тяжело читать; спасая свою собственную душу, он опустил возможность спасти много других.

Какое интересное лицо Соловьева, я очень благодарю за портрет. Я некоторые вещи его читала в «Книжках “Недели”» и ценю и уважаю его как цельную личность, но не могу следовать направлению¹.

Если я из Берна уеду, то никак не ранее половины здешнего августа, я жду в июле моего сына из Америки, он всего только на один месяц приедет и останется почти до половины августа (здесьнего стиля). Если я после его отъезда куда уеду, то никак не далее Langenthal, час езды от Берна, в семью сына Эрнста, который там адвокатствует. Оттуда меня всегда можно достать или уведомить, никакого другого адреса не нужно, кроме m-me Reichel. Schweiz, Langenthal. Kanton Bern. Лангенталь только местечко, но торговый центр с несколькими фабриками. Все поезда, исключая Blitzzug^{15*}, там останавливаются, и сообщение с Берном несколько раз в день. Но пока я ни о каких поездках думать не могу ради больной ноги, которая уже несколько недель держит меня в узде и затрудняет движение.

Портрет, т.е. карточку Щепкина Михайла Семеновича, я вам пришлю; может быть, вы получите таковую же и Рейхеля. Вы получите ее, если Юл(ия) Богд(ановна) Шумахер наберет столько сил, чтоб приехать в Москву из деревни. Я ей писала и спрашивала, не согласится ли она пожертвовать. Она большая почитательница

^{15*} скорого поезда (нем.)

ца Рейхеля. Все ее портреты в Москве, и она никому не может поручить найти нужное.

А почему я молчала – во-первых, заложила ваше письмо и только недавно нашла его; в нем вы упомянули о m-те Пассек, я за нее тотчас принялась². Читали ли вы все, она беспрестанно возвращается к А(лександру) И(вановичу). Для меня эти записки имеют захватывающий интерес. Много рассказывается еще до моего времени, но это многое было мне по изустным рассказам сильно знакомо – эту зарю юности А(лександра) И(вановича) и ее самой отношение к нему. Сколько тут задатков, сколько живой поэзии – и на фоне старческая фигура Ивана Алексеевича, которая своими тормозами еще более выделяет светлые образы. Да, странный был старик, в мое время он уже был сдержаннее, хотя подчас и надо было считаться с его капризными сторонами. Я люблю старика и берегу ему в душе благодарную память, он по-своему был добр ко мне и не раз это доказывал вниманием ко мне.

Пассек я знала хорошо лично еще в России, она была у меня в Дрездене и заезжала ко мне в Берн. Есть и вещи, к которым я у ней не симпатизирую, – ну да бог с ними.

Клиентовой я не знаю, даже не помню, что о ней когда-либо слышала, да и немудрено – ведь этому уже лет за шестьдесят. Пассек симпатично отзывается об Н(аталье) А(лександровне). То, что она из Астраковой приводит, уже показывает грустное настроение Н(атальи) А(лександровны)³. Обо всем этом больно думать, когда заглянешь в прошедшее, и еще больше говорить в письме.

О(гаре)ва, вероятно, не по своей вине прекратила печатание стихов⁴. Они, впрочем, у меня есть, изданные еще в Лондоне. В письмах Егора Ивановича едва ли будет для вас много интересного. Его главный интерес был в музыке, и особенно в военной. Хотя братья были в хороших отношениях, но Е(гор) И(ванович) стоял на другой почве. С ним мы были кумовья и в большой дружбе.

Еще одно слово об М(арии) Ф(едоровне). Вы что-то иезуитское к ней применили, не знаю – по каким сообщениям, но подобное сообщение, уверяю вас, не согласуется с верными взглядами. Очень и мне жаль, что не удалось видиться с вами, ну не судьба! С искренним приветом вам и сестрице. Ваша М. Р е й х е л ь

¹ Рейхель имеет в виду философа В.С. Соловьева.

² Речь идет о воспоминаниях Т.П. Пассек "Из дальних лет". Еще в 1870-х годах Рейхель помогала ей в работе над ними (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 578–583 и ряд публикаций наст. тома).

³ См. Пассек II, 324–330.

⁴ В 1899 г. Тучкова-Огарева задумала издать стихотворения Огарева отдельной книгой, однако это помешал конфликт с издательницей О.Н. Поповой (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 588).

Еще раз перечитала ваше письмо. Вы так настоятельно желаете знать об отношении Н(атальи) А(лександровны) к М(арии) Ф(едоровне) и характере последней. Я решительно ничего позитивного не могу сказать; насколько помню, это отношение было в конце не то, каким оно было вначале, но неприязненного, критического, иезуитского оно не имело. Я часто замечала, что жизнь вместе ведет к разочарованиям, какие факты этому способствовали в данном случае, не умею назвать. Может быть, в характере Н(атальи) А(лександровны) недоставало откровенности, может быть, внутреннее состояние ее духа давало повод к неверным заключениям. У меня много писем М(арии) Ф(едоровны). Так сердечно писать не может фальшивый человек. Но, повторяю, таких эпитетов, о которых вы пишете, уста М(арии) Ф(едоровны) не могли произносить. Я именно теперь просматривала многие из ее писем и стою крепко за ее душевные теплоту и прямоту. Наконец, ошибки, недостаток симпатии доступны всякому, но нельзя же за это карать. Вам непременно хочется пьедестала, как будто он увеличивает достоинства. Я с тяжелым чувством говорю вам все это, я не желаю ни критиковать, ни осуждать, особенно в мои лета после долгой

жизни, ее опытов, когда взгляд делается яснее, чище, человечнее, когда все мелкое отпадает и только ценное, духовное стоит на часах. Семья Г(ерцены)х мне родная, хоть сношения очень редки – но родство и симпатия крепки прожитым. Теперь будет с вас, и потому кончаю. Ваша М. Р е й х л ь

16

29-е января (1903)

Послезавтра день нашего, т.е. Герц(ены)х и моего, отъезда из Москвы и расставанья на Черной Грязи, 56 лет!!¹

Милая Екатерина Степановна!

Спешу уведомить вас, что получила тетрадку о истории русской словесности и журнал с вашей статьей о похоронах А.И. Г(ерцена)². Первая не только меня, но и моего сына с женою и дочерью очень интересовала, и я с гордостью переводила все титулы и членочества Дашкиной³, “и мы видали виды”⁴.

Ваш артикль^{16*} я читала одна с душевным участием, для меня эти подробности были новы, ведь я узнала о смерти Г(ерцена) из здешних газет, и сердце отказывалось верить, что это могла быть правда. Сегодня я отправила газету к Тате, сообщив ваше желание о дополнении, и спрашивала, что значило и какому приказу повиновался кучер, увозивший тело прежде назначенного времени и топча уважение к смерти вопреки всем приличиям⁵.

Теперь прошу прощение у Анны Степановны, что я не упомянула о чае; вспомнила, когда уже письмо было запечатано. И не в одной этой вине должна признаться, но и в моем варварском безвкуси, я чай тотчас заварила, русский чай такая редкость – и не могла его пить. Теперь, зная, что это цветочный чай, я буду мешать его с моим плебейским, который я выписываю из Гамбурга и в котором никакой чайный цветочник не заблудится. Я еще когда-то в Москве имела случай пробовать очень дорогого китайского сорту, но со вкусом не могла сладить. Ну, простите великодушно и верьте, что я сердечно благодарна за милое внимание Анны Степановны.

Я так и знала, что если из моих воспоминаний, что выйдет, то для вас главный интерес составят известия о Г(ерце)не. Я, может быть, много потеряла из фальшивого представления, чтоб не показаться, что хочу подняться, хоть на цыпочки, через мое знакомство с Г(ерценым), и частью из боязни не быть в состоянии уметь говорить о такой личности. Но я так много дружбы и доверия Г(ерце)на ко мне и к моему мужу испытала, что малодушие не у места, и потому буду говорить wie nur der Schnabel gewachsen ist^{17*}.

В 1867 г., когда мы переехали из Дрездена в Берн, Г(ерце)н был в Женеве; я не тотчас его уведомила, потому что двое моих детей занемогли скарлатиной. Г(ерце)н, не зная этого, был недоволен, что я о своем приезде не писала ему и потому просила подождать с его посещением у нас. После он приехал и писал потом, как он был доволен: “У вас, я ужасно рад, что был у вас, у вас светло, чисто (т.е. в нравственном смысле), у вас работа....только зачем вы выписали г-на... от точно таракан, попавший в решето и не находящий выхода...”⁶

Этого господина я не выписывала, он проживал одно время в Берне. Впрочем, его жена была из семьи того семейства, в котором Г(ерцен) и его жена нашли такой радушный прием во Владимире, с нею я оставалась в дружеских отношениях до конца ее жизни. А таракан еще жив, уж очень старенький, летом он посетил нас здесь. Разве такая верность не заслуживает уважения?⁷

Я еще не поблагодарила вас за вашу готовность помогать мне – только я начала с начала, т.е. с моего детства и пребывания в Сибири, что еще уцелело. Дайте руку. Вам и А(нне) С(тепановне) сердечный привет. Ваша М.Р.

^{16*} статью (франц. article).

^{17*} как Бог на душу положит (нем.)

А вот чуть не забыла о чадре сказать и поблагодарить. Я ею очень довольна, и она красуется на головке большого кресла и прильнула к нему, как золотая тучка на груди старого лермонтовского утеса⁸.

¹Отъезд Герцена из Москвы за границу приходился на 19/31 января 1847 г.

²Статья Некрасовой в "Русских ведомостях", № 9 от 9 января 1903 г. См. выше ее перепечатку (с авторскими дополнениями и исправлениями) в обзоре писем Н.А. Тучковой-Огаревой к Некрасовой (с. 236–238). См. также с. 773–776.

³Ошибочное написание фамилии известной общественной деятельницы и писательницы XVIII в. Е.Р. Дашковой.

⁴Из стихотворения Пушкина "Гусар".

⁵Гроб с телом Герцена был увезен на час раньше назначенного срока по распоряжению полицейских властей, опасавшихся массовых манифестаций (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 537).

⁶Рейхель неточно цитирует письмо Герцена от 6 июля 1867 г. Вместо "г-на..." следует читать "Лион" – см. XXIX, 141 и след. прим.

⁷Тверской помещик С.М. Лион, живший в 1860-е годы в Швейцарии, и его жена О.И. Лион, урожденная Курута.

⁸Ссылка на стихотворение Лермонтова "Утес".

Милая Екатерина Степановна!

Бесконечно благодарю вас за присылку интересных статей в газетах, особенно самого Л.Н. Т(олстого) о войне и мире¹.

Спешу передать вам ответ Таты; она пишет, что не может дополнить желаемого вами. В конце 1869 г. она была серьезно больна, доктор приходил в январе еще для нее – так что ей, пишет она, только в самую последнюю минуту сказали, что отец опасно болен. Впрочем, говорит она, это было так неожиданно, все прошло так страшно быстро, что нечего рассказывать; я, т.е. Тата, "все-таки расспрошу Мальвида (m-lle Meysenbug), Габриеля, Сашу и Ольгу".

Если это правда, что вы пишете, что только на другой день позвали к Ал(ександру) Ив(ановичу) доктора, страшно об этом вздумать, что время, может быть, вовремя захватить болезнь было пропущено. Лучше не позволять себе об этом думать. В "Освобождении", пишет Тата, ничего не напечатано из 5-го тома "Былое и думы". Александр Александрович послал редактору маленькую главу предисловия; в котором речь идет только о 1848 г.² Они в Лозанне³ ужасно радуются, что отцом их больше и больше занимаются; Мальвида все об этом говорит теперь и радуется, что еще дожила до этого.

Мне вспомнилось, что у меня есть маска и рука Натальи Александровны, гипсовые, если вы желаете, я могу прислать вам, когда барышня Фелицына возвратится; это надобно с оказией прислать, чтоб лучше доехало⁴. Вы спрашиваете о Фелицыной, я только недавно с ней виделась, она приходила ко мне два воскресенья тому назад. Она ужасно занята, целый день в клинике, живет от меня довольно далеко. Она мне хорошее впечатление оставила, я просила ее зайти опять по возможности, но именно ко мне зайти нельзя, а надобно нарочно придти, я живу очень в стороне от городского движения.

Тата ужасно занимается моими воспоминаниями; прислала мне большой пакет бумаги с линиями и великолепную лампу, чтоб я могла светлее видеть. Это был настоящий сюрприз, мой сын принес лампу, когда я была занята в кухне, и зажег ее. Тата спрашивает, далеко ли я и до какого пункта дошла, а я уж очень начинаю бояться за мои старческие сообщения, что они выйдут очень *hausbacken*^{18*}, как говорят немцы. Но я обещала продолжать и следую совету моего сына⁵: "Пиши, что тебе вздумается".

Я пересмотрела, что было написано, теперь надо собирать, что еще есть в памяти, но чувствую, что подряд едва ли сумею, уж очень я стара, весною мне стукнет во-

^{18*} доморощенными (нем.).

семьдесят, и этот стук я очень чувствую⁶.

Вы говорите о Драгоманове, как о живом, он уже несколько лет, что умер. Я сегодня получила русский ответ из Женевы на мой вопрос о брошюре, о которой вы желаете знать. Этот господин очень извиняется, что так долго не ответил, он везде справлялся, но брошюры этой никто не знает.

Я еще не поблагодарила вас за "Былые люди"⁷. Это мне было уже знакомо и даже по-русски, а не в переводе. Горького очень знают и за границей. Последнее, что знаю, это "Трое", но от этих трех я отшатнулась и только с трудом могла прочитать до конца. Симпатичная черта Горького это находить "человека" и в сильно неприглядной оболочке; но в "Трое" уже такое полное безотрадное явление, что под конец и просыпающаяся совесть не выкупает. Может быть, я ошибаюсь, но не могу преодолеть отвращения. Конечно, нельзя писателю, и особенно такому талантливому, законы предписывать или просто указывать — главное в том, чтоб он благотельно действовал на развитие и будил сознание.

Не знаю, читаете ли вы по-немецки, теперь в Германии огромный успех имеет Френсен. Я читала два его романа с возрастающим интересом, это что-то такое особенное, поэтическое, несмотря на обыкновенные явления, ну тут все — и природа и люди захватывают, глубоко заставляют вдуматься.

У нас была несколько времени хорошая зимняя погода, днем ясное солнце, ночью мороз. После одного растаявшего снега, выпал другой. Молодежь предается зимним удовольствиям, беганью на коньках, катанью, т.е. у нас в спуске на салазках. На нашем Гуртен даже пробуют ski^{19*} бегать, а в Грюндельвальд⁸ это уже настоящий спорт, так много иностранцев. А мои ноги не позволяют много ходить, особенно теперь, когда днем сильно тает и делает дорогу грязною.

Теперь прощайте, милая Екатерина Степановна, и вы, Анна Степановна, дайте обнять вас обеих. Ваша Мария Р е й х е л ь

Все ваши листки приходят в исправности и интересуют вашу покорнейшую. Будьте здоровы.

КОЛЯ ГЕРЦЕН

Дажерротип. Конца 1840-х годов

Российский государственный архив литературы и искусства,
Москва

"Моя близость к этой семье основывалась на моей страстной привязанности к ее маленькому Коле, глухонемому ребенку, которого я любила не менее потом моих собственных детей и который долго был на моих руках сообща с бабушкой Л(уизой) И(вановной)" (М.К. Рейхель — Е.С. Некрасовой.
12 мая/28 апреля 1902 г.)

¹ Можно предположить, что речь идет о "Солдатской памятке" и "Офицерской памятке" Толстого, впервые напечатанных в 1902 г. ("Свободное слово", № 74).

² В книге 1-й "Освобождения" (Штутгарт, 1903), под ред. П.Б. Струве напечатаны «Отрывки из "Былого и дум"»: "1848" и "1852".

^{19*} на лыжах (франц.)

³В Лозанне жили Н.А. Герцен (Тата) и ее брат А.А. Герцен с семьей.

⁴Гипсовые маска и рука Н.А. Герцен хранятся в фондах Государственного литературного музея в Москве (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 766).

⁵Сын Рейхель Алекс (Карл-Александр).

⁶Рейхель пишет о работе над своими воспоминаниями, которые были опубликованы в 1909 г. (см. предисловие к наст. публикации).

⁷Имеется в виду рассказ М. Горького "Бывшие люди", впервые напечатанный в журнале "Новое слово", 1897, № 10–11.

⁸Горные вершины в Альпах, близ Берна.

18

27-го/14 февр(аля) 1903 г.), вечер.

Берн. Marzistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Сейчас вынула вашу карту из ящика, а на письмо ваше еще не ответила. Два дня тому назад пришли и "Бакинские известия"¹ вот из какой дали через вас.

В вашем письме я не поняла, о каком пятне вы говорите: снять с него или с нее пятно перед будущим поколением. Пожалуйста, объясните мне это. Г(ерце)н не был со мною скрытен, я многое знала, только об своем отношении к Ог(аревой) никогда не писал, и даже, когда родились дети, они были названы детьми Ога(ре)ва. Только в последнем времени, незадолго до смерти, когда я уже давно знала, он писал мне об отношении к Н.А. О(гаревой)². Но я ни о каком пятне не знаю.

Об болезни Г(ерце)на я тоже слышала, что при диабете воспаление в легких чрезвычайно опасно. Ах, как это все больно вспомнить. Мне неизвестно, что Нат(алья) Алекс(еевна) напечатала³. Вы напрасно думаете, что дети Г(ерце)на не довольно интересуются воспоминанием об отце. Нет, нет, это не так. Но ведь у них много дела, занятий, да и нельзя вспомнить напоказ. Если вы знаете в каком номере "Предисловие", я могу его, вероятно, получить здесь; я иногда покупала "Освобождение". Но как переслать? Разве не отберут на границе?

Мои воспоминания очень туго подвигаются, надобно бы было раньше начать, теперь память очень изменяет... Как же сравнивать то, что я могу написать, с вашей статьей, где только о Г(ерце)не говорится. А теперь меня многое очень беспокоит и нет нужного спокойствия.

Мой внук, о болезни которого я вам писала, до сих пор не на ступени выздоровления, уже седьмая неделя, что он в постели. Только что позволил доктор встать, как опять является жар. Инфлюенца, pleuresie^{20*}, Blinddarm^{21*} – воспаление одно после другого. Ему 15 лет, но он ужасно вытянулся, и переработает ли он все это? – а он такой хороший мальчик. Потом от моего сына из Америки долго нет известий, таких длинных пауз в нашей переписке не бывало. Здесь ужасно много в последнее время смертных случаев, и это странно, потому что с половины генваря здешнего у нас почти постоянно хорошая погода, сначала было довольно холодно, а теперь только по ночам морозит, днем же большею частью солнце и кроткий воздух, снег почти стаял. Местами и здесь грязно, где лед тает. Мне любопытно знать, чем весна наградит, ведь и здесь так, самое лучшее время весны и расцвета обыкновенно эскамотируется^{22*} до самого длинного дня.

Вы меня очень печалите, что с вашим здоровьем и особенно Анны Степановны не идет как бы следовало; здоровье – первое благо, и я бы от всего сердца желала, чтобы оно было вашей собственностью. Мне тоже иногда недомагаются, но ведь я уж очень древняя, и немудрено, что там и тут какой-нибудь винтик в машине развинтится.

Меня очень радует, что ваша статья такое распространение находит и так часто перепечатана⁴; вот теперь бы и надобно еще больше известий о Г(ерце)не помещать, чтобы интерес не ослаб. Если б можно было его самого говорить заставить, т.е. в печати.

20* плеврит (франц.)

21* слепая кишка (нем.)

22* похищается (от франц. escamoter).

Вы спрашиваете о Френсене. Если вы не свободно читаете по-немецки, то для вас многое было бы потеряно. Это совершенно, можно сказать, на альтруистической подкладке. Очень сурьезно, но прекрасно.

Письма ваши и другие я не истребляю, это старая привычка, после меня будет чем печку топить. Пожалуйста, будьте здоровы. Сердечно кланяюсь вам, обнимаю. Ваша Р е й х е л ь

¹ 9 января 1903 г. в "Бакинских известиях" была напечатана публикация Е.С. Некрасовой "Интересный документ об А.И. Герцене".

² См. письмо Герцена от 9 октября 1869 г. (XXX, 215).

³ Некрасова, регулярно переписывавшаяся с Н.А. Тучковой-Огаревой, знала о скором выходе в свет ее воспоминаний (отдельной книгой опубликованы братьями Сабашниковыми в мае 1903 г.); до этого Огарева печатала свои воспоминания о Герцене в "Русской старине" (1890, № 10, с. 1–80, 1894, № 9, с. 63–100; № 10, с. 1–45; № 11, с. 1–26; № 12, с. 1–27) и в "Северном вестнике" (1896, № 2, с. 82–99; № 3, с. 107–120; № 4, с. 41–49).

⁴ Вероятно, статья о похоронах Герцена (см. прим. 2 к п. 16).

19

16-ro/3 марта 03.
Bern. Marzistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Благодарю вас за пояснение – только слово "пятно" слишком жесткое, пятно предполагает более или менее грязь, и я надеюсь, что имя дорогого нам человека не имеет с нею ничего общего. Положим, это был грех, но грех можно простить, испустить¹. *Отнять* тоже не идет. Мне говорил один заслуживающий доверия человек (не Тата), что *она* была *Евой*, и потому слово отнять уже нельзя приложить². Конечно, это не снимает тени с имени Г(ерцена) – не только виноватый поступок против друга, но и против детей. Я не знаю, как принял Ог(арев) это начало новых отношений. Г(ерцен) и Н(аталья) А(лексеевна) открылись ему тотчас, это я знаю от самого Г(ерцена). Они еще некоторое время оставались жить вместе, Ог(арев) был сотрудником и давал свое имя детям Натальи Алексеевны. Я не думаю, что Г(ерцен) был счастлив, уже во время лондонской жизни бывали неровности. Тата еще очень молоденькой, почти девочкой, бывала посредницей и своим кротким существом действовала на Н(аталью) А(лексеевну) и устанавливала согласие. Это я тоже знаю от верного человека, очевидца. Потом я читала – не знаю, в "Русской старине" или "Русской мысли"³ – письма Г(ерцена) к Ог(ареву), где он пишет, что не может понять характер Н(атальи) А(лексеевны). Эти письма дал Ог(арев) Тане, т.е. Татьяне Петровне) Пассек, когда она приезжала за границу и когда О(гарев) жил в Женеве. Читала я эти письма между 79 и 86 годами, я помню, в какой квартире мы тогда жили и именно с 1879 до 1886 г. Дети Г(ерцена) просили меня тогда писать Пассек, чтоб она прекратила печатание этих интимных писем, но мои повторяемые просьбы не имели действия. Пассек была вечно в затруднении средств и давала эти письма в печать, вероятно, за хорошую плату. Она на том стояла, что эти письма дал ей сам Ник, что она с ними может делать, что хочет. Знал ли он, что давал?

Из всего этого видно, что accord parfait^{23*}, выражаясь музыкально, не доставало, и Г(ерцен) *искупал*. Но, вступив в непрямое, но деликатное отношение, он должен был выдержать. Потом надо знать, в каких обоюдных отношениях были Ог(арев) и жена, симпатии уже, вероятно, не было, иначе *она* не могла бы так скоро броситься в объятия другого; говорят, что это случилось очень скоро после приезда О(гаревы)х в чужие края. Если это так, то и О(гарев) не принял, вероятно, сильно к сердцу – хотя равнодушно принять нельзя бы было, без боли. Но мало людей, которые были бы так способны к *abnégation*^{24*}, как О(гарев), и немало пришлось ему на долю разочароваться. Ах, как это грустно, как больно, и не нашелся для него ангел-хранитель, который уберег бы его от его несчастного недостатка⁴.

^{23*} полного аккорда (франц.).

^{24*} самоотречению (франц.).

Прошу вас все, что тут писала, принять только для вас.

Листки газет получила, не зная того, другого писателя, не могу судить насколько права графиня Толстая, но все-таки думаю, что есть правда в ее словах⁵. Одни подробности грязи и человеческих недостатков, по-моему, не могут действовать ни устрашающе, ни поднимаяще, одна красота подымает; но, может быть, для России полезно подымать покрывало и над грязью и вызывать к ней отвращение с горем пополам.

Сегодня кончаю с сердечным приветом вам и А(нне) С(тепановне). Ваша Р е й х е л ь

У нас весны еще нет, до сих пор по ночам морозило, днем солнце. Сегодня заволакивает, и, если будет дождь, все начнет распускаться. Это делается здесь быстро, точно волшебством.

¹ Речь идет о взаимоотношениях Герцена с Тучковой-Огаревой.

² Под "Евой" (т.е. искусительницей) здесь подразумевается Тучкова-Огарева, которой принадлежала инициатива сближения с Герценом.

³ Письма Герцена к Огареву публиковались в РС (1886, № 11–12 и 1887, № 10).

⁴ Намек на пристрастие Огарева к спиртному.

⁵ В "Новом времени", № 9673 от 7 февраля 1903 г. было опубликовано письмо С.Л. Толстой с отрицательной оценкой рассказа Л.Н. Андреева "Бездна".

20

2 апреля/20 марта 03.
Bern. Marzistrasse, 22-b

Милая Екатерина Степановна!

Как мне благодарить вас за ваше милое постоянное внимание, за частую память обо мне присылкою разных журнальных листков, которые я обыкновенно тотчас глотаю, и особенно теперь, когда мне сурьезно с некоторого времени нездоровится, всякое теплое изъяснение много добра делает. Вот вы меня и с Андреевым¹ познакомили, конечно, по такой маленькой статейке судить нельзя, но при всей фантазии и очень недурному изложению она не затрогивает, в ней недостает непосредственного общения автора с содержанием и чувствуется что-то деланное и как будто холодное. То ли дело у Горького, который сам положил персты в раны.

Посылаю вам два письма Ог(арева), которые я после долгого искания, наконец, нашла, третье письмо пришло в следующий раз. Вы раз желали иметь что-нибудь, писанное покойной Натальей Александровной; перебирая письмеца моего незабвенного глухонемого Коли Герцена, я нашла маленькую приписку Нат(альи) Ал(ександровны) ко мне в Париж в начале моего замужества и строчки две самого Г(ерце)на. Это было писано в 1851 году, когда Луиза Ивановна приехала с Колей и его учителем ко мне в Париж². На возвратном пути эти последние погибли, а в мае 1852 г. Нат(альи) Ал(ександровна) скончалась. Если вы желаете, я могу прислать вам этот листочек, после меня он все равно потеряется, дома беречь не имеет смысла, стоя на пороге ухода из жизни. Есть еще письмо Михайла Семеновича Щепкина ко мне, после его отъезда из Парижа, где он несколько времени у меня останавливался³.

Как ваше здоровье и Анны Степановны? Не знаю, как у вас, у нас после солнечных весенних дней пришла холодная полоса, и надобно было опять приняться за топку. На горах, и даже довольно спускаясь вниз, выпало много снега, даже наш Гуртен был одно утро покрыт снегом. Этот внезапный переход нехорошо действует на организм. Мой сын нажил себе сильный катар. Я немного выхожу, но только на короткие расстояния, на длинные недостает сил. Внук мой все еще не совсем здоров, вот уже более двух месяцев со времени заболевания, но как только пробовал вставать, являлась лихорадка. Последнее время он должен был оставаться в постели по совету доктора, чтоб восстановить настоящую температуру. Я еще не могу совсем быть спокойной. Пробовала сама съездить на день в Лангенталь, но так утомилась, что от дальнейших путешествий пока отказываюсь.

Таня в письме Ог(арева) – это Татьяна Петровна Пассек.

3 апреля.

Это письмо было уже запечатано, когда пришло ваше. Я рада, что еще не отправили и могу вам на некоторые вопросы ответ держать. Генерал Ераков это не личность, а символическое выражение. Юлия Карловна это сестра m-me Корш Софьи Карловны, тогда еще незамужняя, хорошенькая собой девушка, которой эти господа куры строили⁴. Хорошенькое личико всегда привлекает.

Засядко был молодой человек, которого Г(ерце)н отличал и принимал в последнее время перед отъездом. Засядко провожал с другими друзьями до Черной Грязи. Не в долгом времени после он умер. Об остальных не могу дать вам ответа – или не помню или совсем не знаю. Катарашка не Кондрашка ли? Если последнее, то “Кондрашка хватит” – опасность удара; конечно, это употреблялось в шутку. Против красавицы вы поставили иероглиф, которого не пойму. Я напишу в Лозанну, может быть там будут знать. Когда Г(ерцен) жил в доме Гагариной? После их приезда из Новгорода, когда родился четвертый ребенок, который так же скоро умер, как два предшествовавших⁵. Следующий, пятый, ребенок родился в конце декабря 1843 г. Это был Коля, который впоследствии оказался глухонемым. Старший из всех, лозаннский профессор, родился в 1839 г. Коля родился уже в так называемом Тучковом доме, который Иван Алексеевич купил после смерти генерала Тучкова, однофамильца Ог(арев)ой.

В мое последнее короткое пребывание в Москве я посетила большой дом, в котором провела несколько лет, и так была заполнена воспоминаниями, что забыла взглянуть на Тучков дом, который стоял возле. В этот, т.е. большой дом, перешли Г(ерце)ны после смерти Ивана Алексеевича и прожили месяцев восемь до отъезда за границу. Этот дом стоит на углу Гагаринского переулка и Старой Конюшенной⁶. В мое время была большая терраса во всю длину дома, теперь она, вероятно, составляет часть комнат. Несмотря на эту перемену, я дом тотчас узнала, не помню теперь имени переулка, который ведет с Арбата прямо в ворота⁷, и я уже с Арбата узнала дом. Могла только погулять в большом саду, который мало переменился, хозяев не было дома, и я не могла быть внутри. Забыла и об старом доме осведомиться, где жила моя мать и я некоторое время. Он стоял совсем во дворе, воротами во Власьевский переулок⁸. Дворами оба дома сообщались.

Письма Г(ерце)на к Ог(аре)ву даны m-me Пассек самим Огаревым. Кто дал письма Нат(альи) Александровны в печать, недоумеваю, но, вероятно, ваше предположение верно⁹. Кто дал Милюкову из Дневника, что в “Рус(ских) вед(омостях)” напечатано было?¹⁰ Я недавно перечитывала эту потрясающую драму, которую наскоро перевела на немецкий. Вероятно, тоже Ог(аре)ва – ни от кого кроме он не мог получить, хотя и этому трудно верить, дневник, вероятно, остался в руках сына¹¹. Теперь насчет отношения Г(ерце)на к Ог(аре)вой надобно ему самому оставить слово, он, вероятно, будет сам говорить о нем в ненапечатанной части Дневника. Он обязан отвечать не только самому себе, но и потомству. Ужасно горько думать, зачем все это так было. Из вашего письма вижу, что я не все читала, что было напечатано в “Русской ст(арине)”, и вашей статьи о Вятке тоже не видала¹². Обнимаю вас и Анну Степановну.

Ваша М. Р е й х е л ь

От сына из Америки уже не раз имела известия.

¹ Имеется в виду писатель Л.Н. Андреев.

² См. XXIV, 201. – Учитель – Й. Шпильман.

³ Письмо М.С. Щепкина к Рейхель из Петербурга от 7/29 октября 1853 г. напечатано в “Голосе минувшего”, 1913, № 8, с. 216.

⁴ О Софье Карловне Корш (урожденной Рейссиг) см. выше в письмах Н.А. Тучковой к Н.А. Герцен.

⁵ В доме Е.С. Гагариной в М. Власьевском пер. в Москве Герцен с семьей поселился в июле 1842 г.; 30 ноября родился и 5 декабря умер его сын Иван. См. ниже в этой книге статью “Герцен в Москве”.

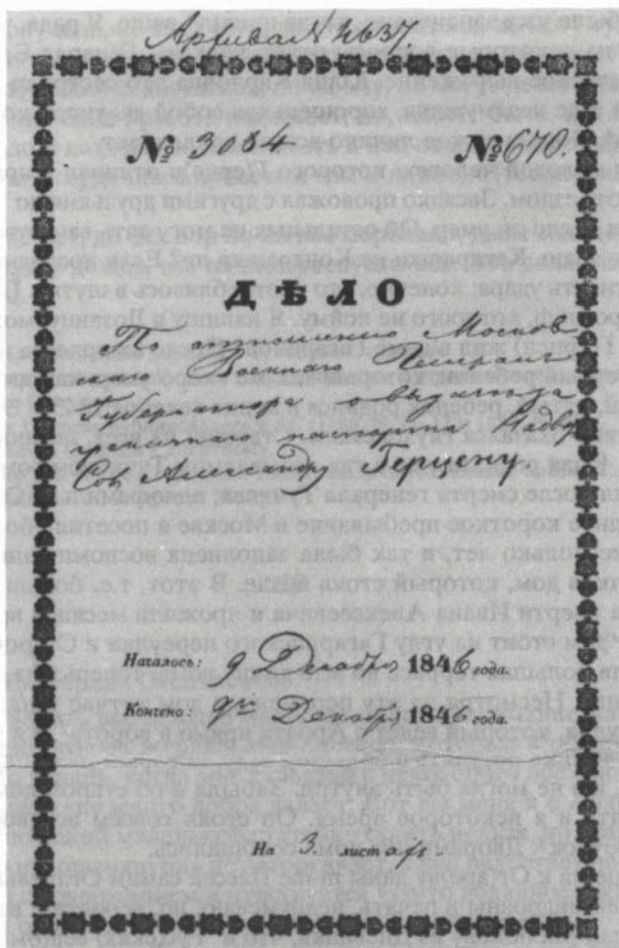
⁶ Ошибка: этот дом стоит на углу М. Власьевского пер. (ныне ул. Танеевых) и Сивцева Вражка.

⁷ Колошин переулок.

⁸ Этот дом не сохранился.

⁹ Письма Некрасовой неизвестны, и по этой причине не удается установить, кого она имела в виду.

¹⁰ См. работу П.Н. Милюкова “Любовь у идеалистов тридцатых годов” в “Русских ведомостях”, 1896, № 276, 282, 289, 305, 335, 345.

ДЕЛО "ПО ОТНОШЕНИЮ МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО
ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА
О ВЫДАЧЕ ЗАГРАНИЧНОГО ПАСПОРТА
НАДВОР(НОМУ) СОВ(ЕТНИКУ) АЛЕКСАНДРУ ГЕРЦЕНУ"

Обложка. 9 декабря 1846 г.

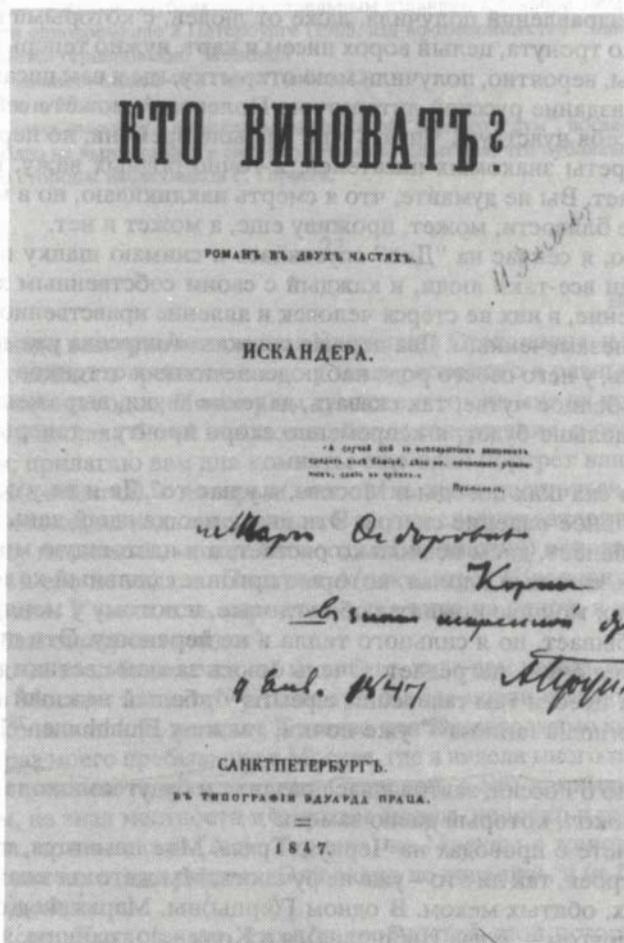
Центральный исторический архив г. Москвы

¹¹ Дневник Герцена 1842–1845 г. (II, 201–323) был впервые напечатан Г.Н. Вырубовым в т. I женевского Собрания сочинений Герцена в 1875 г. Рукопись его хранилась у редактора и поступила в ИРЛИ только в 1913 г.

¹² Статья Некрасовой "Герцен в Вятке" была напечатана в сборнике "Почин", вып. 1. М., 1895.

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Как вы меня огорчили известием о болезни Анны Степановны и вашего собственного нездоровья и в то же время тронули вашим теплым чувством ко мне. Спасибо вам, я умею ценить это, ах, если б у меня была возможность доставить вам здоровье, в сильном желании недостатка нет, но что наши желания? Желаете и в то же время чувствуете, что бессилён привести в исполнение; я только знаю, что полно вам сочувствую.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА М.Ф. КОРШ
НА ПЕРВОМ ИЗДАНИИ РОМАНА "КТО ВИНОВАТЪ?"

"Марии Федоровне Корш в знак искренней дружбы) 9 Января 1847 А. Герцен"
Российская государственная библиотека, Москва

Ваше письмо пришло как раз после отъезда Таты, она была так мила, что приезжала из Лозанны к моему рожденью на несколько часов. Это все равно не удалось бы поговорить с нею о занимающих нас с вами интересах. Но когда их лозанские празднества кончатся¹, я буду писать и спрошу, какие отношения обоих друзей были после. Прилагаю вам последнее письмо От(арева), из которого увидите, что он сильно чувствовал горе².

Вскоре после вашего письма пришли и книги; как вы меня балуете и как вы милы, слов нет довольно поблагодарить. Прелестные карты меня сильно радуют, и та, на которой лес Шишкина, — особенно; наконец-то хоть одного русского художника я имею в руках.

Очень хорошенький пейзаж прислал мне старший сын А.А. Герцена из Италии, на такой же серой бумаге. Он жил мальчиком некоторое время у нас, а теперь в Италии forestier'ом^{25*} 3.

^{25*} лесничим (франц.).

Я столько поздравлений получила, даже от людей, с которыми не переписываюсь, что я глубоко тронута, целый ворох писем и карт, нужно теперь на все отвечать и благодарить. Вы, вероятно, получили мою открытку, где я вам писала, что сын мой подарил мне все издание русской литературы Полевого⁴, можете себе представить, какой богатой я себя чувствую. Читать еще не было времени, но пересматривая иллюстрации, портреты знакомых писателей, я точно родных вижу, и такое родное чувство охватывает. Вы не думайте, что я смерть накликаю, но в мои лета нельзя не чувствовать ее близости; может, проживу еще, а может и нет.

Ну-с, конечно, я сейчас на "Дно" спустилась и снимаю шапку перед Горьким⁵. Эти бывшие люди все-таки люди, и каждый с своим собственным характером, несмотря на их падение, в них не стерся человек и явление нравственного начала – Луки – не осталось незамеченным. Два первые рассказа Андреева уже прочла, они мне по душе пришлись, у него своего рода наблюдение тонких оттенков очень грустных. Это какое-то особенное чутье, так сказать, далекие звуки, выражение русской грусти. Увижу, что дальше будет, я непременно скоро прочту – теперь надобно очень делить время.

Вы пишете о скачках погоды в Москве, а у нас-то? Да и не у одних нас, везде, даже на Юге, сильное падение снегов. Эти дни у нас каждый день продолжительный снег, все побелеет, днем несколько растает, а в настоящую минуту, когда пишу, падают опять сильные клочья, которые погоняет сильный холодный ветер. Я тепло, как зимою; мои две комнаты обе угловые, и потому у меня никогда настоящего тепла не бывает, но я сильного тепла и не переношу. Эти дни и солнца мало, а то оно у меня очень нагревает. Очень боюсь за мои цветики в саду у сына, у меня уже начали цвести там *gaulthier alpestris*^{26*}, белый нежный цветок, настоящий горный. У *primula farinosa*^{27*} уже почки, также у *Fluhblumen*^{28*}, это аурикулы разных цветов.

Пишу и думаю о России, завтра у вас праздник и будут колокола звонить, и помнится другой колокол, который давно замолк⁶.

Вы спрашиваете о проводах на Черную Грязь. Мне помнится, что было провожающих девять троек, так ли это – уже не ручаюсь. Мы же, отъезжающие, ехали потом в двух возках, обитых мехом. В одном Герцыны, Марья Фед(оровна) Корш и Саша с Татой, в другом – Луиза Ив(ановна), я и Коля – до границы, вероятно, и бывшая кормилица, потом няня Таты с нами. А, может быть, и в другом возке, не помню. Уезжали 19-го января по старому стилю 1847 г. Из провожавших тоже всех не помню, были Грановские, Корши, вероятно, и Софья Карловна, Мельгуновы, Засядка, Юлия Богдановна, тогда еще Мюльгаузен. Последнюю я спрошу о всех, у нее такая отличная память. Сатин тоже провожал, тогда еще неженатый. Если Юл(ия) Богд(ановна) вспомнит больше, сообщу вам. Разумеется, что моя мать тоже провожала.

Прилагаю и письмо Щепкина с лоскуточком строчек (их два) Нат(альи) Александр(овны) и его самого. Сегодня другого листа не беру, ради вложенных. Фотографию получила тоже, какая это комната?⁷ Герцен хорош. Гранов(ского) узнала, другие бюсты мне незнакомы. У меня бюст Гран(овского) есть. Чей женский бюст? Я не знала, что Дневник напечатан⁸. Это я все у Таты спрошу. Ну а пятый том⁹ – вероятно, в нем будет то, о чем я думаю. О всем спрошу. Дайте обнять вас обеих. Ва-ша М. Р е й х е л ь.

¹ Вероятно, речь идет о каких-то городских торжествах.

² О каком письме Огарева идет речь, неясно.

³ Туте (Александр) – внебрачный сын А.А. Герцена.

⁴ По-видимому, "История русской словесности с древнейших времен до наших дней" П.Н. Полевого в 3-х томах, 12-ти выпусках, с иллюстрациями (СПб., 1900).

^{26*} альпийские лютики (лат.).

^{27*} первоцвета муцистого (итал.).

^{28*} летучего цвета (нем.).

⁵ Пьеса “На дне” впервые опубликована отдельным изданием в декабре 1902 г. в Мюнхене (на русском языке) и почти одновременно в Петербурге (1903, изд-во товарищества “Знание”).

⁶ Подразумевается герценовский “Колокол”.

⁷ Речь идет о “комнате людей 40-х годов” (см. п. 22).

⁸ См. прим. 11 к п. 20.

⁹ Пятый том. Здесь имеются в виду главы части пятой “Былого и дум”, посвященные семейной драме Герцена. Они долго не выпускались в свет его детьми из опасения, что публикация может вызвать ответные действия со стороны наследников Г. Гервега.

22

23/10 мая (1903 г.).
Берн. Marzistrasse, 22-b

На многое надо вам ответить, милая Екатерина Степановна, и нужно бы для этого несколько покойного времени, а оно у меня расколото в разные стороны. Начну с комнаты сороковых годов. Почему вы думаете, что она мне не нравится, я ее очень ценю, и берегу, и желала бы ей как можно более содержания, и чтоб не остаться при одном желании, прилагаю вам для комнаты еще один портрет нашего незабвенного А(лександра) И(вановича), с которым мне очень жаль расстаться, я его очень люблю, и он очень похож, но ведь я не вечная, и ему не следует затеряться. Бюсты в комнате я не нахожу похожими, может быть один Бел(инский) похож, когда он был моложе, но таким я его не видала. Портрет А(лександра) И(вановича) похож, особенно один в профиль. У меня есть карточка – два лица на одной, я вам и его пришлю, когда первый благополучно дойдет¹.

Мне ужасно за вас обидно, что вы не знаете, куда вам уехать на лето, неужели не найдется около Москвы никакого уголка, где бы вы могли пользоваться воздухом, – напр(имер), Сокольники или, не знаю, Кунцево или Кусково, мимо которого я проезжала в последний раз моего пребывания в Москве, где я видела много маленьких домиков.

Что вы не принимаете предложения Огаревой, я это понимаю, поехать с большим человеком, не зная местности и к чужим людям, неловко и рискованно. В Лозанне теперь гости, приехал сын (А.А. Герцена) из Москвы с женою², а последняя из Кишинева, где она посетила родных. Они давно не видались, и не будет недостатка в взаимных сообщениях.

Теперь о Коле. Представьте, что я подробностей этой истории уже не помню, только, мне кажется, “National” пересолил³. Французы, по крайней мере тогдашние, так мало знали, что у других делается. Вы называете Швейцарию свободной, тогда она еще менее свободной была, нежели теперь, да и теперь один в поле не воин, потом подумайте, какое тогда было время после всеобщей политической лихорадки. Швейцария – маленький кусочек, а кругом все большие, ей было очень нужно быть осторожной. Рефюжье^{29*} было в ней немало, а наше, т.е. Луизы Ив(ановны) и мое, цюрихское пребывание обращало на себя внимание как иностранок⁴. Многие из вышеупомянутых бывали у нас, и хотя мы были только зрительницами, уже одно это противуречило принятым понятиям. Я нисколько не противуречу узости этих понятий, но этому надобно противопоставить боязнь самосохранения кусочка. Если б вы знали, какой строгий регимент держали незадолго патриции, да они и теперь держатся в стороне и на нас смотрят свысока.

На меня нашел последнее время столбняк, и я долго ни строчки не писала. Вы советуете не смущаться, а я перед силой *того* слова, не могу не чувствовать своей немощи. Я теперь перечитываю из “Б(ылого) и д(ум)” с высоким наслаждением. Какой необыкновенный талант, да что талант, это гениально. Я все-таки буду продолжать, когда буду чувствовать себя лучше. Мое нездоровье, чтоб вы знали, какое оно, это катар de la vessie^{30*}, и оно очень неприятным образом напоминает о себе. Горячие сидячие ванны сначала действовали хорошо, силы немного поднялись, а то ни за что не хотелось взяться, ко всякому движению, к всякой работе нужно было прину-

^{29*} беженцев (франц. réfugiés).

^{30*} мочевого пузыря (франц.).

ждать себя. Теперь нападки опять повторились, а мой доктор, сын профессора, уехал на лето как Kugartz^{31*} – я ему писала.

Юлия Богдан(овна) Шумахер еще менее моего помнит, кто на Черную Грязь провозжал, но на некоторые другие вопросы она ответила. Никол(ая) Карлов(ича) Вейт она не знает. Василий Романов(ич) (я не помню, что на вашем листке было это имя) был тогда женихом Юлии Карловны⁵. Красавица К. была жена профессора Крылова, звали ее Любовь Федоровна, и у нее, действительно, были чудесные глаза.

Я еще вам не сказала дальше о рассказах Андреева. Нет, это что-то болезненное, натянутое, просто за душу тянет. Последнего рассказа еще не читала. У меня теперь так много чтения, а глаз не больше; один знакомый принес Лескова, потом моя “Русская словесность”⁶. Жизнь – это высокий идеал и в то же время отрицание жизни. Зато я порадовалась, какой здоровый оценоч у Тол(стого) о некоторых литературных произведениях, тут слышен живой человек и удивительный человек.

Я знаю, что Лавра – монастырь, но именно слово “лавра” мне кажется не русским и не славянским. Может быть, это будет объяснено в “Русской словесности”, но я еще до сих пор этого названия не встречала. Я подвигаюсь медленно и нахожусь только во втором выпуске. За карточку Репина и за другую русских авторов очень благодарю. Горького уже знаю, о Шаялине и его чудесном голосе слышала, у него приятное, открытое лицо. Андреев красив, но немного рпсэ^{32*}. Из других мне неизвестных мне понравился Чириков – вот он, кажется, что-нибудь скажет и рассмешит. А я смею ценю, хотя, увы, теперь так редко приходится смеяться. Все это у меня хранится вместе, и чувствуется, и время от времени пересматривается.

Внучек мой был очень плох и все еще в постели, но по-немножку, медленно идет лучше. Я знаю, какая это коварная болезнь. Рейхель был ею болен в Дрездене, и болезнь и выздоровление взяли более году времени. Надобно за грудь у юноши опасаться, чтоб не осталось непоправимых следов; он страшно изнурен. Я раз на день ездила, видела его, он ужасно худ, бледен, и так за него страшно.

У нас, наконец, тепло недавно стало и чувствуется желание устранить теплую одежду. С ужасной быстротою все распустилось, и мой балкон уже уставлен растениями. Ах, если б опять немного ног завоевать.

Об Мейзенбург я вырезку из газеты⁷ получила от М.Е. Корш. Видите, какая она даровитая и выдающаяся была. Я ее очень мало лично знала и, совестно сказать, даже не читала. А теперь прощайте, обрадуйте меня известием, что вы нашли, куда ехать на лето. Обнимаю вас и сестрицу. Ваша М. Р е й х е л ь.

Давно хотела вас спросить, знаете ли вы “Прерванные рассказы” Искандера? Эту книгу он посвятил мне, и при книге очень хороший портрет. Мне хочется написать вам посвящение:

“Марии Р.....

...Итак вы думаете, что все-таки печатать, несмотря на то, что одна повесть едва начата, а другая не кончена... Оно в самом деле лучше, ненапечатанная рукопись мешает, это что-то неудавшееся, слабое, письмо, не дошедшее по адресу, звук, не дошедший ни до чьего слуха.

Позвольте же вам и посвятить эти поблекшие листья, захваченные на полдороге суровыми утренниками. Нового вы в них не найдете ничего; все вам знакомо в них – и оригиналы бледных копий, и молодой смех былого времени, и грусть настоящего, и даже то, что пропущено между строк.

Примите же их, как принимают старых друзей после долгой разлуки, не замечая их недостатков, не подвергая их слишком строгому суду.

Лондон, 31 декабря 1853^{8*}.

При этой книге портрет больше обыкновенных карт, лицо очень сурьезное, грустное.

^{31*} лечащий врач (нем.).

^{32*} чопорен (франц.).

¹ См. воспроизведение этой фотографии в “Лит. наследстве”, т. 64, с. 651; ЛЖГ IV, вклейка.

² Внук Герцена, профессор медицины П.А. Герцен и его жена Елена, урожденная Зоти.

³ В парижской газете “National” от 21 февраля 1850 г. была напечатана заметка о преследованиях глухонемого Коли Герцена цюрихскими властями. См. об этом в “Былом и думах” (X, 160–162), а также XXX, 493–494.

⁴ В 1849 г. Рейхель вместе с матерью Герцена поселилась в Цюрихе, где в школе для глухонемых детей обучался Коля.

⁵ Юлия Карловна – сестра жены Е.Ф. Корша.

⁶ Имеется в виду указанная выше книга П.Н. Полевого.

⁷ Один из некрологов М. Мейзенбург в связи с ее кончиной 26 апреля 1903 г.

⁸ См. XII, 133.

14/1 сентября 03.

Bern. Marzistrasse, 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Пора, наконец, сказать вам, что я не только получила, но и прочитала “Воспоминания” Огар(ево)й-Туч(ковой)¹. Если вас они так интересуют, то вы можете себе представить, с каким интересом я их читала. Хотя я не жила вблизи Г(ерцена), но мне там много знакомого, личности, иные только по имени, события. Получая аккуратно “Колокол”, я была au courant^{33*}. Потом сам Г(ерцен) довольно часто сам сообщал. Все это в “Воспоминаниях” и о самой личности Г(ерцена) очень ценный материал, и тем более, что до сих пор так мало было печатной речи в России о такой необыкновенно замечательной личности. Кому и можно более рассказать столько как не Огар(ево)й, стоявшей к нему так близко, и надобно отдать ей справедливость, что она рельефно пишет. Мне очень жаль слышать, что она попала с изданием в дурные руки². Я буду еще перечитывать, в Лангентале читала только урывками. Есть вещи, которые мешают, не все ясно и, так сказать, прозрачно, – вы поймете, о чем я говорю, и говорю это только для вас. Если подумаешь, что целое поколение прошло после смерти Г(ерцена), будет ли это теперешнее так им интересоваться? Все-таки я уверена, что книга Ог(арево)й будет читаться. Из его современников едва ли кто еще есть, Г(ерце)ну было бы теперь за 90 лет. Не знаю, знают ли в Лозанне³ воспоминания. Н.А. Г(ерцен) путешествует в настоящее время в Германии, она поехала повидаться с племянницей, профессоршей Ерман в Мюнстер (?) На днях я получила от нее карту из Нюрнберга.

Мне на многое надо отвечать в ваших письмах; во-первых, меня очень интересовало то, что вы пишете о Урюпинской, я не имела понятия о казацкой жизни и порядках, восхищаться трудно. Одной дешевой визной удовлетвориться нельзя.

Об медали я не имею никаких сведений, но если она уже есть в комнате 40-х годов, то понятно, что сын желает владеть ею, пока жив⁴. Его нельзя назвать частным лицом, как выразился г-н Эльвениц. Если мне удастся видаться с Н.А. Г(ерцен), я переговорю с ней, но я мало на свидание надеюсь. И об дублетах спрошу; может быть, не было оказии. Вот сейчас вижу приписку на стороне вашего письма, чтоб я об этом не говорила с Г(ерцены)ми. Значит, надо вас слушаться.

Я ездила во второй раз недели на три в Лангенталь, пробуду до конца этого месяца здесь, и если будет во мне там надобность, то поеду опять туда. Меня неохотно пустили, хотя я никакой существенной помощи не приношу, разве только дать матери больного возможность подышать воздухом. Больному в целом лучше, хотя беспокоящие симптомы не совсем перестали. Скверно, что после теплых, даже жарких дней начала здешнего сентября, погода вдруг повернула на холод и дождь, вчера и сегодня целый день шел последний не переставая; может, и теперь идет, на дворе ночь.

Я думаю, что наше нынешнее лето не было бы благоприятным для Анны Степановны, у нас его совсем не было, мало тепла и ужасно много сырой погоды. Как-то вам придется испытать Бородинское пребывание, если начало было малоблагоприятно. Легенда, вами рассказанная, очень интересна; уже читая “Воспоминания”, я поняла, почему вы в Бород(инский) монаст(ырь) поехали⁵.

^{33*} в курсе (франц.).

Вы спрашиваете, читала ли я Чехова; некоторые вещи знаю, из небольших, и ценю его. Теперь имею случай знакомиться с Лесковым, которого совсем не знала и читала некоторые его рассказы с удовольствием; он так метко рисует русские нравы и их особенности, граничащие иногда с дикостью; надеюсь, теперь уже более в прошлом, так как и он сам уже прошлое. Только мне очень надо сдерживаться в чтении ради глаз, которые сильно устают. Портрет Короленко получила и вчера “Курьер” о Тургеневе. Я не могу сказать, чтобы эти статьи в прозе мне очень нравились, а тут еще так много мистического.

Вы спрашиваете, подвигается ли мое писанье – очень давно оно лежит без продолжения. У меня нет доверия к себе самой да и материал мой, мне кажется, не может быть интересным. Может быть, одно то, что я набросала из жизни в Москве в доме Ивана Алексеевича Яковлева, об нем самом и матери А(лександра) И(вановича), о которой Н.А. О(гарева) едва-едва упоминает.

Она, т.е. Н(атаалья) А(лексеевна), вообще очень аристократична. Потом о тех, кого знала из кружка Г(ерцена), мужчин и женщин, Грановских, Коршей, Н.А. Г(ерцен) и об том влиянии, которое оно на меня имело и дало направление моим взглядам и жизни. Я дошла до итальянского пребывания и тут остановилась. Может быть, если б я только этим одним могла заняться, что-нибудь (бы) и вышло, но у меня есть другие нужные занятия, время очень делится и не довольно устойчиво для одного занятия. Потом старость, старость, плохая память и совсем другая обстановка. После моего замужества я только иногда на короткое время видела Герцена, а во время десятилетнего пребывания в Дрездене ни разу. Зато, когда мы перебрались в Швейцарию, он был в Женеве и тотчас приехал к нам. В “Воспоминаниях” очень тяжелое впечатление делают беспрестанные разъезды, где он искал постоянного места для пребывания и уже с тяжелым недугом.

Вы еще упоминаете или, лучше сказать, намекаете, что я могла бы заработать и иметь более возможности удовлетворять некоторым вкусам. Нет, чтоб брать, надобно за это дать, а у меня последнего: первой, другой объелся... знаете ли, это сибирская поговорка. Вы мне тоже сибирское слово напоминаете, называя вашу квартиру *вышкой*; насколько помню, так зовут в Сибири чердак.

На сегодня прощайте. Завтра буду продолжать.

15-го. Вы пишете, что желудок Анны Степановны плохо переваривает – жена доктора в Лангентале, того самого, который лечит Ганса, лежала 14 месяцев в постели. Она уже прежде много страдала желудком и потом слегла, исхудала до скелетства, и никто не надеялся из всех, которые ее посещали, что выздоровление возможно; но это чудо свершилось, понемногу начали сажать ее в кресло, и т.д. Теперь она встает и не только самостоятельно двигается, но каждый день ездит к сестре сидеть в саду. Все время болезни до сих пор она никакой другой пищи не принимает, кроме молока, иногда немного овощей из легких сортов. Молоко пьет часто. Если А(нна) С(тепановна) другой пищи не переносит, надо оставаться при молоке, при его единственном и частом употреблении. Докторша употребляла иногда апельсины. Молоко чрезвычайно питательно, если оно даже и единственная пища.

У нас и сегодня дождь и холод, не хочется топить начинать, вероятно, надо будет садиться.

Вечером или, лучше сказать, около вечера был у меня мой единственный посетитель, русский швейцарец, как я его называю. Он долго жил в России и хорошо говорит по-русски, и он для меня единственная оказия говорить по-русски. Он любит Россию и сообщает мне, что об ней узнает из газет или личных свиданий с русскими, которые тут проезжают и с которыми он был знаком. Как волка ни корми, он все в лес глядит, так и я, проживши более пятидесяти лет за границей, так же люблю Россию и так же мне все близко к сердцу, что до нее касается, и поневоле болит иногда это старое сердце. Вот и вы, милая Екатерина Степановна, так много утепляетесь моими вашими сообщениями, и я не могу довольно благодарить вас.

В “Воспоминаниях” говорится о 3-м томе записок Т.П. Пассек⁶. Мне надо справиться в Лозанне; вероятно, там есть – я об этом томе не имею понятия.

Вы спрашиваете меня о той моей внучке, которая уехала в Лозанну, это семнадцатилетняя дочь моего сына Александра, или Алекса, как его здесь называют, и который здесь профессором частью и в то же время chef^{34*} отделения für die Rechtspflege und Gesetzgebung^{35*} в Министерстве юстиции. Молодая девушка в Лозанне в пансионе, откуда она будет посещать école supérieure^{36*}. В этом пансионе она будет пользоваться и английским языком, которому она уже и здесь училась и понимает, читая, но еще не достигает легкости разговора. Стоить это будет более тысячи франков один пансион. Когда Тата Г(ерцен) воротится, она будет по возможности видаться с Мими. Они далеко друг от друга живут. Летом гостила у меня другая внучка, 22-х лет, из Гамбурга, дочь моего пасынка⁷, очень милая девушка.

За что побранило "Новое время" "Воспоминания"? Не по нутру было не только вспоминать, но и признавать. Обнимаю вас и А.С.

Ваша М. Рейхель

¹ "Воспоминания" изданы отдельной книгой в Москве в мае 1903 г.

² В письме от 24 июня 1903 г. Тучкова-Огарева жаловалась Некрасовой на издателей Сабашниковых и М.О. Гершензона, готовившего ее "Воспоминания" к печати (см. "Лит. наследство", т. 96, с. 595, а также с. 275 наст. книги).

³ Имеются в виду сын Герцена Александр и дочь Наталья.

⁴ Памятная медаль к десятилетию деятельности Вольной русской типографии в Лондоне поступила в ГАРФ, а оттуда в РГАЛИ вместе с другими материалами "пражской коллекции" (см. "Лит. наследство", т. 63, с. 789).

⁵ В воспоминаниях Тучковой-Огаревой упоминается Спасо-Бородинский монастырь, основанный вдовой А.А. Тучкова (дяди мемуаристки), погибшего в Бородинском сражении. Лето 1903 г. Некрасова провела в Бородине.

⁶ Третий том "Из дальних лет" Т.П. Пассек вышел в Петербурге в 1889 г.

⁷ Сын А. Рейхеля от первого брака – Мориц Рейхель.

Наконец, принимаюсь отвечать вам, милая Екатерина Степановна, и постараюсь исполнить все обстоятельно по пунктам. Что до медали касается, я знаю только, что Лу(ги)нин – близкий человек семьи Г(ерцены)х и сам Г(ерце)н отличал его. Потом сын П(етр) А(лександрович)¹ пользовался в начале своего пребывания в России в имении Луг(инина) его гостеприимством. Я знаю это поверхностно, может быть А(лександр) А(лександрович) считал себя обязанным. Об дублетах напишу Н(аталье) А(лександровне) непременно и сообщу вам результат.

Вы мне слишком много доверяете в моих воспоминаниях, мне нужно бы было писать раньше, когда еще память была свежее, а теперь сколько разных черт улетучилось. Одна русская студентка уговаривала меня давно уже писать мои записки и, даже уехав в Россию, продолжала увещевать меня, да еще как лестно, вот ее слова:

"Вы так много чувствовали, думали, видели и слышали как, может, десятки людей вместе взятых. Вы можете теперь всецело отдаться прошлому, и надо бы вам попробовать этим заняться. Говорю вам все это, ибо на себе испытала нравственное влияние вашей личности. Я знаю, что это дело нелегкое, но как это важно, чтобы молодежь услышала, что живут еще люди, которые сумели прожить жизнь на высоте своих нравственных идеалов и вера в них, т.е. в идеалы, не исчерпалась невзгодами длинной жизни – много и очень много есть чему нужно у вас поучиться" и т.д.²

Эти строки меня очень тронули, но писать я не начала, мой муж был долго болен, годы, тут уж не до записок было. После его смерти я не вдруг нашлась, мы жили 45 лет вместе – и вдруг одиночество. Пока завязались нити и нашлись интересы, время шло и уходило. Потом я начала набрасывать, но между были длинные паузы, я и теперь не отказываюсь продолжать. Я знаю, что все сказанное о Г(ерцене) име-

^{34*} начальник (франц.).

^{35*} судопроизводства и законодательства (нем.).

^{36*} высшую школу (франц.).

ет интерес, но именно память несвежа, потом моя жизнь пошла другим руслом, я жила с немцами. Этим я не хочу сказать, чтоб моя русская внутренность затерлась, нет, то влияние, которое на меня подействовало, осталось для меня святым, нетронутым. Много было других интересов, которые были на другой почве, именно музыкальной.

Муж мой был настоящего музыкального закала, и я, хотя не особенно музыкально одаренная, научилась у него более понимать и ценить. Вся семья моего мужа была выше общего уровня, а сам он стоял головою выше как Künstler^{37*} (нет русского слова), как человек.

Ну вот обещалась отвечать вам по пунктам да и заболталась. Письма А(лександра) И(вановича) я сейчас отдала, давно уже, Н(аталье) А(лександровне). Я боялась, что, если умру, они пропадут, так как из моих никто не знает по-русски. Пожалуйста, не присылайте III-го тома Пассек, он мне не нужен.

А вот видите ли? чья память изменяет, моя или А(лександра) И(вановича), я всегда помнила, что наш отъезд из Москвы состоялся 19 января ст(арого) стиля, а он ставит его на 21-го. И в других пунктах мое *помнится* не всегда согласуется с его рассказами. Как же мне не бояться, что я навру?

Кто читал нам лекции? Никто другой, как сам милый Тимофей Николаевич Грановский; к сожалению, они недолго продолжались, наш отъезд положил им конец. Я потом каждый раз вечером записывала на память и, уезжая, оставила Т.А. Астраковой.

Юлия Карловна была сестра Софьи Карловны Корш, жены Евгения Федоровича Корш. Я забыла, какие они урожденные, и имя жениха Ю(лии) К(арловны), т.е. фамилию, не помню³. Ю(лия) К(арловна) первого мужа потеряла, вышла потом опять замуж. Все это я вам узнаю. Пожалуйста, не мучьтесь, что газету назад отправила, мне это никакого труда не стоило, я только завернула и поручила женщине бросить в ящик. Да если б и потрудились, беды в этом нет, ведь я не богдыхан. Вы гораздо более даете себе труда для меня.

Ваше сообщение в предпоследнем письме и фельетон я с надлежащим вниманием читала, и все, что в последнем говорится, очень справедливо⁴. Несчастное стечение обстоятельств, домашняя жизнь, деспотизм отца и жизнь в учебном заведении с другой перспективой прились клином и не позволили нормально развиваться. Только за что погибла мать, которая всегда старалась умиротворить и потакать дурным вкусам, может быть, последнее и было причиной. Мне кажется, что человек, совершающий преступление, не бывает в ту минуту нормален, точно перед ним задвигается сознание последствий. Впрочем, подобные вещи везде случаются. Вы правы, что страшно за людей в виду таких возможностей, а между тем одним наказанием не поправить и не устранить повторений. Благодаря многочисленным трудам знающих людей надобно сознаться, что прогресс есть, как ни тянут назад темные силы, тяготение к свету сильнее. Для жизни нет дороги вспять.

Я теперь понемногу иду вперед в истории русской литературы, и она чрезвычайно интересует меня. Какой гигант был Петр Первый, сколько краеугольных камней он заложил и каких людей произвела его эпоха. Уже один Ломоносов со своей необыкновенной и многосторонней ученостью, талантами и пламенным желанием толкать вперед. Кажется, самому делается теплее, читая о нем. А после Сумароков первый литератор *quand-même*^{38*}, даже на наши глаза смешной Третьяковский (!) – все они расчищали почву. Потом академик Мюллер⁵, собиратель драгоценных рукописей, историограф, проживший десять лет в Сибири для ее изучения. Как меня приятно задела все сибирские захолустья, которых имена мне еще знакомы, где он везд собирал рукописи, изучал нравы и местность. Даже есть его письмо из Тобольска, города, где я родилась, на немецком языке. Жду когда воротится Алекс, который в отсутствии, чтоб он мне прочитал, сама не разберу, писано оно в 1734 году. Алекс маракует в старых шрифтах.

^{37*} художник (нем.).

Что до Лескова касается, я тех вещей не знаю, о которых вы пишете, но к тем немногим, которые были в моих руках, мне нужно было понукать себя, а один рассказ с бесчисленным количеством глав: “Смех и горе” я было начала, но не могла продолжать.

А вот что чуть было не забыла, А(лександр) А(лександрович) прислал мне книгу “Осво(божде)ние”, где есть письма Н(атальи) А(лександровны) и А(лександра) И(вановича)⁶. Первые тяжелого содержания, другие очень печального. Я еще очень мало читала, я иногда просто в отчаянии, сколько работы для глаз и как ее осилить, а поступиться не хочется. Вот и теперь надо перестать.

У нас все еще тепло, сегодня был такой чудный закат солнца, запад, как в зареве; должно быть, на высотах вид был великолепный. Мы же живем в преисподней, на берегах Аары да и она съезжилась, хотя по ночам бывают дожди.

Если я что забыла, простите и повторите вопрос, сегодня не могу более. Обнимаю вас обеих. Ваша М. Р е й х е л ь.

¹ Сын А.А. Герцена.

² По предположению Л.Р. Ланского, здесь цитируется письмо Е.Ф. Литвиновой, автора “Нелегальной семьи” (см. выше, с. 554), т.к. в этих ее дневниковых записях встречаются схожие характеристики М.К. Рейхель, с которой она встречалась за границей в 1870-х годах.

³ См. п. 26.

⁴ О каком фелетоне идет речь, не выяснено.

⁵ Правильное написание – Мюллер Герард-Фридрих.

⁶ См. прим. 2 к п. 17.

Милая Екатерина Степановна!

Недаром мне чуялось, что у вас нехорошее случилось; какой испуг, могу себе представить, и особенно трудность помочь. Я бы не послушалась Анны Степановны и уже в первый раз послала бы за доктором. Всем сердцем желаю, чтоб опять повторилось, чтоб Анна Степановна могла укрепиться и сил набраться.

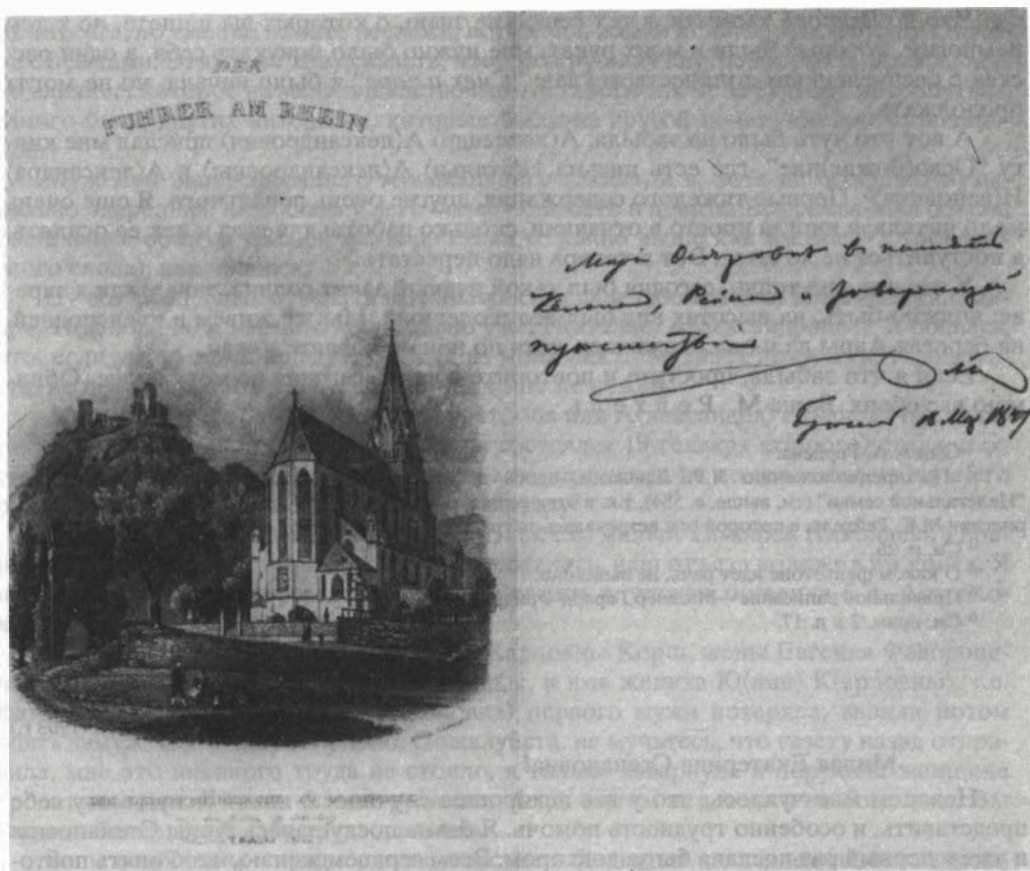
Хочу вам сейчас же ответить. То, что вы пишете о продаже картины, сделало мне тяжелое впечатление, но я тут стараюсь найти *circonstances atténuantes*^{38*}. Может быть, были затруднительные финансовые обстоятельства; такой большой семьей без больших средств трудно вывернуться, не одно воспитание, надобно потом помогать, на собственные ноги поставить, пока не было у сыновей достаточных средств устроиться¹. Я знаю, что одному сыну долго не везло². Я не знаю, продано ли что, это было бы мне очень жаль и очень грустно. Большой портрет А(лександра) И(вановича) масляными красками, писанный Ге, очень ценная и дорогая по своему значению вещь³. Не знаю, копия ли с нее или другие портреты находятся уже давно в России, все работы Ге. Портрет Нат(альи) Ал(ександровны) писан не Татой, если вы о том говорите, какой масляными красками писан. Тата еще не могла тогда рисовать, ей было только восемь лет при смерти матери. Но портрет, ею писанный, отца в профиль, очень хорош, и тот находится в ее спальней, значит, сохранен⁴. Остальное очень, очень грустно. Об дублетах я Н(атальи) А(лександровну) спрашивала, она ответила, что их у нее оказалось очень мало, но она теперь фотографии заказала, и, когда будут готовы, она пришлет их в музей.

И она уговаривает меня писать, и мой сын недавно опять заставлял продолжать. Я теперь опять работаю, но за раз не могу много писать, глаза очень устают. Вот вы хвалите мою память, а если вам когда-нибудь придется читать меня, вы увидите, какие скачки она делает, чтоб оставить пустое место.

Насчет “Ос(вобожде)ния”, может быть я могу прислать, когда все прочитаю, там есть надрывающие душу страницы А(лександра) И(вановича). Только очень

^{38*} несмотря ни на что (франц.).

^{39*} смягчающие вину обстоятельства (франц.).

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ ГЕРЦЕНА М.Ф. КОРШ НА КНИГЕ А. ВАЛЬДЕКА
 "ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО РЕЙНУ" (БОНН, 1844):

"Марии Федоровне в память Кёльна, Рейна и товарищей путешествия А.Г(ерцен). Брюссель 18 Мар(та) 1847"
 Российская государственная библиотека, Москва

скоро прочитать не могу. А(лександр) И(ванович) не только в числах нашего отъезда со мной расходится, но он и упущения делает, когда пишет, что его мать с Колей и Шпильманом уехала из Цюриха, а я-то? разве я не вместе ехала?

И ехал с нами еще один господин, с которым я бы никак не желала быть в обществе, а именно Гервег. Что до 19 или 21-го касается, это можно узнать в точности, есть, кажется, у Алекса такой календарь, в котором за много лет узнать можно, в какой день такое или такое число падает, если знать день. А мы уезжали в воскресенье⁵. Об письмах я напишу Тате, если они с нею, попрошу прислать мне. Не умею сказать вам, через какую заставу мы уезжали. Черная Грязь была первая станция по дороге в Тверь, большой тракт, мы Тверь проезжали. Об положении дома кн. Хованской тоже не могу вам разъяснить; если б у меня был план Москвы, я бы, может быть, еще нашлась, когда-то он и был у меня. Мы жили в Старой Конюшенной и, когда идти от нас на Поварскую, то дом угловой был на левой руке⁵. Вот все, что могу сказать. Об карточке Карла Фогта постараюсь еще напомнить, может быть из Женевы получить можно. Двойная А(лександра) И(вановича) будет вам, и дагерротип ниццкой пришлю. Памятник его в Ницце терпеть не могу, лицо какое-то verdiesslich^{40*}, чего у него никогда не было.

^{40*} угрюмое (нем.).

На этой неделе я ездила на день в Лангенталь, впечатление было тяжелое, наружность Ганса не обещает хорошего, встает он только часа на два, на три. Моральное настроение недурно, но худ он страшно. Я ничего не могу сделать, кроме того, чтоб проводить энергично мое мнение ради перемены воздуха. Доктор против того, чтоб его трогать, я этого не понимаю – или уже он так плох, что нельзя ничего предпринять? Бедная мать в тоске и беспокойстве, и уже видны на ней самой следы внутренней боли. Когда я дома и работаю, тогда еще ничего, а когда устанут глаза и надобно дать им отдохнуть, находит такая тоска, что не знаешь, куда деваться. Вы говорите об Нерви, но для этого нужны большие средства, которых недостает. Здесь больше за горный воздух.

На сегодня перестаю, уже поздно, а я еще немножко пациент. Съездивши в Лангенталь, я простудилась, и меня порядком прихватило *à la influenza*^{41*}, я ей сейчас хины в отпор. Погода самая подходящая к инфлюэнце, дождь день и ночь и тепленькая вероломная температура. Сегодня к вечеру, кажется, холод обещает, а это было бы лучше.

25-го. Victoria!^{42*} Мой сын отыскал в календаре день нашего отъезда, и на воскресенье падает 19-го генв(аря), а не 21-го. Приписываю только эти строки. Я только что воротилась от детей, и у меня в комнате свежевато, и надобно убираться в постель. Сегодня утром был порядочный иней и потом солнечный день. Чтоб не забыть – портрет Натальи Александровны, писанный масляными красками, сделан был еще в Москве живописцем Рейхелем, который был женат на дочери декабриста Юшневского. Где родился А(лександр) И(ванович), т.е. в каком доме, этого я уже не могу сказать ни о нем, ни об Н(аталье) А(лександровне). А теперь покойной ночи!

26-го. Вчера думала, что мне совсем хорошо, а ночью мучил кашель. “Стара, плофа”, как говаривал А(лександр) И(ванович). Посылаю вам двояшку, теперь не будет вам никаких, я все свои альбомы пограбила.

Ах, хоть и хочу писать, а посмотришь сколько на свете угнетающего происходит; все, что скажешь сам, кажется так малозначительным и как-то мало идет к настоящему. Ну, взялся за гуж, не говори, что не дюж. Ваша М.Р.

С письмами поступаю по вашему желанию.

Я сейчас пересмотрела гипсовые вещи, у меня не только рука, но и самой Н(атальи) А(лександровны) маска есть, которую надеюсь тоже переслать⁶.

¹ Речь идет о материальном положении сына Герцена – Александра Александровича. Ср. с. 320–324 наст. кн.

² Имеются в виду, вероятно, Тутс или Володя.

³ Известный портрет Герцена работы Н.Н. Ге (написанный художником для самого себя в 1867 г.), находится в Третьяковской галерее; в семье Герцена хранился второй экземпляр, сделанный для Герцена Ге, и копия с него, сделанная Татой.

⁴ См. репродукцию с этого портрета в “Лит. наследие”, т. 62 (фронтиспис).

⁵ Ср. ЛЖГ I, 380.

⁶ В этом не сохранившемся доме Н.А. Герцен жила у княгини М.А. Хованской в детстве и юности, до замужества.

⁷ См. прим. 4 к п. 17.

Письмо ваше получила и начну с ответом на ваши вопросы.

1. Через какие города мы проезжали? Помню Тверь, Псков, потом Ригу. В Петербург не заезжали, – и Тауруген¹.

2. Егор Иванович был, конечно, в числе провожатых, и моя мать.

3. Свербеевых не помню, чтоб провожали; наверное, нет.

4. Гер(це)н, насколько помню, музыке не учился², и думаю, что он не был от на-

^{41*} нечто вроде инфлюэнцы (франц. и итал.).

^{42*} Победа! (лат.).

туры музыкален, что под этим словом понимается. Зато Егор Иванович был горазд в музыке.

5. Засядка не был поверенным в делах Ивана Алексеевича и не имел с ним сношений. Поверенным по делам был чиновник Григорий Иванович Ключарев, честный, порядочный человек³. Засядка был еще очень молодой человек. Женихом Нат(альи) Ал(ександровны) он не был. Ключарев был некрасив собою и косил глазами. Иван Алекс(еевич) все уговаривал меня выйти за него замуж и хотел дать мне приданое. Ключ(арев) был уже в летах и вообще не обладал качествами, чтоб понравиться молодой девушке.

Вы пишете, что Н.А. О(гарева) заступает за крестьян, это должно само собою подразумеваться, если на это есть возможность. Она не изменила преданиям отца и последующей жизни. Мне вспоминается один случай еще при жизни Ив(ана) Ал(ексеевича), что и я вступилась за молодую крепостную горничную в присутствии Ивана Ал(ексеевича), которой домашний доктор не довольно уделял внимания, когда у ней начались ночные поты. Я ему так сильно выговаривала за его беспечность, что он обиделся и перестал ездить, чему весь дом порадовался. А Иван Алекс(еевич) мне никакого замечания не сделал.

Отчего Н.А. О(гарева), как вы пишете, живет бедно? Ведь у ней осталась земля, т.е. принадлежавшее ей по наследству имение отца⁴. А родные?⁵

Вот видите, как чествуют в России композитора Чайковского⁶, этому я радуюсь, хотя сама не восхищаюсь им. Его имя известно за границей, и его вещи исполняются. Что я его не понимаю, это, вероятно, моя вина, если тут вина есть, я никак не могу найтись в новом направлении музыки. Недавно соблазнил меня мой сын пойти с ним в наш театр слушать "Волшебную флейту" Моцарта. Это такая волшебная музыка, такое богатство содержания музыкального. Я много лет не слыхала ее и чуть не расплакалась от умиления.

Наш новый театр отделан прелестно, и декорации хоть куда. Нам нужно было идти пешком при скверной погоде, зато и устала я, и всю неделю сижу дома, потому что в такую погоду и носу высунуть нельзя. Неделю тому назад я провела несколько дней в Лангентале и воротилась с тяжелым сердцем. На выздоровление юноши нельзя надеяться, он хотя и встает на несколько часов, но очень слаб и в продолжении этих нескольких часов ложится на chaise longue⁴³ отдохнуть. Мать Ганса – мученица, она все делает, чем только может облегчить и утешить больного. К счастью, он не подозревает своего состояния, и надобно делать над собою усилия, чтоб не показать виду заботы и огорчения. Я боялась, что эта скверная погода ухудшит его состояние, но, по-видимому, он не чувствует себя хуже. Вчера и сегодня я получила от него две открытки, которые для меня, как реликвии. Вы поймете, что все мое теперешнее настроение смурное. Последнее, о чем я писала, были печальные события, катастрофа, смерть и опять смерть, я опять переживаю тогдашние ощущения, как будто это было недавно.

Почему я не хочу писать о романе Н(атальи) А(лександровны)? Я боюсь, что не могу говорить об этом довольно объективно. Как я впоследствии ни помирилась, нельзя же мне не прощать, когда он простил. Но все еще есть остаток *ressentiment*⁴⁴ за это непонятное увлечение, за грех против такого человека, такого мужа. Это психологическая задача. Я была свидетельницей многого, и вы поймете, как это меня грызло. У меня есть документ, который сам А(лександр) И(ванович) дал мне списать и беречь, где он пишет о том, когда узнал об этом несчастном заблуждении⁷. Я узнала, о чем прежде догадывалась, от других, и, по-видимому, что-то вкралось в моих письмах туда. А(лександр) И(ванович) догадался и писал уже открыто, это было после их примирения. Какой человек, что мог опять подать руку и сердце, мог спасти, а его мимолетное заблуждение она годы не могла переработать. Видите ли, когда вы меня все о Н(аталье) А(лександровне) спрашивали, я не могла прямо ответить, пото-

⁴³* шезлонг (франц.).

⁴⁴* злопамятства (франц.).

му что не знала, насколько вам самим обо всем известно было. Она была несчастная женщина, потеря многих детей, потом эта вспышка, которая грозила ей отдалить ее от оставшихся, и опять потеря, страшная, страшная болезнь ее, и конец она искупила страданиями! Я не могу избавиться от боли, зачем это было, зачем эти люди не были счастливы, когда так много задатков для обоюдного счастья было? У меня нет ненависти в характере, но Гервега я ненавидела. Я уже не любила его, когда он еще оставался у нас, т.е. у Луизы Ивановны, в Цюрихе, в нем было что-то *souffrais*^{45*}, не-прямое, подластивающееся. Это была змея подколодная.

Я еще не могу читать Чехова, хотя и пробовала, оставляю до пока буду спокойнее. Вы и другие правы, что никто так не пишет как Г(ерце)н, но разве много таких богатых натур, такого всеобъемлющего понимания и такого темперамента, остроумия, поэзии. Письма Луизы Ив(ановны) много в себе не заключают и писаны без орфографии. Она часто сообщала о их вседневной жизни, о наслаждении природой, но есть и о разрыве с Гerv(ег)ами. Но правды она, к счастью, не знала⁸.

20-го.

Это было писано вчера, сегодня получила письма Г(ерцена), пока еще не все. Они очень драгоценны, в них отражается Г(ерцен), как в зеркале. Вы говорите, что Ольга Александровна – дочь Гервега, я этого факта не признаю. Она очень похожа на бабушку, мать А(лександра) И(вановича).

21-го

Вчера не могла более писать, мне было не совсем по себе, а, главное, пришли письма Г(ерцена), и я принялась за просматривание их. Но еще они далеко не все, хотелось бы вам кое-что из них сообщить, но моя женщина кончила свою работу и уходит, она возьмет письмо с собою, чтоб бросить в ящик, сама еще боюсь выходить. Еще хочу ответить на ваши вопросы об m-me Корш (Софье Карловне). Она урожденная Рейссиг (Reissig). Юлия Карловна по первому мужу называлась Неймарк, а по второму Крюгер. Теперь, кажется, я на всё ответила, спрашивайте далее. А пока до будущего свидания на бумаге будемте переносить скверную погоду по силам, желаю вам и А(нне) С(тепановне) побольше последних. Теперь буду больше писать, благо надо сидеть дома. Обнимаю вас обоих. Ваша М. Р е й х е л ь

Газеты получила с портретами Брандукова и Чайковского. Первый теперь принужден еще пребывать здесь, жене его делали тяжелую операцию, и она еще не поправилась. Бранд(уков) мой старый знакомый, я его вижу редко, он почти не выходит.

¹ Герцены и их сопровождающие приехали в Тауроген 31 января/12 февраля 1847 г.

² Герцен в детстве некоторое время учился музыке у И.И. Экка (см. ЛЖГ I, 32).

³ Ключарев вел дела Герцена до и после его отъезда за границу.

⁴ О жизни Тучковой-Огаревой в деревне после возвращения в Россию см. выше, в ее письмах к Некрасовой.

⁵ Имеются в виду племянница Тучковой-Огаревой Н.Н. Сатина и ее родня.

⁶ В 1903 г. отмечалось десятилетие со дня смерти П.И. Чайковского.

⁷ Речь идет об увлечении Н.А. Герцен Г. Гервегом. Скорее всего, Рейхель сообщает Некрасовой о письме Герцена к Э. Гаугу от марта 1852 г. (см. XXIV, 242–259).

⁸ См. письма Л.И. Гааг к Рейхель в "Лит. наследство", т. 63, с. 393–409 (публикация Н.Д. Эфрос).

Можете читать это после или совсем не читать.

Милая Екатерина Степановна!

Часть писем Г(ерце)на, которые я получила, писаны ко мне в 51 и 52 годах. Я была подавлена вновь бездной страдания и несчастий, о которых идет речь. Я беру назад, что я называла в последнем письме *ressentiment*, я преклоняюсь перед этими

^{45*} притворное (франц.).

людьми, прошедшими через пытку и огонь страданий душевных и телесных; что Н(аталья) А(лександровна) из последних перенесла – почти невероятно, что это было возможно. Тогда я узнавала это не вдруг; теперь же, читая все зараз, я ужаснулась. Вы спрашиваете, читала ли я пятый том “Б(ылого) и д(ум)”, но для меня там ничего нового быть не может, я все знаю из писем Г(ерцена) ко мне. Он писал часто обо всем с полным доверием. Есть несколько строк карандашом от нее, где она говорит: “Твоя душа – мера в суде. Что до меня касается, несмотря каков он – до гроба та же к тебе”¹.

Вы иногда говорите, что я часто защищаю детей (Герцена) или не делаю того и сего из Bückling^{46*} к ним. Поймите, что дети Г(ерце)на мне дороги и близки, как мои собственные. Еще при жизни Н(атальи) А(лександровны) она и он совещались, куда с детьми в случае их смерти. Их мысли останавливались на Наталье Алексеевне и мне, но первая была далеко, я в Париже, значит, ближе, и не раз закликает Г(ерцен), чтоб мы не уезжали из Парижа, и прибавляет, шутя, что он нам своей визы не даст. Мы тогда думали не оставаться в Париже во время регимента^{47*} третьего Наполеона, где недоставало воздуху сколько-нибудь свободно дышать. Из этих писем Г(ерце)на нельзя передавать, т.е. выписывать, но они должны со временем сделаться достоянием архива, как Румянцевский музей, как источники для этой тяжелой эпохи жизни Г(ерцы)ных. Тот третий² – исчадие ада; когда его жертва ускользнула, он расктерзал ее преследованиями и клеветой. Да, вот какие люди бывают, лицо человека и душа злого духа. Когда-нибудь дойдет и до вас эта глубоко драматическая история, а может быть, что вы и теперь много знаете. Карл Фогт очень близко стоял к А(лександру) И(вановичу), особенно в это время, я непременно доберусь до его портрета и пришлю его для музея Р(умянцевского). Хотите ли я вам пришлю и мой портрет, рисованный Горбуновым³, он в один день нарисовал Нат(алью) А(лександровну), Марью Федоровну (Корш) и меня. В одном из писем Г(ерце)н называет меня последней могиканкой того круга⁴, и мне пришло в голову опять примкнуть к нему. Незадолго до смерти Нат(альи) Александровны Г(ерцен) просил меня приехать в Ниццу; уезжая после оттуда, я везла к себе Тату и Ольгу. Ольгу я мало знаю, тогда она была еще маленькая, позже редко случалось встречаться с нею. Но Тата всегда оставалась близкою и до сих пор. В ней более всех от отца, и вышла бы она замуж, у ней, верно, были бы дети отцовского наследия. Из молодого поколения я мало кого знаю.

Вчера и сегодня светит солнце и, наконец, отдыхаешь от этих бурных, мокрых дней.

3 декабря. Милая Екатерина Степановна! Начало этого письма было уже довольно давно написано, не хочу ни переписывать, ни переменять, а хочу сейчас ответить на ваше только что полученное письмо. Подлости и низости я никогда не могу извинять, а по вашему письму этой низости дал волю А(лександр) А(лександрович) своим неосторожным давaniem в грязные руки таких интимных писем, о которых вы пишете⁵. Позволите ли вы мне переговорить об этом с Нат(альей) Александровной? Этому, т.е. такому печатанию, по крайней мере в будущем, надо стараться поставить преграду. Ваше обвинение против А(лександра) А(лександровича) очень веско, я не могу принять его à la lettre^{48*} – была большая неосторожность отдавать малоизвестному лицу. Письмо Ог(арева) к Грановскому, где не только о Н.А. О(гаревой), но и о друзьях невыгодно говорится, очень важно, мало ли что можно сказать близкому человеку иногда, может быть, в излишнем возбуждении – но давать этому гласность, больше нежели неделикатно⁶. И потому надобно это разъяснить, другого средства я не вижу, как прямо спросить об этом, и потому я этот раз письма вашего не разорву. Я думаю, что мой голос будет иметь вес в семье Г(ерцены)х, дружба отца ко мне, а моя к нему уж и подавно обязывает меня относиться к ним прямо и откровенно. Да

46* угодливости (нем.).

47* правления (нем. Regiment).

48* буквально (франц.).

вы все в собирательном говорите: дети Г(ерце)на. Из них только один А(лександр) А(лександрович) является действующим лицом. Ольга, я думаю, тут не при чем, она, кажется, и по-русски мало знает. Муж ее прекрасный человек чисто благородного характера.

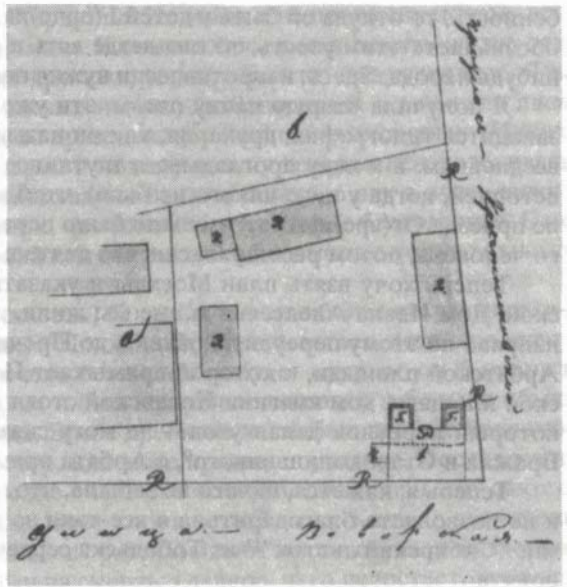
Что до Нат(альи) Александр(овны) касается, то я ручаюсь, что она не дала своего согласия давать того письма, где об обвинениях и подозрениях друзей на Н.А. О(гареву) говорится. Да и сами эти обвинения и подозрения кажутся мне призрачными. Я ничего достоверного об этом не знаю, слышала только, что встреча с Н(атальей) А(лексеевной) не была симпатична. Я перебирала теперь много писем Марьи Федоровны; в одном говорится, что после смерти Грановского Н(аталья) А(лексеевна) была менее раздражительна.

Об вашем письме не беспокоитесь, я его никому не покажу. Что Гер(шен)зон хочет печатать о нелегальности соединения Н(атальи) А(лексеевны) с Огар(евым), я могу только сказать на это, что он скот, и за то, что он камнем бросает, он заслуживает, чтоб и его забросали, и я уверена, что найдутся люди, которые это сделают. И в этой низости Г(ершен)зона никто из нас здесь не виноват. Насчет того, чтоб притянуть А(лександра) А(лександровича) к суду, было бы трудно ради различных мест жительства; впрочем, я в это не мешаюсь.

Статей Батуринского⁷ я не читала. Если он перепечатывает из "Б(ылого) и д(ум)", этого, думаю, тоже запретить нельзя ради давности написанного и изданного. Тут мог бы прежде сам издатель протест изъять – но после прошествия тридцати лет все vergähnt^{49*}.

Вы говорите, что Наталья Александровна, моя Тата, заботится только о своих племянниках, а разве этого мало, – когда у нее собственной личной жизни не создано, она не об одном их материальном или физическом благоденствии заботилась, она помогала их образованию, их духовной пище. Я в Тату верю, она всего менее заботится о себе. Если Ольга Алекс(андровна) не желает, чтоб печатался 5-й том, я не знаю по какой причине, но ваше предположение о ее рождении ошибочно. Гер(це)н считал ее своею дочерью и в одном из писем говорит, что у нее во многом проявляется его натура. Насколько это верно, я судить не могу, потому что совсем ее не знаю. Вы спрашиваете о ненавистном мне Гервеге. Да, он жил у нас в Цюрихе после отъезда Нат(альи) Алекс(андровны) в Париж к мужу. Нат(альи) Александр(овна) оставалась у нас в Цюрихе в то время, как А(лександр) И(ванович) и Л(уиза) И(вановна) ездили в Париж по денежным делам. Сам Г(ерце)н выписал, насколько помню, этого господина для общества Н(атальи) А(лександровне). Я уходила на целый день в школу с Колей. Это была большая ошибка со стороны А(лександра) И(вановича). ГERV(ег) мне никогда не нравился, потом я еще мало знала по-немецки.

Что вы называете швейцарским характером? Если есть какая-нибудь его осо-

МОСКВА. ПЛАН ВЛАДЕНИЯ М.А. ХОВАНСКОЙ
(УГОЛ ПОВАРСКОЙ И КРЕЧЕТНИКОВА ПЕРЕУЛКА)
Чертеж, 1843

Центральный исторический архив научно-технической
документации г. Москвы
В доме кн. М.А. Хованской воспитывалась и жила до замужества
Н.А. Герцен (Захарьин)

^{49*} сошло на-нет (нем.).

бенность, то откуда ей быть у детей Герце)на. Они не здесь росли. Может быть, вы обозначаете этим узость, то она везде есть и не одна отличительная черта какого-нибудь народа. Здесь, напротив, если нужна помощь, то она приходит со всех сторон.

Я получила вторую пачку писем, эти уже из Лондона, где начинается работа и заводится типография, друкарня, как он называет. Он пишет обо всем, серьезном и всedневном, и между проглядывает шутливое. Я могу назвать этот период древней историей, когда у него никого не было, чтоб высказываться без принуждения. После приезда Ог(аре)вых⁸ это должно было перемениться, имея вблизи такого близкого человека, потом расширялась и его деятельность, но забыта я не была.

Теперь хочу взять план Москвы и указать улицы, по которым идти до Поварской. Дом Ивана Алексеевича, где мы жили, стоял в переулке Сивцев Вражек. Идя направо по этому переулку, дойдешь до Пречистенского бульвара, оттуда налево до Арбатской площади, к которой примыкает Поварская. Идя по Поварской с Арбатской площади, дом княгини Хованской стоял на левой стороне и был угольный, но который переулок делал угол – не могу сказать. Наш дом стоял на углу Сивцева Вражка и Староконоушенного⁹, с Арбата прямо в ворота¹⁰.

Теперь я, кажется, ничего не забыла, что ответить было нужно. Теперь, хоть вы и не позволяете благодарить, а я все-таки за ваше такое милое внимание прислать мне “Сибирский листок”¹¹ из Тобольска сердечно благодарю, мне это было сладко и приятно.

Вчера и сегодня у нас морозик, и снегу немного выпало, а то уж чересчур много было мокроты. Мой внук сравнительно недурно перенес туманы и дождливую погоду, а дальше? Надежда и страх – всё вместе. Обнимаю вас и Анну Степановну, не волнуйтесь, это ни ей, ни вам не впрок пойдет. Ваша М. Р е й х е л ь .

¹ Приписка к письму Герцена от 18/6 февраля 1852 г. (см. XXIV, 234–235).

² Гервег.

³ Рисунок К.А. Горбунова (1845) хранится в РГАЛИ. См. его воспроизведение в “Лит. наследство”, т. 63, с. 421.

⁴ Письмо Герцена от 1 января 1852 г. (см. XXIV, 223).

⁵ Некрасова, вероятно, выражала недовольство тем, что А.А. Герцен передал М.О. Гершензону подлинники ряда писем Герцена (ср. “Лит. наследство”, т. 96, с. 586 и след).

⁶ О каком письме Огарева идет речь, не установлено.

⁷ Книга “А.И. Герцен, его друзья и знакомые” В.П. Батурина до выхода в свет отдельным изданием (1904) печаталась в виде статей в журнале “Вестник всемирной истории”.

⁸ Имеется в виду приезд Огаревых в Лондон в 1856 г.

⁹ Неточно: Малого Власьевского переулка.

¹⁰ См. в наст. томе работу С.К. Романюка “Герцен в Москве”.

¹¹ “Сибирский листок” – тобольская газета, издававшаяся в 1901–1916 гг.

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

2 января я воротилась из Лангенталля и прежде нежели успела отвечать на ваше письмо от 23 ноября, как по приезде принесли ваше письмо от 15 дек(абря) и книгу Батур(инского)¹, еще лежали на столе две газеты, которые я только теперь просмотрела. С которого конца начать благодарить вас, вашей доброте и милому вниманию нет ни конца, ни начала. Только в то же время я очень серьезно должна протестовать, что вы столько тратите денег на меня, ведь книга Бат(уринского) очень ценная. Только освобожусь от ответов на несколько писем, примусь читать. А читать есть чего много.

Буду теперь отвечать на все ваши соображения и вопросы.

Погода и у нас была милая, а теперь уже несколько недель холод, снегу мало, кой-где только лежит тоненькой корой. А последние дни с здешнего нового года даже солнце является, мы его очень давно не видали.

Об отъезде Герц(еных) (я говорю Герценоых, мне кажется правильнее говорить

Г(ерце)ных, так как именительное Г(ерце)ны. Поэтому я не понимаю, почему вы говорите Гер(це)нов). Я скажу, что помню. К сожалению, и моя память не все сохранила, одни впечатления заменялись другими, и подробности улетучивались. Я вам, вероятно, и теперь безалаберное письмо напишу, в Лангентале я не могла писать, мне уже туда пересылали письма, а по приезде сюда я нашла их несколько. Никак не могу найти ваше предпоследнее письмо и потому возьму теперь последнее, недавно полученное. Благодарю вас несказанно за все ваши желания, в них я опять вижу ваше прекрасное, горячее сердце, а знать, что такое есть – великое благодеяние. С моей стороны не менее сердечных желаний вам обоим, если б возможно только было тотчас исполнение.

Что вам о моем бедном внуке сказать? Я нашла его еще более исхудавшим в лице и с ужасно серьезным выражением. Но он каждый день встает, хотя и должен часто прилечь, чтоб отдохнуть. Мы очень боялись, как будет елка, но он был при ней и радовался на подарки свои и других и был несколько оживлен и больше обыкновенного остался дольше после ужина. В мое пребывание он был вообще более общителен и или смотрел на игры сестер, или даже принимал участие. Последнее проявление болезни – дурное пищеварение очень его ослабило, но теперь ему дают стерилизованное молоко, которое оказывает хорошее действие. Кашель значительно уменьшился, и ночи лучше. И сказать ли? рассказывают много случаев выздоровления больных, обреченных докторами на смерть; главное, чего недостает, это воздух. Генварь еще очень длинный месяц; в феврале бывают уже очень солнечные, теплые дни. Всю гнилую погоду больной перенес относительно недурно. Его мать, бедная, настоящая мученица, опять надеется, далеко не всякая мать способна на такое самотвержение, как она, и потому самонаименьший признак улучшения дает ей новые силы и новую надежду. В самом Лангентале были случаи выздоровления. Боюсь и я надеяться, боюсь и совсем отчаиваться.

Карточек с изображением картин из Третьяковской галереи я не получила. Бывши в 1898 г. в России, мне не удалось видеть эту галерею, она была заперта. Не посылайте мне портрет Г(ерце)на; если он дурен, я лучше хочу не видеть его. Уже первый портрет у Бат(уринского) дурен, какое-то вытянутое, безжизненное лицо. У меня есть гравюра этого портрета, сделанного в первое пребывание Г(ерцена) за границей. Памятник его ужасен, лицо не его, а кого-то очень *verdrießlich*^{50*}, и как дурно сделана одежда, с обоих боков точно короткая драпировка. Понять не могу, кто решил поставить такое изображение². Я надеюсь, что Фелиц(ына) скоро кончит с экзаменом, только сейчас ли она поедет, сомнительно. Карла Фогта получила от Н.А. Г(ерцен) и приложу его к этому письму.

Еще гостинец открыла я на столе моем, воротившись: несколько номеров “Толбского листка”³, присланные Семидаловым; пожмите ему руку за такое внимание и скажите ему, что я чрезвычайно рада хоть издали иметь раз прямое сношение с человеком из моей дальней родины. Меня все интересует, что до Сибири касается; и за границей об ней пишут и мой знакомый швейцарец присылает мне разные об ней сведения, которые он находит в журналах. И я радуюсь слышать, что Семидалов такой горячий поклонник Г(ерце)на.

Что до писем последнего касается, я, как начну, не могу оторваться от них. Вы пишете, что история с Гервегом известна в России. Я вам приведу одно место из письма, где он сам не боится гласности. Разумеется, что я буду приводить, что возможно, из писем, ведь это самый главный интерес. Что до Экка касается, все это было до моего времени, т.е. до моего приезда в Москву, и потому я не могу разъяснить вам этого.

Из Таурогена мы, точно, пересаживались в прусские дилижансы, возки же уехали назад, ведь нас провожали Зонненберг, Татьяна, бывшая кормилица Таты, и старый слуга. Возками, вероятно, распорядился Егор Иванович в Москве. Кетчер с Серафимой или без нее был в числе провожатых. Вероятно, и Силинька, как мы звали Серафиму, тоже была на проводах, наверное сказать не умею.

^{50*} угрюмого (нем.).

Вы только в последнем письме писали об инциденте должного быть заседания любителей рус(ской) слов(есности). Что молодежь поступила самовольно, это так, но чего же было пугаться членам администрации до такой степени, чтоб все последующие заседания отменить? “Колокол” бы на них! История с Герье тоже не в меру, мне кажется, что Герье поступил правильно, имея намерение возратить деньги тому, от кого получил на курсы. Я не знаю ближе, что и как, и не могу судить. Но поступок студентки некрасив, и я думаю, что такие выходы более портят, нежели помогают. Таковыми тяжеловесными протестами нельзя воспитывать и нельзя развивать⁴.

Вы меня в прошлом письме, кажется, спрашивали, можно ли напечатать письмо М.С. Щ(епкина)⁴. Я думаю, что в нем ничего не прямого нет, я предоставляю это вашему усмотрению, но денег за него получать не желаю, и с этим поступите, как желаете. Насчет печатания пятого тома, думаю, есть другая причина. Вероятно, еще жива жена Г(ерве)га, которая может наделать неприятности⁵.

Нашла ваше письмо. Но сегодня уже поздно, буду завтра дописывать. Я несколько вечеров сряду поздно легла, а это чувствуется.

5-го

Простите, ради бога, я опять напачкала чернильных пятен. Хотела еще больше писать, но моя помощница опять больна, вместо нее приходила дочь, и мне нужно было более указывать, что много времени взяло. Только одно прибавлю, что я московских женщин ценю, и люблю в памяти, я много дружбы и сочувствия имела от них. А теперь пока прощайте до свидания на бумаге.

Ваша М.Р.

¹ Книга В.П. Батурина “А.И. Герцен, его друзья и знакомые” в противоречии с годом, указанным на титульном листе (1904), вышла в свет еще в 1903 г. (ценз. разрешение 8 июля 1903 г.). См. рецензию на нее в “Русских ведомостях” от 17 ноября 1903 г. Ср. также прим. 7 к п. 27.

² Речь идет о скульптуре П.П. Забелло на могиле Герцена в Ницце. Памятник заказан был А.А. Герценом.

³ Имеется в виду “Сибирский листок”. См. прим. 11 к пред. письму.

⁴ См. прим. 3 к п. 20.

⁵ Печатанью тома пятого “Былого и дум” (точнее, глав о семейной драме Герцена) препятствовали его дети. См. об этом в ряде публикаций 1-й и 2-й кн. наст. тома.

14/1 января 1904 Берн

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Сейчас получила вашу карту от 29-го декабря. Она ужасно долго шла. Спешу сообщить, что присланные вами карты из Третьяковской галереи я все нашла, когда начала разрезать книгу, вами присланную. Но, прежде всего, сегодня наш русский Новый год, и позвольте обнять вас и А(нну) С(тепановну). Если б я только могла колдовать, чтоб доставить вам здоровья, о котором вы пишете такие нехорошие известия! Всем сердцем желаю, чтоб вы обе поправились. А мне так много надо благодарить вас и особенно за книгу Бат(уринского). Я еще далеко не все прочитала, но что читала, всё с большим интересом. Многое мне знакомо, то, напр(имер), что в посмертном издании есть. Наконец, сам Г(ерцен) является явно в печати, это большой шаг вперед. Дальше, что просматривала, напр(имер), что Г(ерцен) говорит о книге Тургенева “Отцы и дети”, для меня ново и еще более разъясняет смысл этого романа. Я его очень люблю и несколько раз читала. Взгляд Г(ерцена) на художество я переводила сыну. Только Г(ерцен), говоря о мещанстве, подразумевает, думаю, Запад. У нас этого нет, т.е. *Tiers état*⁵¹, может быть можно поставить на место чиновничество. Наши мещане, как было прежде, были только не крепостные. Я не знаю, как теперь в России, в мое время еще очень на касты разделялись. Вообще время принесло много новых форм, и в жи-

⁵¹ третье сословие (франц.).

вописи немало хороших вещей. Я, конечно, знаю только то, что здесь можно видеть, и между швейцарскими художниками есть замечательные. Теперь временно выставлены произведения недавнего умершего Сегантини, о котором много говорят. Не знаю, достанет ли у меня ног идти взад и вперед в Музей, трам в ту сторону не ездит пока, к тому же испортилась погода, после довольно долгого периода холодного времени и сухой дороги задул Föhn¹, от которого все тает; переходя сегодня через улицу, ветер понукал меня. Мне все время было нужно много отвечать на праздничные письма и карты, так что я совсем замоталась и потому не могла писать вам. С одной стороны, болезнь внука гнет ко дну, бывают иногда минуты тяжелой безнадежности и опускаются руки; с другой стороны, я получала и еще теперь получаю много знаков внимания, которое не может не трогать. Сегодня и от Нат(альи) Александровны получила открытку с поздравлениями к нашему Н(овому) г(оду) и несколько задушевных строк. Внуку моему и его матери то близко к отчаянию, то опять немного менее худо. Сам он все еще не знает своего состояния, но иногда уже плачет от страшной слабости и недомоготы, и тогда уже чересчур тяжело, зная и видя это. Я воротилась 2-го января по здешнему стилю, чтоб видеть еще дочь Алекса, которая приезжала к праздникам и должна была возвратиться в Лозанну.

Сегодня получила от вас два рассказа Л.Н. Т(олстого), только еще не прочитала, у меня сегодня было много дела, надобно было прибирать комнату, у меня будет скоро визит одной дамы. Вчера пришла газета о посещении Брайана, у Л.Н. Т(олстого)², интересны будут стенографические сообщения. Сам артикль^{52*}, я нахожу, написан уж очень подобострастно. “Новое время” я вам тотчас же по прочтении отправила, там было много для меня интересного, я читаю не только помеченное синим карандашом, но заглядываю и около. Прежде, когда существовала “Неделя” и ее книжки, там были разные отделы об новых открытиях, о нашей и иностранной литературе, теперь мне всего этого недостает. Сибирская газета меня очень интересует, была бы я богата, или хоть только побогаче, нежели теперь, я могла бы моей родине быть полезна, и с какой бы охотой.

Несмотря на то, что большая перемена против прежнего, есть еще многие темные места и мели. Я недавно имела случай видиться с одной молодой девушкой швейцарской, которая провела четыре года в Восточной Сибири далеко за Иркутском. Она была в семье инженера при постройке жел(езной) дор(оги). Она говорит хорошо по-русски и много мне сообщила. Что говорят журналы о книге Бат(уринского) и говорят ли? Правда, что теперь только и речи – будет ли война или нет, и здесь по минутно противуречащие известия в ту или другую сторону, так что не знаешь, чему верить, и не без тревожного чувства.

Чтоб не забыть сказать, благо об этом вспомнила: у меня нет портретов Н(а-тали) А(лександровны) и Марии Федоровны Корш.

15-го. Сегодня принес почтальон утром ваше письмо с картами. Я села, взявши loup^{53*}, и долго рассматривала, какие прекрасные вещи. Какое вы мне наслаждение доставили, милая, добрая Екатерина Степановна, я уж не знаю – как благодарить вас, ведь я только теперь через вас знакомлюсь с русскими художниками, по именам знаю некоторых только. Кому отдать предпочтение, все в своем роде хороши. Васнецова, наконец, вижу, его картина делает такое цельное впечатление. “Христос” Крамера очень хорош. Да я всем долго любовалась; одной менее других: Лебедева “К сыну”. Какие лица на “У жел(езной) дороги”; каждое живо и типично, и “Осень” и на Генисар(ском) озере прелесть. Теперь буду часто смотреть. Письмо не кончила с приготовлениями. А на дворе буянит, то солнце à la весна, то буря со снежным ураганом. Прощайте. Целую вас и А(нну) С(тепановну). Здоровья бы вам. Ваша М. Р е й х е л ь.

¹ Фён (нем.) – сухой и теплый ветер, дующий с гор в долины.

² У. Брайан посетил Толстого 5 декабря 1903 г.

^{52*} статья (франц. article).

^{53*} лупу (франц.).

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Давно пора ответить вам на ваше письмо, которое я получила на прошлой неделе, но тогда у меня гостила одна близкая особа, потом я хотела прежде, нежели писать вам, кончить книгу Батурицкого, за подарок которой не могу довольно благодарить вас.

Я читала ее, мало сказать, с интересом, но с сердечным участием и душевной грустью ради трагической судьбы Герцена. Сколько страсти, сколько сил положил он на осуществление идеалов, которым верил, и куда все это делось – после высокой ступени, на которой стоял, сколько пришлось ему слышать нареканий и чуть не презрения со стороны молодого поколения, в Женеве. Но сила его и тут ему не изменила, он нашелся в понимании, в разгадке, почему все так было. Читая все это, так страшно тяжело было. Это все мне малоизвестно было, с 1857 по 1867 я жила в Дрездене – и только в 1867 мы переехали в Берн, когда Герцен находился в Женеве за два года до его смерти, и виделись только раза три на короткое время. О его смерти в начале 1870 г. я узнала из газет.

Письма Тургенева чрезвычайно интересны, я из них еще более научилась уважать его именно за его отношение к Г(ерцену). Он, точно был ему преданный друг и почитатель, во многом хотя не согласный в мнениях, но со здоровыми, опытными взглядами. Мне было ужасно больно, ради различия взглядов дошло до разрыва, хотя последний все-таки не мог быть окончательным между людьми честных стремлений, и я была права, что они еще встретились и виделись дружески. Не могу не сказать, что личность Огарева бледнеет, он как будто тень без тела, – где поддержка, где твердая опора? Я должна признаться, что Тургенев гораздо более вносит почвы. Мне кажется, что Огареву лучше бы было остаться в России, которую так любил, с ее природой, с своей задумчивой и вдумчивой музой. Лондон не шел к нему, ни он к Лондону. Но судьба тасует людей по-своему. Идеальная дружба Герцена и Огарева, так восторженно начавшаяся еще в детстве, стремилась уменьшить расстояние – “вместе вошли в жизнь, – писал мне раз А(лександр) И(ванович) из Лондона, – вместе и выйдем”!

А идеалы Г(ерцена)? Наслышавшись от него об общине, я сама в нее верила, сама я не была с ней знакома, потому что не видела ее вблизи, а теперь, по-видимому, оказывается, что она не ведет к развитию, а способствует, скорее, к застою. Насколько Г(ерцен) мог ошибаться в форме, вера его в будущность, в развитие спасла его, лишь бы не останавливалось, а что это так, я вижу из присылаемых вами печатных листов – сидел же Илья Муромец сорок лет сиднем и начал вдруг ходить; пожелаем ему, чтоб ноги его окрепли, у него еще не прошли богатырские замашки – но чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало. Подчас тоска берет, когда кажется, что на свете все не той дорогой идет, и сколько катастроф, крушений, пожаров, землетрясений и колоссальной людской гибели, а присмотришься – ростки молодой травки новых горизонтов пробираются к жизни – мы, дескать, еще поживем. Простите мое разглагольствование, уж такой стих нашел.

Теперь позвольте мне не послушаться вас и русской грамматики в склонении имени Герцена. Тогда, в мое время, всегда говорили Герцены, Герценьих, к Герценьим, и мне кажется, что я изменю тому старому времени и всему его содержанию, столько для меня ценному, если примусь говорить Герценов; это мне чуждо, и на этом оставьте уж меня быть консерваторкой. В остальном вашем грамматическом уроке я соглашаюсь и признаю. Я, впрочем, заметила не раз, что язык меняется и принимает другие формы; напр(имер), прежде писали: тон – тоны, а теперь пишут тон – тона, и так везде в схожих словах.

На прошлой неделе была годовщина смерти Г(ерце)на, и мы с Татой перекликулись, а послезавтра годовщина нашего отъезда из Москвы 19/31 января 1847 г. 57 лет!

Большое спасибо за все ваши пожелания, но чудо не совершается, хотя больной внук еще жив, но безмерно слаб. Этот меч Дамоклеса все еще висит над головой, к этому сознанию не привыкнешь и головы не спасешь.

Вы пишете о сходстве Петра Алекс(андровича) с портретом деда у Батуриного. Это меня удивляет, я его когда-то видала в Лозанне, но тогда этого сходства не было. Я с вами не согласна, чтоб не оставлять внукам что-нибудь из воспоминаний, — пускай и они кое-что хранят, а то совсем забудут. Живущим в России есть же теперь случай побольше познакомиться с личностью деда через книгу Батур(инского). А браслетик Мальтийского ордена мне очень знаком², я часто в Москве его нашивала, Луиза Ивановна давала мне носить его. Зачем это кресло Боткина, этого сибарита и эгоиста, в Москву везут? Это Василья Боткина. Я другого брата, Николая, знала, более сердечного, хотя и менее ученого. Портрет Таты, О(гаре)вой с Олей у меня есть, я не нахожу его удачным³.

Я не помню как звали слугу, провожавшего нас до границы, что-то вроде Архипа или Антипа. Лаврентий был камердинером Ивана Алексеевича. Медведеву не помню, чтоб она была на проводах, едва ли, скорее и вернее, что нет. Бакунин никогда не сидел в Солов(ецком) монас(тыре), а в Шлиссельбурге сидел⁴. Ог(арева) односторонне и резко о нем отзываясь; положим, он частью дает к этому повод, но Бакун(ин) был такая необыкновенная личность, которая никак не укладывается в обыкновенные рамки жизни. Г(ерце)н, несмотря на недостатки Бак(унина), или, можно сказать, за излишество стремлений, прекрасно и верно его характеризует. Я его знала, а Рейхель еще больше меня, они прежде нашей женитьбы путешествовали и жили вместе. Рейхель сознавал себя обязанным ему в развитии, а Бак(унин) любил Рейхеля, как брата. Он здесь похоронен, и, посещая могилу Рейхеля, я захожу и на мог(илу) Бак(унина). Теперь я реже бываю, от меня далеко, а для меня возможность движения уменьшается, часто чувствую тяжесть в членах и должна принуждать себя к движению.

Я опять давно не писала, и подчас крадется мысль, что не за свое дело взялась, — но намерения совсем не оставила. Мне нечего стыдиться того, что я не имею доверия к себе, где-то Г(ерце)н сознается в том же; уж если такого человека с такой мощью посещали такие мысли, то мне и подавно позволительно.

До сегодняшнего дня у нас были для нашего климата сильные морозы, доходило до 17-ти° по Цельсию. Я топила изо всех сил, но до тепла не дотапливалась и мерзла. Домики, где мы живем, новые, построены с довольно тонкими стенками из кирпича, и печки новомодные. Швейцарцы привыкли к прохладе, а я, сибирский медведь, должна бы уже по натуре холод переносить, но выходит наоборот. Сегодня оттепель.

Кажется, я на все ваши вопросы ответила, спрашивайте, спрашивайте и далее, со мной не нужно церемониться. Получили ли вы фотографию Карла Фогта, которую я вам послала? У меня, кажется, есть писулька Венского (Пикулина)⁵, и ее поищу и пришлю вам; он тоже снабжал типографию через меня. Потом у меня хранятся: письмо Г(ерце)на после гибели Коли и Луизы Ив(ановны)⁶, последнее письмо Луизы Ив(ановны) перед отъездом из Марселя⁷, письмо ее племянницы⁸ и письмо Г(ерце)на к Гауку [повест(вующее) о семейной драме⁹]. Все это должно быть послано после меня в “Комнату 40-х годов”. Г(ерце)н дал мне сам списать письмо к Гауку¹⁰. На сегодня кончаю, урочный час прошел дня божия. Покойной ночи вам обоим.

Ваша М. Р е й х е л ь

30-го генв(аря). “Мороз и солнце, день чудесный”¹¹. Только без красавицы. Ночью был мороз, а теперь солнце светит. Забыла сообщить и благодарить за ассирийского царя; что сказать? Это очень постная сказка, хотя и очень хорошие указания содержит. Что-то еще хотела сказать, да вот не последовала сейчас и сегодня не вспомню. Об съезде Пирогова¹² читала, ведь, вероятно, на нем, т.е. к нему, и ехал Семидалов. Поклонитесь ему, вот вспомнила, что он что-нибудь из Тары хотел до быть, очень благодарю за такое внимание. В Таре похоронен мой отец Каспар Ива-

нович Эрн, в Сибири его называли Карпом. Несмотря на то, что мне было 4 года, когда он скончался, я помню местность, где жили, и место, где отец покойся. Вероятно, теперь и следа не осталось. Затем обнимаю вас и Анну Степановну.

Ваша М. Р е й х е л ь

¹ Ср. VII, 267–270 и VIII, 84.

² Мальтийский орден, или орден иоаннитов (орден родосских рыцарей). Вероятно, у Л.И. Гааг это было просто украшение.

³ См. воспроизведение этой фотографии в “Лит. наследстве”, т. 63, с. 511.

⁴ М.А. Бакунин был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости в 1851 г. и пробыл там до 1857 г.

⁵ Это письмо П.Л. Пикулина неизвестно.

⁶ См. XXIV, 208–209.

⁷ Это письмо до нас не дошло.

⁸ Племянница Л.И. Гааг Луиза Цабель.

⁹ См. XXIV, 242–259.

¹⁰ Текст, о котором идет речь, упоминается в пред. прим.

¹¹ Начало стихотворения Пушкина “Зимнее утро” (1829).

¹² Пироговские съезды созывались с 1885 г. Обществом русских врачей в память Н.И. Пирогова. В январе 1904 г. в Петербурге состоялся IX съезд.

31

7 марта / 23 февраля (1904 г.). Берн

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Сегодня пришло ваше письмо и “Р(усские) в(едомости)” и сегодня же хочу отвечать вам. Мне чулось, что вы трудное время переживаете, я так часто о вас думаю с вашей дорогой больной и вижу из вашего письма, что я не обманывалась. Теперь насчет поездки на Юг – если она будет возможна – Крым, Кавказ, Сочи, это тот же Юг, как и в Европе, только другие условия. Для пребывания в первых местах, насколько знаю, оставляют много желать для удобства. В Сочи, например, три разные климата, морской, южный и лесной, у меня около Сочи живет знакомая дама, которая в Петербурге все была больна, а теперь здорова. Но ехать туда очень затруднительно, сообщения слишком неудобны. У дамы там своя вилла. Растительность чудная, фрукты в изобилии, а леса каштановые, дубовые... Морской воздух, говорят, очень целителен. Правда, что дорога, куда ни едешь, очень далека и вам одним с А(нной) С(тепановной) трудно пускаться. Буду ждать, что Семидалов с доктором решит.

Я уже знаю, что Петр Александрович¹ уезжает или теперь уже уехал в Манчжурию. Жена его не едет с ним, ее отговорили да, кажется, ее и взять не хотели. Представьте, как еще имя Герцена живет в памяти рус(ских) людей. Как только узнали, что внук его едет на войну, пожертвования посыпались в его отряд, как из рога изобилия, даже начали посылать к нему в дом. Это известие меня ошачливило.

Я же теперь выписываю многое из писем Ал.Ив. Г(ерцена), где он очень часто жалуется, что друзья молчат и как будто не симпатизируют его деятельности, а вот какой он себе памятник воздвигнул. Он даже идет до обвинения в трусости. Я стараюсь выбирать возможное для печати и вообще стараюсь продолжать. Мой сын спрашивал меня перед отъездом, скоро ли я кончу, – наверное не знаю, но меня точно кто толкает не выпускать теперь дела из рук.

Полно вам черта на стене малевать, вы уже о войне в Индии упоминаете, сохрани бог, чтоб до этого дошло, и теперь уже какие чуть не непреодолимые трудности, и первая из них – страшно далекие расстояния, ужасный холод, снег и трудность довольно пищи иметь. Теперь много и об Японии пишут, у Алекса есть толстая книга об Японии, ученая, с самыми разными глубокими исследованиями. Они, т.е. японцы, гораздо старше нас, русских, и гораздо раньше нас выработали нравственные понятия; удивляться надобно, как это все старо и как теперь еще над этим работать нужно.

Фельетон получила. Очень жаль Семидалова, если назначение состоится; я тоже трудно переносю жар; должно быть, это сибирское свойство, но и холод не люблю. Дальний Восток, я уже извещала, что получила, насчет карт – у нас их теперь

при газетах, как особенную *douceur*^{54*} прилагают, и потому не посылайте мне, у меня всегда на столе Манчжурия и Корея обретаются.

Вот как мало я знаю русский музыкальный мир, имя Бракамберг² мне совершенно не знакомо.

Приходится мне вам нашу *route*^{55*} объяснить. Почему прошло много времени между получением паспорта и отъездом, сказать не умею. Мы ехали все вместе до Берлина³. Оттуда, т.е. из Берлина, Луиза Ивановна, Коля и я с девушкой-немкой уехали раньше в Вюртемберг, в маленькое местечко, если не ошибаюсь, в Вайблингем, где у Луизы Ивановны были родственники. Герцены еще остались в Берлине и уехали потом в Париж и жили в avenue Marigny. Мы, Луиза Ивановна, Коля и я поехали в Париж весною, думаю в апреле, остановились сперва в отеле, потом переехали в rue Miromesnil. Из Парижа Луиза Ивановна и я с Боткиным Николаем Петровичем и его женою ездили в Лондон недели на две, Коля оставался у матери. Воротившись из Лондона, Луиза Ивановна, ее брат⁴, Коля, я и девушка Адельгейда⁵ отправились в августе в Швейцарию и после посещения швейцарских городов и бернского Оберланда остановились в Женеве, где и ждали известий, когда Герцены оставят Париж, – они из Парижа, мы из Швейцарии и съехались в Ницце. Брат Л(уизы) И(вановны) уже из Парижа уехал к себе. Вот вам остов всего путешествия – из Ниццы поехали все вместе в Рим, где и провели зиму, были в Неаполе, а потом опять все поехали в Париж.

Вы спрашиваете о матери Ганса, она безутешна и совсем подавлена горем, которое близко к отчаянию. Все говорят о Гансе, что он перестрадал, но это плохое утешение, видя как страдает мать, как она убита. Лишь бы физический организм выдержал, во время болезни сына она забывала себя, а теперь и эта физическая сторона заставляет себя чувствовать, у ней все болит. Много надобно времени, чтоб ей стало легче.

Вы пишете о корсаковской болезни⁶. Насколько понимаю, это касается психиатрии. У нее, т.е. у m-me Фогт⁷, начал сперва желудок, сильные боли, недостаток аппетита и сна. А теперь она хотя и жалуется, но, видимо, ей не так скверно, аппетит есть, и сон лучше. В этой огромной больнице Diakonissen-Anstalt Salem хороший уход. M-me Фогт не подозревает, что она не дома. При ней всегда кто-нибудь; работать она не может и скучает, если одна. А теперь у них в семье тоже печальный случай, молодая девушка на вид ничего и, кажется, все разумно, но она страдает какими-то представлениями, вроде hallucinations^{56*}, от которых не может освободиться, и тут, вероятно, мозг виноват. Обещанный знакомый моего брата еще не являлся.

Прочитала отмеченное в "Р(усских) в(едомостях)" и очень довольна и даже удивляюсь, как многое дельно и внятно сказано, лишь бы уши были. Как вспомнился старый знакомый и все его речи⁸.

От моего сына было сегодня известие из Вероны (Verona). В Brescia еще был снег, теперь и на Юге холодно было. Алекс уже двое суток идет по Адриатическому морю и только послезавтра приедет на Корфу. Это уже Греция. Ну, прощайте, милая Екатерина Степановна, сегодня очень грустно, было письмо от Паулы⁹, и стоишь тут перед этим горем и чувствуешь себя жалким и беспомощным. Обнимаю вас и А(нну) С(тепановну).

Ваша М. Рейхель

¹ Внук Герцена, врач. Жена его – Е. Зотти.

² Имеется в виду композитор П.И. Бларамберг.

³ Рейхель описывает свою поездку за границу вместе с Герценами в 1847 г.

⁴ Вероятно, Готлиб Гаг (см. XXIV, 384).

⁵ Адельгейда *Меассалер* – горничная Л.И. Гаг.

⁶ Правильно – "корсаковский психоз", описанный психиатром С.С. Корсаковым.

⁷ Жена А. Фогта.

⁸ О каких материалах из "Русских ведомостей" идет речь, неясно.

⁹ Паула – невестка Рейхель.

^{54*} сладость (франц.).

^{55*} дорогу (франц.).

^{56*} галлюцинаций (франц.).

(Берн.) 17-го/4 октября (1904 г.)

Милая, дорогая Екатерина Степановна! Сегодня получила от Таты присланную вами тетрадку Н.П. О(гарева)¹. Трогательно и очень грустно. И Тата пишет, что это ее очень интересовало и тронуло: “Всего дорогого нашего “Ага”, как мы его называли, узнаю тут”. В начале прошлой недели я воротилась из Лозанны, и бог знает от чего напала на меня такая слабость, что ни на что не годна. Я даже через улицу боюсь перейти и сама готовить не могу. Дети присылают мне обед. Много мы говорили с Татой о прошлом и пятую главу “Б(ылого) и д(ум)” я читала; они там удивлялись, что ее я не знала. Это потрясающая история, и сколько мне ни было из нее знакомо, она вновь потрясла меня. Я этого мнения, что печатать ее еще рано, и еще одно обстоятельство говорит за это. Ольге М(оно) вся эта гер(вегов)ская история неизвестна, и муж ее не желает выводить из ее неведения. На этот раз я познакомилась с Ольгой, я ее почти совсем не знала. Она ужасно похожа на бабушку, я просто с удивлением смотрела на нее. Мы очень радушно встретились, Ольга сделала мне хорошее впечатление, и мы тотчас были как давно знакомые. А что меня особенно радовало, это их обоюдное отношение как мужа и жены.

Я сегодня очень скверно пишу, сижу на диване низко, а стол высок. А то я почти целый день лежу, так доктор советовал. У Моно болен сын, Ольга и сестра Моно уже несколько месяцев с ним в Валлиси, в sanatorium “Монтана”. Ольга приезжала в Лозанну записаться зимним платьем. “Монтана” на 1500 метров вышины.

Теперь об Тате: это такое неподражаемое существо, гуманное, любящее, лишь бы другим было хорошо. Как она мила была ко мне, точно родная дочь.

Представьте, что я узнала об m-me Герих, написала ей из Лозанны и сегодня получила здесь ответ, где она чуть не восторженно радуется, что нам пришлось еще хоть письменно встретиться. Если вам есть возможность узнать, пришли ли в музей портреты А(лександра) И(вановича) и Нат(альи) Ал(ександровны) два дагерротипа. Я послала их через Л.Ф. Пант(елеева), но он не мог отдать их сам, а поручил другому. Я вам буду очень благодарна. А теперь дайте обнять себя вашей М.Р.

¹ Публикация Некрасовой “Н.П. Огарев. Исповедь лишнего человека” (РМ, 1904, № 8, с. 1–18).

22/9 октября 04. Берн.
Marzistr(asse), 22-b

Милая, дорогая Екатерина Степановна!

Простите меня за промах. Что меня побудило воспользоваться оказией, это то, что портреты дагерротипные под стеклом. К вам адресовать – не знала, будете ли вы в городе. Хорошо, что вы все-таки об них заботитесь. А мой промах еще дальше идет, мне бы прежде следовало Тате отдать, она делает со всех снимки для себя. Я видела все, что у нее есть, а такого портрета, как этот дагерротип, у нее нет, а этот портрет очень хорош. На все ваши вопросы отвечать не могу, помню только, что портреты были сделаны в Ницце. Наталья Александровна держит маленькую Ольгу. Ольга родилась в Ницце 20-го ноября 1850 года. По всем вероятностям Луиза Ив(ановна) привезла мне эти портреты в Париж в 1851 году, в котором и были сняты портреты. А(лександр) А(лександрович) говорил мне, что отослал переписку А(лександра) И(вановича) и Ог(арева), которая должна быть очень интересна и объясняет много из их общежития, над которым мы с вами так ломали головы. А(лександр) А(лександрович) прислал мне эти письма по означенному адресу, думая, что так вернее. Если б вы знали, как меня все волновало в прошедшем, как все опять вставало в памяти, в которой никак не уживаются странные сближения, и не ради себя, а ради будущего.

ОЛЬГА МОНО (ГЕРЦЕН)

Фотография. Париж, 1896

Российская государственная библиотека, Москва

"Она ужасно похожа на бабушку, я просто с удивлением смотрела на нее"

(М.К. Рейхель – Е.С. Некрасовой. 17/4 октября (1904) г.

Я все еще не отделалась от моей слабости, проба перейти через улицу мне повредила. Доктор надеется на питание, когда придет аппетит, теперь он уже начинает показываться. Я большей частью лежу и решительно ни на что не способна, но обо мне заботятся, особенно часто приходит Мими – внучка. Простите за каракули и дайте обнять себя. Семидалову-земляку большой поклон.

Ваша М.Р.